

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Пензенский государственный университет
Историко-филологический факультет

Актуальные проблемы исторической науки

Выпуск 9

Сборник научных трудов

Издается с 2003 года

Пенза – 2012

УДК 9я43
ББК 63я43
А437

Печатается по решению редакционно-издательского совета
историко-филологического факультета Пензенского
государственного университета

Редакционная коллегия:

О. В. Ягов, д-р ист. наук, проф. (отв. ред.); О. А. Сухова, д-р ист. наук,
проф. (зам. отв. ред.);
С. В. Белоусов, д-р ист. наук, проф.; В. А. Власов, канд. ист. наук, проф.;
А. С. Касимов, д-р ист. наук, проф.; В. В. Кондрашин, д-р ист. наук, проф.;
В. И. Первушкин, д-р ист. наук, проф.; Л. Ю. Федосеева, канд. ист.
наук, проф.

Рецензенты:

А. А. Васильев, д-р ист. наук, проф. (ССЭИ РЭУ им. Г. В. Плеханова);
Т. Д. Надькин, д-р ист. наук, проф. (МГПИ им. М. Е. Евсевьева)

Актуальные проблемы исторической науки. Вып. 9: Сб. науч. тр.
А437 /под общ. ред. О. В. Ягова. – Пенза: ПГУ, 2012. – 159 с.

В международном сборнике трудов рассматриваются актуальные научные проблемы всеобщей и отечественной истории, краеведения, историографии и методологии исторической науки. Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также для тех, кто интересуется историей.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 9я43
ББК 63я43

© ПГУ, 2012

Содержание

Раздел I. Всеобщая история

Тимченко К. В. (г. Рязань) «Гольштейн-ольденбургский вопрос» во внешней политике России, Дании и Швеции.....	5
--	---

Раздел II. История России

Гарбуз Г. В. (г. Пенза) Уездные съезды в системе органов крестьянского управления в начале XX века	10
Жарова Е. Ю. (г. Брянск) Обзор основных преобразований университетов Российской империи в русле развития естественнонаучного образования	13
Киселев М. А. (г. Пенза) Порядок проведения фильтрации бывших советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны.....	22
Лосяков А. В. (г. Пенза) Условия возникновения и развития трудовой повинности в период Гражданской войны	25
Обрезкова Н. В. (г. Новочеркасск) Официальный досуг горожанок Дона в 1920-е годы.....	29
Стрекалова Е. Н. (г. Михайловск) Идентичность интеллигенции в 20-е годы XX века (на материалах Северного Кавказа)	33
Табаченков В. В. (г. Пенза) Политическое и экономическое сотрудничество России и Словении: история и современность.....	38

Раздел III. История Поволжья

Воейков Е. В. (г. Пенза) Вооружение лесной стражи Поволжья и проблема охраны лесов в период НЭПа.....	42
Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. (г. Пенза) Автомобильный транспорт и дорожное строительство на рубеже 1920–1930-х гг. (по материалам Среднего и Нижнего Поволжья).....	47
Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. (г. Пенза) Дорожное строительство и благоустройство городов Поволжья в годы второй пятилетки (1933–1937).....	51
Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. (г. Пенза) Дорожное строительство, местный транспорт и благоустройство городов в довоенный период. 1938 – июнь 1941 года (по материалам Поволжья).....	56
Семенова Е. Ю. (г. Самара) Вовлечение городского населения Поволжья в деятельность просветительских обществ в Первую мировую войну.....	60
Сорокина С. В. (г. Самара) Качественный и количественный состав рабфаков Средневолжского края в 30-е годы XX века.....	69
Филатов С. Г. (г. Пенза) Совершенствование системы контроля качества пищевых продуктов в 1928–1937 годах (по материалам Поволжья).....	73

Раздел IV. История Пензенского края

Власов В. А., Тишкина А. В. (г. Пенза) Имущественный состав раскулаченных крестьян Пензенского края.....	80
Лосяков А. В. (г. Пенза) Методы и результаты мобилизаций лошадей в годы Гражданской войны в Пензенской губернии	84
Ягов О. В., Сухова О. А. (г. Пенза) Из истории становления и развития производственного объединения «Старт» г. Заречный в середине 1950-х – первой половине 1960-х годов.....	89

Раздел V. Историография и методология исторической науки

Ефремкин М. И. (<i>г. Пенза</i>) Механизм действия законов истории	96
Зайнутдинов Д. Р. (<i>г. Казань</i>) Политико-правовая мысль в антибольшевистской России	103
Ковалева Д. Н. (<i>г. Саратов</i>) Как поссорились Леонид Витальевич и Николай Платонович (История дружбы Л. В. Собинова и Н. П. Карабчевского)	107
Коптелов А. О. (<i>г. Екатеринбург</i>) Политическая полиция Российской империи 1825–1880-х годов в немецкой историографии XIX–XX века	111
Лосяков А. В. (<i>г. Пенза</i>) Появление новых подходов и научных проблем в изучении формирования системы повинностей периода Гражданской войны в историографии последних десятилетий.....	115
Магадеев И. Э. (<i>г. Москва</i>) Как союзники становятся соперниками? Обзор отечественной и зарубежной историографии о причинах осложнения англо-французских отношений и эволюции Антанты в 1920-е годы	122
Мазарчук Д. В. (<i>г. Минск, Республика Беларусь</i>) Телеологическое восприятие истории и историография «Возрождения XII века»	133
Меер Е. С. (<i>г. Красноярск</i>) Школа А. Коббена: Майкл Сайденхэм и легенда о жирондистской партии	140
Минько С. И. (<i>г. Дзержинск, Республика Беларусь</i>) Методология столыпинской программы преобразования России (к 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина) ...	145
Почивалова А. В. (<i>г. Пенза</i>) Петр I в оценке М. П. Погодина	154

РАЗДЕЛ I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

«ГОЛЬШТЕЙН-ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ ВОПРОС» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ, ДАНИИ И ШВЕЦИИ

© К. В. ТИМЧЕНКО

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина,
магистрант направления «Историческое образование»,
e-mail: pepi200816@rambler.ru

После подписания Ништадского мирного договора в 1721 г. в отношениях между Россией и Швецией начался новый этап, продлившийся до начала XIX в. Дипломатические и военные меры двух держав были направлены, со стороны Российской Империи, на сохранение за собой завоеванных ранее территорий, а со стороны Швеции, соответственно, на их возвращение.

Эти ориентиры были предусмотрены в, так называемой, Северной системе, разработанной бароном Корфом и взятой на вооружение графом Никитой Ивановичем Паниным при разработке внешнеполитического курса России. Главной задачей для России, по его мнению, было сохранение права на ведение независимой от других европейских государств внешней политики. Решение этой задачи он видел в обеспечении равновесия сил на континенте. Профранцузской коалиции необходимо было противопоставить союз северных держав, в который входили бы Россия, Пруссия, Англия, Дания, Швеция и Польша. Такой союз необязательно было подтверждать актом о его создании. Страны-участницы могли бы просто быть связаны системой взаимовыгодных соглашений¹.

В связи с этим можно сделать вывод, что граф Панин хотел создать коалицию во главе с Россией. Тем самым, в Европе появилось бы два крупных блока, включающих в себя довольно мощные на то время европейские державы: Франция, Австрия и Испания с одной стороны и перечисленные выше страны – с другой. С возникновением этих двух коалиций в Европе, по замыслу Панина, должны были наступить мир и стабильность. Сама же Россия, являясь членом данного союза, должна была извлечь для себя максимум выгод и минимум обязательств перед другими странами. Согласно представлениям графа о взаимодействии членов Северного союза, Англия обязана была оказывать содействие русским дипломатам в Швеции и Турции, а взамен она получала помощь в случае возникновения конфликта с Францией или Испанией. Привлечение Польши в данный союз обеспечило бы Россию союзницей на случай военного столкновения с Турцией или Австрией.

Особенно важным в данном контексте нам представляется развитие отношений между Россией и Швецией. Не менее значимой являлась позиция Дании, которая контролировала проливы – выход из Балтики в Атлантику. Существовало немало внешнеполитических обстоятельств, в силу которых этим странам приходилось когда-либо сталкиваться друг с другом, как в дипломатическом, так и в военном плане. Одним из них было решение голштинской проблемы. Суть ее состояла в том, что Дания добивалась включения в состав своей территории обоих герцогств – Шлезвига и Гольштейна. Развитие событий в рамках этой проблемы охватывает период продолжительностью более полувека, который представляется возможным разделить на несколько относительно самобытных этапов:

– первый этап – 20-30-е годы XVIII в. – конец правления Петра I и эпоха дворцовых переворотов до вступления на престол Елизаветы Петровны – характеризуется относительно спокойными отношениями России, Дании и Швеции в связи проблемой Шлезвига и Гольштейна;

– второй этап – 40-е и начало 60-х годов XVIII в. – время правления Елизаветы Петровны и Петра III – характеризуется постоянным чередованием заключения союзов Рос-

сией то с Данией, то со Швецией, в поддержку то одной, то другой державы в решении голштинского вопроса;

– третий этап – 60-е и начало 80-х годов XVIII в. – время правления Екатерины II – может считаться заключительным в решении этой проблемы.

В заключительный период своего царствования Петр I, стремясь упрочить международный статус России пошел на заключение ряда династических браков. Одним из них был брак дочери императора Анны и герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Сближение гольштейн-готторпской династии с Российской Империей осложняло положение соседней Дании. Но после смерти Петра I, в период, известный в отечественной историографии, как «эпоха дворцовых переворотов», отношения между Россией и Данией улучшились. Одной из причин тому может служить, например, малая заинтересованность императрицы Анны Ивановны в укреплении династических связей с голштинским домом.

Новый виток, связанный с усилением роли России в делах региона последовал в 1740-х гг. В 1741 г. молодая императрица Елизавета Петровна провозгласила наследником престола Карла Петра Ульриха (будущий Петр III), сына Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского. Почти одновременно представитель гольштейн-готторпской династии утвердился на шведском престоле. В 1743 г. риксдаг избрал шведским престолонаследником двоюродного дядю наследника российского престола – князя-епископа Любека Адольфа Фридриха (Фредрика). Престолом последний был обязан опять же Елизавете Петровне, поставившей его избрание условием заключения Абосского мира в войне со Швецией 1741–1743 гг.². Все это значительно осложняло положение Дании, король которой Кристиан VI также претендовал на шведский престол и добивался прав на Шлезвиг и Гольштейн.

Чуть позже между Швецией и Россией был заключен союзный договор (1745 г.), который учитывал интересы обеих стран в голштинском вопросе. Однако, «оттепель» в русско-шведских отношениях длилась совсем недолго. В 1746 г. на сессии риксдага антирусски настроенная партия «шляп», воспользовавшись возмущением в Швеции, которое было вызвано давлением со стороны Петербурга, и, опираясь на поддержку враждебных России западных держав, выступила защитником национальной независимости. Свое господствующее положение в шведском парламенте эта партия утвердила после того, как на ее сторону перешла некоторая часть «колпаков» (оппозиция правящей партии, настроенная на сближение с династией Романовых и борьбу против Дании при поддержке России и Англии). Наиболее же скомпрометировавшие себя деятели «колпаков» были арестованы, и вся эта партия на долгое время утратила серьезное влияние³.

Вскоре, после распада русско-шведского союза, Российская империя вновь начала сближение с Данией. По новому датско-русскому договору Дания признавала претензии русского престолонаследника на готторпскую часть Шлезвига, взамен чего Россия давала гарантии, что король Швеции никогда не станет герцогом в Гольштейне.

Другим фактором, облегчающим решение гольштейн-готторпской проблемы, стал официальный отказ шведского престолонаследника Адольфа Фридриха от готторпской части Шлезвига. В случае же наследования его родом Гольштейна, он обещал обменять его на немецкие графства Ольденбург и Дельменхорст, принадлежавшие на тот момент датскому королю.

Вступление на русский престол в 1761 г. принца Карла Петера Ульриха таило для Дании новую опасность. В отличие от Елизаветы Петровны, император Петр III по отношению к Дании придерживался совершенно иных позиций. На заключительном этапе Семилетней войны, отказавшись от продолжения борьбы с Пруссией, он спланировал поход на Датское королевство, которое в тот момент переживало сложный период. Король Фредрик V в последние годы жизни совершенно отошел от дел, поэтому власть в государстве оказалась в руках корыстолюбивой аристократии⁴. Известие об агрессивных планах России и большой приверженности нового российского императора ко всему прусскому обеспокои-

ло датские правящие круги. Пост военного министра занял граф Сен-Жермен, известный как сторонник прусской военной традиции. Несомненно, что дворцовый переворот 1762 г. в Петербурге и воцарение Екатерины II спасли датчан⁵. Сен-Жермен же своей деятельностью вызвал в Дании бурю негодований. Неприязнь вызывали как неприятие прусской военной системы, так и убеждение в том, что француз не может искренне отстаивать суверенитет Дании. Результатом действий противников Сен-Жермена стало подписание в феврале 1765 г. союзного договора между Данией и Россией, в секретных статьях которого на Данию возлагались обязательства, связанные с помощью России в борьбе с Турцией и противодействием французскому влиянию в Швеции⁶.

Дело по поводу Голштинии сдвинулось с мертвой точки с момента приезда в Копенгаген в июле 1767 г. нового русского посланника – генерал-майора Философова и находившегося при нем действительного тайного советника Каспара Сальдерна, который приехал в Россию из Голштинии еще при Петре III и был принят на службу в Коллегию иностранных дел, где впоследствии сумел добиться расположения графа Никиты Ивановича Панина.

В Дании к тому моменту произошла смена власти. Король Фредрик V умер и престол занял его сын Кристиан VII, психическое здоровье которого было таково, что он был не в состоянии использовать перешедшую в его руки власть и всецело зависел от придворных группировок и своих первых министров, обычно немцев⁷. Все более или менее важные дела при дворе делались путем подкупа и интриг. Такая обстановка создавала благоприятные условия для деятельности Сальдерна.

Соглашение о Голштинии было подписано уже в апреле 1767 г. По его условиям Екатерина II от имени своего сына Павла как герцога гольштейн-готторпского уступала датскому королю принадлежавшую Павлу часть герцогства в обмен на территории, не граничившие с Данией, – герцогство Ольденбургское и графство Дельменгорстское⁸. Но до достижения великим князем совершеннолетнего возраста эти земли принадлежали Дании только де-юре, а де-факто она стала владеть ими только в 1773 г. Именно в этом году великий князь Павел подписал в Санкт-Петербурге окончательный договор с Данией. Статьи данного договора предусматривали исполнение заключенного ранее русско-датского договора об обмене герцогства Голштинского на графства Ольденбург и Дельменхорст⁹, а также оказание военной поддержки друг другу каждой из сторон в случае нападения на одну из них третьей стороны. При нападении же Швеции на одну из держав, другая должна была объявить ей войну.

Кроме обмена территориями по этому соглашению Дания обязана была уплатить долги правительства Голштинии. Благодаря стараниям Сальдерна, русские суда пользовались особыми льготами в датских гаванях.

Таким образом, соглашение носило взаимовыгодный характер: Дания полностью присоединяла герцогства Шлезвиг и Гольштейн, а Россия получала свои выгоды в торговой сфере. В последующие же годы отношения между этими двумя странами оставались более или менее дружественными. Такие благоприятные результаты для обеих сторон являются заслугой Философова и Сальдерна, которые принимали самое активное участие в интригах, разыгрывавшихся при королевском дворе, и нейтрализовали усилия врагов союза с Россией¹⁰.

Завершающим событием в развитии голштинской проблемы в XVIII в. может считаться переписка короля Швеции Густава III и Екатерины II по поводу судьбы графств Ольденбург и Дельменхорст. Данная проблема стала простым предлогом к разрыву отношений между Швецией и Россией, который шведский король вынашивал уже в течение долгого времени. Поводом же к резкому изменению отношений с Российской империей стала смерть в 1785 г. дяди обоих монархов – Густава III и Екатерины II – князя-епископа Любека Фридриха Августа, который явился родоначальником герцогов Ольденбургских.

Сущность спора между правителями России и Швеции раскрывает в своем сочинении «Екатерина II и Густав III» Карл Яковлевич Грот. Он полагает, что шведский король считал несправедливым, что графства Ольденбург и Дельменхорст перешли под управление русского императорского дома, который он считал младшей Голштинской линией. Густав III в письме к русской императрице изложил свои претензии на данные земли, ссылаясь на свою обязанность беспокоиться об интересах своего сына и потомков, а также своем собственном достоинстве. В этом же письме король пытался объяснить Екатерине II, что в результате уступок, которые она сделала в пользу Дании, его «семейство навсегда лишено наследия (его) предков, наследия, гарантированного и утвержденного всеми законами Германской империи и Вестфальским миром, а также императором Иосифом I в Альтранштадском мирном договоре»¹¹. Причина же, по которой шведский король до сих пор не воспользовался своими правами на данные территории, заключалась лишь в его хорошем отношении к герцогу Фридриху Августу. В итоге, после всех откровенных жалобных излияний, Густав III требует у Екатерины II некоей компенсации за понесенные, якобы по ее вине, территориальные потери. Письмо примерно такого же содержания шведский король отправил и великому князю в надежде, что тот поможет ему в решении этого вопроса, полагаясь на его яркую приверженность к рыцарским правилам чести и справедливости.

Екатерина II, отвечая шведскому королю в дружелюбном тоне, напоминала Густаву III, что его отец, будучи еще кронпринцем «торжественно отказался (от Голштинии), в присутствии государственных чинов Швеции, за себя и своих потомков, от дальнейших притязаний или прав дома, из которого он происходил»¹². Этим самым Екатерина II твердо указала шведскому королю на законное право великого князя Павла Петровича и его потомков наследовать земли покойного герцога Ольденбургского.

Между тем Густав III, несмотря на приведенные российской императрицей аргументы, не отказывался от своих притязаний. Ко второму письму, касающемуся этой же проблемы, он приложил выписку из заключенного в 1750 г. трактата между его отцом и Фредриком V, в которой говорилось, что король Швеции никогда не отказывался от наследственных прав своего дома, «но что, меняя Ольденбург и Дельменгорст на Голштинию, он удерживал за собой все права на первые два владения, которые намеревался принять в обмен на Голштинию, как скоро ему представится случай наследовать их»¹³.

Настойчивость Густава III, не могла остаться без внимания Екатерины II и, более того, воспринималась ею как угроза государственным интересам России. Как отмечает К.Я. Грот, в противодействие замыслам Густава III, была придумана следующая комбинация: герцог, администратор Ольденбурга, имея малолетних детей, страдавших слабоумием, формальным завещанием поручит великому князю Павлу Петровичу опеку над этими детьми, с тем, чтобы он вместе с их матерью герцогиней вступил во все права наследственного управления до совершеннолетия сыновей герцога. Это распоряжение предполагалось донести до сведения Римского императора. Но судьба этой затеи, к сожалению неизвестна.

После обмена такими посланиями переписка между двумя монархами на долгое время прекратилась. Густав III был настолько серьезно занят разработкой враждебных России планов, что решение Ольденбургского вопроса было им отложено. Можно сказать, что борьбу на данном участке отношений с Россией он проиграл, смирившись с жесткой позицией Екатерины II на этот счет.

Примечания

1. Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. С. 76-77.
2. Грот Я.К. Труды. Екатерина II и Густав III (1876–1878). СПб., 1901. С. 212.
3. История Швеции. М., 1974. С. 297.

4. Гаврюшкин А.В. Указ. соч. С. 81.
5. Кан А.С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1980. С. 100.
6. Гаврюшкин А.В. Указ. соч. С. 81-82.
7. Кан А.С. Указ. соч. С. 96.
8. Гаврюшкин А.В. Указ. соч. С. 83.
9. Русско-датский союзный договор 1773года:
[http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F3%F1%F1%EA%EE-%E4%E0%F2%F1%EA%E8%E9_%F1%EE%FE%E7%ED%FB%E9_%E4%EE%E3%EE%E2%EE%F0_\(1773\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F3%F1%F1%EA%EE-%E4%E0%F2%F1%EA%E8%E9_%F1%EE%FE%E7%ED%FB%E9_%E4%EE%E3%EE%E2%EE%F0_(1773))
10. Гаврюшкин А.В. Указ. соч. С. 83.
11. Грот Я.К. Указ. соч. С. 251.
12. Там же. С. 252.
13. Там же. С. 253.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ

УЕЗДНЫЕ СЪЕЗДЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ КРЕСТЬЯНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© Г. В. ГАРБУЗ

Пензенский государственный университет,
доцент кафедры истории Отечества, государства и права,
кандидат исторических наук,
e-mail: ggarbuz@rumbler.ru

В начале XX в., несмотря на процесс индустриализации, Россия оставалась преимущественно аграрной страной. Подавляющее большинство населения российской провинции было крестьянским. В такой ситуации одну из ключевых ролей в местном государственном аппарате играли органы крестьянского управления. Они обладали судебной и административной властью, осуществляли надзор за деятельностью органов крестьянского сословного самоуправления. В каждой губернии аппарат крестьянского управления представлял из себя административную пирамиду, в основании которой находился институт земских начальников – непосредственных проводников правительственной политики на местах, промежуточное положение занимали уездные съезды, направляющие деятельность крестьянских учреждений в рамках уезда, и на вершине пирамиды находилось губернское присутствие, по образному выражению П.А. Столыпина – «нервный центр губернии, объединяющий все власти близко соприкасающиеся с крестьянством»¹.

Из всей системы органов крестьянского управления наиболее исследован институт земских начальников². В работах, посвященных данной проблеме, находит отражение деятельность уездных съездов, но темой отдельного изучения они не являются. В этой связи будет уместно в рамках представленной статьи осветить некоторые аспекты функционирования данных учреждений.

Уездные съезды земских начальников возникают после принятия «Положения о земских участковых начальниках» 12 июля 1889 г. Они были преобразованы из уездных по крестьянским делам присутствий. При этом функции новых учреждений расширились, в первую очередь за счет наделения их судебными полномочиями.

Уездные съезды, были призваны оказывать поддержку земским начальникам и одновременно осуществлять ближайший контроль над их деятельностью. Они периодически собирались в губернских или уездных городах, по принадлежности. Чтобы сделать их деятельность более открытой, информация о сроках заседаний публиковалась в «Губернских ведомостях», дополнительно рассылались уведомления во все волостные управления уезда.

Председателем съезда являлся уездный предводитель дворянства. В состав съезда входили все земские начальники, председатель земской управы, уездный исправник, уездный член окружного суда, городской судья (если таковой имелся) и податной инспектор. В качестве членов уездных съездов могли выступать почетные мировые судьи, но в списках некоторых уездных съездов они не значились. Возможно, это связано с тем, что многие должностные лица, входившие в состав съездов, совмещали это звание с основными обязанностями³.

Заседания уездного съезда носили распорядительный, административный и судебный характер. Распорядительные заседания определяли порядок работы съезда. Для проведения других заседаний съезд делился на два присутствия – административное и судебное.

Административное присутствие составляли уездный предводитель дворянства и земские начальники. Предводитель дворянства контролировал подготовку административных дел подлежащих рассмотрению на заседаниях, сбор дополнительных сведений, вызов тех лиц, чьи дела рассматривались съездом. Заседания проходили не реже одного раза в месяц. В решении каждого административного дела должно было участвовать не менее трех членов

съезда. Именно административное присутствие рассматривало дела об увольнении от службы и предании суду должностных лиц крестьянского самоуправления. Оно назначало на должности председателей волостных судов, определяло размеры жалования служащим волостных правлений⁴.

Уездные съезды могли отменять приговоры сельских и волостных сходов, уже прошедшие проверку у земских начальников и утверждать приговоры относительно переделов общинной земли, на которые компетенция земских начальников не распространялась. По закону 14 июня 1910 г. они получили право утверждать переход общинных земель в личную собственность крестьян. Решения съездов по этим вопросам были окончательными, и пересмотреть их мог только Сенат⁵.

Съезд устанавливал опеку над сельскими обывателями вследствие их расточительности. Он разрешал продажу имущества крестьян за недоимки. В этом случае в заседании участвовал податной инспектор. При участии председателя уездной земской управы рассматривались вопросы оказания продовольственной помощи населению. Съезд не только контролировал деятельность земских начальников в этом направлении, но и дополнял ее своими действиями. В компетенцию съезда входил сбор данных о продовольственной нужде населения уезда, надзор над пополнением продовольственных магазинов и формированием продовольственных капиталов. В случае необходимости он имел право ходатайствовать о выделении крестьянскому населению продовольственных ссуд и кредитов из государственных средств⁶. Административные присутствия уездного съезда работали весьма интенсивно. В 1908 г. на каждый уездный съезд Пензенской губернии приходилось 936 административных и продовольственных дел⁷.

Административное присутствие осуществляло надзор за деятельностью земских начальников. Они предоставляли в уездный съезд отчеты о своей деятельности, там же рассматривались поступившие на их постановления жалобы, причем решения присутствия были безапелляционными. Предводитель дворянства, как глава уездного съезда, проводил ревизии деятельности земских начальников и передавал отчеты о ревизиях в губернское правление. Под его контролем канцелярия присутствия, во главе с секретарем готовила к рассмотрению административные дела, решения по которым незамедлительно воплощались в жизнь соответствующими земскими начальниками⁸. Это ставило государственные органы в непосредственное подчинение представителю дворянского самоуправления и позволяло дворянским корпорациям контролировать крестьянскую политику правительства.

Судебное присутствие уездного съезда играло роль кассационной инстанции, куда подавались жалобы на действия волостных судов, земских начальников и городских судей. Несогласные с решением волостного суда по гражданским делам крестьяне имели право подать жалобу земскому начальнику, который направлял дело в уездный съезд. Если земский начальник усматривал превышение власти волостного суда в решении уголовных дел, то он мог передать дело в судебное присутствие и без жалобы сторон. В состав присутствия, кроме предводителя дворянства и земских начальников, заседавших по очереди, входили член окружного суда, городской судья и мировые судьи⁹. Предводитель дворянства должен был лично проводить заседания присутствия. В уездных съездах в основном рассматривались гражданские дела по спорам об имуществе, входившем в состав крестьянских наделов, по спорам об оплате при найме на сельскохозяйственные работы, уголовные дела о проступках против органов сельского самоуправления, о неисполнении крестьянами различных требований органов власти, самовольном использовании чужого имущества, о неисполнении правил об охране лесов, строительного устава, мелких кражах, мошенничестве.

В начале XX в. наблюдается тенденция к увеличению делопроизводства в судебных присутствиях уездных съездов. В Пензенской губернии на один уездный съезд в 1908 г. в среднем приходилось 357 уголовных и 822 гражданских дела, а в 1911 г. соответственно 463 и 1457 дел¹⁰. Возможно, это связано с увеличением имущественных споров и конфликтов внутри крестьянской общины в связи с проведением столыпинской аграрной реформы.

Наличие чиновников Министерства юстиции – менее зависимых от местной администрации и потому более объективных, а также постоянно существующие межведомственные трения приводили к конфликтам между судебными присутствиями уездных съездов и земскими начальниками. Последние стремились переквалифицировать наиболее спорные вопросы в административные и перевести их в более близкое им административное присутствие. В крайнем случае, у представителей крестьянской администрации всегда имелась возможность апеллировать к губернскому присутствию и тем самым перевести дело на более высокий административный уровень.

По административным делам решения губернского присутствия были окончательными. По судебным делам, включавшим в себя принятие решений по должностным преступлениям лиц, подчиненных присутствию, а также по отмене окончательных приговоров и решений уездных съездов, губернское присутствие часто выносило лишь свое суждение, предоставляя право окончательного решения Сенату и другим государственным учреждениям¹¹.

Уездные съезды стали одним из центральных элементов уездного уровня государственного управления. Являвшиеся одним из результатов консервативной политики Александра III они воспроизводили в своей деятельности наиболее архаичные черты самодержавной государственности: патерналистический характер управления, зависимость от воли местного дворянства. Эти черты в условиях модернизационного процесса начала XX в. уже не соответствовали требованиям, которые предъявляли новые условия жизни к государственному аппарату.

Примечания

1. Труды съезда неперменных членов губернских присутствий. 1907. СПб. 1908. С. 4.
2. Башкирова Н.В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность: 1889–1917 гг. дисс. кан. ист. наук. М., 2010; Бузанова Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии: 1889–1917 гг. дисс. кан. ист. наук. Тамбов, 2005; Гурьянов М.М. Институт земских начальников в конце XIX – начале XX вв. и его региональные особенности дисс. кан. юрид. наук. Киров, 2007; Звонцова А.В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 1880-е гг. XIX – начале XX в. (по материалам Тульской губернии): дисс. кан. ист. наук. Тула, 2006; Фурсов В.Н. Сафронова Н.В. Земские начальники в России их роль в русской деревне (на материалах Воронежской губернии). //Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история, политология, экономика, информатика. №1. 2008. С. 58-64.
3. Памятная книжка по Пензенской губернии 1904 г. Пенза, 1903. С. 99.
4. Катков М.А. Роль уездных предводителей дворянства в государственном управлении России. М., 1914. С. 35.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 262а. Л. 15об.
6. Катков М.А. Указ. соч. С. 36.
7. ГАПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1356. Л. 277об-278.
8. Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1902. С. 162-163. Ст. 86, 93.
9. Там же. С. 158. Ст. 67.
10. ГАПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1356. Л. 255об-256; Д. 2515. Л. 208-210.
11. Российский Государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 120.1913. Д. 90.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РУСЛЕ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Е. Ю. ЖАРОВА

Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского,
ассистент кафедры зоологии и анатомии, кандидат биологических наук,
e-mail: zharova_ekaterina@bk.ru

Начало естественных наук в России, несомненно, связано с именем Петра Великого и основанием Академии наук в 1724 г.. Перенесение европейской академической традиции на русскую почву поставило вопрос о подготовке собственных научных кадров, для чего при Академии наук и был открыт Университет, который, несмотря на усилия наладить в нем постоянную подготовку будущих ученых, часто не имел слушателей и, в конце концов, прекратил свое существование. Курсы естественных наук читались и на «подготовительном» философском факультете открытого в 1755 г. Московского университета, а также в медицинских учебных заведениях – госпитальных школах, во второй половине XVIII в. – на медицинском факультете Московского университета, в Московской и Петербургской Медико-хирургических академиях. Тем не менее, начало университетского естественнонаучного образования в Российской империи было положено масштабными реформами начала царствования императора Александра I, благодаря которым появились физико-математические отделения, где готовились специалисты в области естественных наук.

Итак, первым шагом для развития университетского естественнонаучного образования в Российской империи стало принятие университетских уставов для существовавшего с 1755 г. Московского университета и вновь открытых в начале XIX в. Виленского, Дерптского, Харьковского и Казанского университетов в 1803–1804 гг.¹. В каждом университете появились равноправные медицинское, нравственно-политическое, физико-математическое и словесное (в Виленском университете – словесных наук и изящных искусств) отделения. Лишь Дерптский университет имел свои особенности – те же четыре отделения, но в духе немецких традиций – богословское, юридическое, медицинское и философское, в котором имелись четыре класса – физико-математический, естественных наук, филологическо-исторический и технологико-экономический класс². Именно уставом Дерптского университета закладывались основы не просто физико-математического факультета, но и естественного отделения, которое появилось в остальных российских университетах намного позже.

Наряду с появлением отдельных физико-математических факультетов еще одним важным пунктом уставов было определение кафедр, относящихся к физико-математическим факультетам (Табл. 1). По данным таблицы заметно, что наименьшая разница по кафедрам существовала в русских университетах, тогда как Дерптский и Виленский университеты имели свои локальные особенности, обусловленные их «иностранностью» по отношению к другим университетам.

Университетские уставы касались и такого вопроса, как присуждение ученых степеней, устанавливая степени кандидата, магистра и доктора, но самое важное – иерархию ученых степеней – они не устанавливали. Еще с XVIII в. в обиходе были докторские степени по медицине и праву и магистерские в области философских и свободных наук, которые в равной степени присуждались как естественникам, так и гуманитариям. А.Е. Иванов отмечает, что магистрами философских и свободных наук были математик Д.С. Аничков, правовед М.М. Снегирев, физик Д.В. Савич, лингвист Д.Н. Синьковский⁴. «Положение о производстве на ученые степени» 1819 г. не только определило иерархию степеней: действительный студент–кандидат–магистр–доктор, но и касалось разрядов наук, которых было 4. Оно давало возможность получить степень магистра

или доктора по следующим естественным наукам – чистая и прикладная математика, физика и химия, естественная история⁵.

Таблица 1

**Кафедры физико-математического отделения
русских университетов по уставам 1803–1803 гг.**

<i>Дерптский³</i>	<i>Виленский</i>	<i>Московский</i>	<i>Харьковский</i>	<i>Казанский</i>
<p><i>I. Физико-матем. класс:</i></p> <p>1. Теоретической и практической философии</p> <p>2. Чистой и прикладной математики</p> <p>3. Обсерватор (экстраординарная профессора)</p> <p><i>II. Класс естественных наук:</i></p> <p>1. Теоретической и опытной физики</p> <p>2. Теоретической и опытной химии</p> <p>3. Натуральной истории вообще и ботаники в особенности</p>	<p>1. Физики</p> <p>2. Химии</p> <p>3. Естественной истории</p> <p>4. Ботаники</p> <p>5. Сельского домоводства</p> <p>6. Вышней чистой математики</p> <p>7. Вышней смешанной математики</p> <p>8. Астроном-наблюдатель</p> <p>9. Астрономии</p> <p>10. Гражданской архитект.</p>	<p>1. Теоретической и опытной физики</p> <p>2. Чистой математики</p> <p>3. Прикладной математики</p> <p>4. Астроном-наблюдатель</p> <p>5. Химии</p> <p>6. Естественной истории (Демидовская)</p> <p>7. Ботаники</p> <p>8. Минералогии и сельского домоводства</p> <p>9. Технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам</p>	<p>1. Теоретической и опытной физики</p> <p>2. Чистой математики</p> <p>3. Прикладной математики</p> <p>4. Астроном-наблюдатель</p> <p>5. Химии и металлургии</p> <p>6. Естественной истории и ботаники</p> <p>7. Минералогии и сельского домоводства</p> <p>8. Технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам</p> <p>9. Военных наук</p>	<p>1. Теоретической и опытной физики</p> <p>2. Чистой математики</p> <p>3. Прикладной математики</p> <p>4. Астроном-наблюдатель</p> <p>5. Теоретической астрономии</p> <p>6. Химии и металлургии</p> <p>7. Естественной истории и ботаники</p> <p>8. Минералогии и сельского домоводства</p> <p>9. Технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам</p>

В том же 1819 г. на базе Главного Педагогического института был открыт Петербургский университет, в котором три ветви естественной истории – ботаника, зоология и минералогия имели отдельные кафедры⁶. С Петербургским университетом связано еще одна веха в естественнонаучном образовании Российской империи. В 1820 г. казенно-коштных студентов разделили на два разряда – естественных и математических наук. «Это был едва-ли не первый в русских университетах опыт раздробления факультетских предметов на однородные группы, с целью, если не специализации, то облегчения занятий»⁷. Несмотря на то, что этот опыт прочно не закрепился, (в 1836 г. Петербургский университет вновь ходатайствовал о разделении физико-математического отделения на два разряда), это был один из первых опытов специализации студентов-естественников.

В 1820 г. уже Министерство духовных дел и народного просвещения утвердило новый индивидуальный университетский устав – для Дерптского университета. И хотя он принципиально не отличался от предыдущего 1803 г., существенным изменением было ассигнование значительно больших средств (359910 руб.⁸, тогда как русские университеты получали довольствие по уставу 1804 г. в размере 130000 руб.) на развитие науки в Дерпте, что сразу поставило университет на ступень выше остальных российских университетов. Это обусловило в 1828 г. выбор Дерптского университета в качестве научной базы для подготовки профессорско-преподавательского состава для остальных российских университетов. В течение 10 лет здесь функционировал Профессорский институт, в котором были подготовлены специалисты-биологи высокого уровня, например, С.С. Купторга – зоолог Петербургского университета.

С царствованием Николая I, помимо открытия Профессорского института, связаны другие ключевые события. Был закрыт Виленский университет в результате Польского восстания 1830–31 гг.⁹. Для окраинных земель Российской империи открыли новый уни-

верситет Св. Владимира в Киеве (1833 г.), получивший особенный устав¹⁰ (предшественник общеуниверситетского устава 1835 г.). Устав 1835 г. окончательно закрепил, выделение кафедр ботаники, зоологии и минералогии из прежней обширной кафедры естественной истории, появились в русских университетах и кафедры физической географии¹¹. Еще одно нововведение касалось физико-математического отделения, которое теперь наряду с историко-филологическим стало отделением воссозданного философского факультета, входившего в состав Московского университета XVIII в.

Принятие устава 1835 г. инициировало в университетах еще одно важное нововведение – разделение физико-математического отделения на классы или на разряды, уже существовавшие в Дерптском университете по уставу 1803 г. Это разделение было осуществлено в Петербургском университете в 1836 г.¹², в 1838 г. два разряда в виде четырехлетнего опыта появились в Московском, Казанском и Петербургском университетах¹³. В 1842 г. специализация вновь была продлена и вошла в новый устав университета Св. Владимира. В это же время было разделено физико-математическое отделение Харьковского университета¹⁴.

Принятие нового университетского устава привело к пересмотру Положения 1819 г. В 1837 г. появилась временная редакция, которая была заменена постоянной только в 1844 г. Главным новшеством было введение более дробного присуждения ученой степени магистра. Если раньше ученая степень присуждалась по физико-математическим наукам в целом, к области которых были отнесены математика, физика, химия и естественная история¹⁵, то теперь появились магистерские степени по ботанике и зоологии, физике, химии, минералогии и геогнозии, технологии, сельского и лесного хозяйства. Докторскую же степень присуждали по разряду естественных наук.

Все эти меры по развитию университетского образования в России, хотя и дали определенные результаты в виде подготовки отечественных ученых, тем не менее, были недостаточными и требовали продолжения. Главным итогом первой половины XIX в., итогом всех преобразований и деятельности университетов стало то, что «сложилась кадры отечественной профессуры, значительно повысился уровень преподавания, возникли школы и направления в области гуманитарных и естественных наук»¹⁶. В сложный период последних лет царствования императора Николая I, университеты сохранили свою роль и значение для развития русской науки. Дальнейшие преобразования нового императора Александра II стали положительным зарядом успехов естественных наук в целом и биологии в частности.

Новый университетский устав 1863 г. увеличил число кафедр на физико-математических факультетах с 8 до 12. Единая прежде кафедра ботаники «распалась» на две – морфологии и систематики растений и анатомии и физиологии растений. Та же участь постигла и кафедру зоологии, из которой выделились кафедры сравнительной анатомии и систематики животных и анатомии человека и физиологии животных. Разделены были также кафедры физики и физической географии, химии (опытная и теоретическая), минералогии и геогнозии, появилась кафедра практической механики, вместо громоздкой кафедры технологии, сельского, лесного хозяйства и архитектуры – кафедры технической и агрономической химии¹⁷. Устав естественным образом отражал те изменения в науке, которые были реальностью. Действительно, во второй половине XIX в. ботаника не только вышла из-под опеки естественной истории, но и перестала быть только систематикой. Активно развивались, в том числе, и благодаря трудам отечественных ученых, сравнительная анатомия (И.И. Мечников, А.О. Ковалевский) и физиология животных (И.М. Сеченов), другие естественные науки (химия, геология, палеонтология, физика).

Развитие науки, увеличение числа кафедр в университетах привело к запуску нового механизма подготовки научных кадров, который был заложен еще в уставах 1803–1804 гг. – научные командировки молодых ученых с целью подготовки к профессорскому званию¹⁸. Молодых ученых отправляли за границу на 2 года для приготовления к должности профессора, а с 1863 г. появился институт профессорских стипендиатов. Сущность его со-

стояла в том, что к одному из преподавателей университета на срок до 2 лет прикреплялся выпускник, успешно окончивший курс и желающий посвятить себя преподавательской деятельности. Профессор нес ответственность за прикрепленного стипендиата и за его подготовку.

В 1862 г. была сформирована первая группа командирующихся за границу за государственный счет. Всего за год было отправлено 46 чел.¹⁹. Это были первые «профессорские кандидаты», приготавливаемые для занятия должностей профессоров в университетах. Устав 1863 г. регламентировал условия подготовки к профессорскому званию, указав, что талантливых студентов следует оставлять в качестве приват-доцентов при университетах на 1-2 года, а после сдачи ими магистерского экзамена командировать их в русские и зарубежные университеты. Большой проблемой этой системы было извечное отсутствие средств на заграничные поездки, поэтому многие талантливые молодые ученые не попали в списки²⁰.

Институт «профессорских кандидатов» постепенно замирал, так, по свидетельству Е.В. Соболевой на его нужды в 1862–65 гг. было отпущено 372000 руб., в 1866–71 гг. – 266000 руб., а в 1883 г. ежегодные ассигнования составили всего 50000 руб.²¹, незначительно они увеличились в 1898 г. (66000 руб.), но и этого было явно недостаточно, и Министерство было вынуждено отказывать ежегодно многим желающим кандидатам. Не имея поддержки от государства, молодые люди либо шли на государственную службу, либо использовали собственные средства, что поощрялось Министерством.

Новое Положение о присуждении ученых степеней, принятое в 1864 г., дало возможность получить магистерскую степень по новому разряду наук – географии, разделили и математические науки. Более подробно теперь присуждали и докторскую степень (Табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная таблица разрядов наук физико-математического факультета по Положениям 1819, 1837, 1844 и 1864 гг.

<i>1819</i>	<i>1837</i>	<i>1844</i>	<i>1864</i>
<i>Магистерские и докторские степени присуждались по физико-математическим наукам в областях:</i> 1. Чистая и прикладная математика 2. Физика и химия 3. Естественная история	<i>Магистерские:</i> 1. Математических наук 2. Астрономии 3. Химии и минералогии 4. Ботаники и зоологии 5. Технологии, сельского хозяйства и лесоводства <i>Докторские:</i> 1. Математические 2. Естественные науки	<i>Магистерские:</i> 1. Математических наук 2. Астрономии 3. Физики 4. Химии 5. Минералогии и геогнозии 6. Ботаники 7. Зоологии 8. Технологии 9. Сельского хозяйства и лесоводства <i>Докторские:</i> 1. Математики и астрономии 2. Физики и химии 3. Естественные науки	<i>Магистерские</i> ²² : 1. Чистой математики 2. Прикладной математики 3. Астрономии 4. Физики 5. Химии 6. Минералогии и геогнозии 7. Физической географии 8. Ботаники 9. Зоологии 10. Технологии 11. Сельского хозяйства

На 60-е годы XIX в. пришлось еще немало важных события для развития науки в России – это открытие Новороссийского университета (1865), принятие нового устава Дерптского университета (1865) и открытие Варшавского русского университета с отдельным уставом (1869). В отношении организации обучения на физико-математическом факультете существенной разницы в этих уставах не было, лишь Дерптский университет «обладал» меньшим набором кафедр в сравнении с другими российскими, точнее рус-

скими университетами (Табл. 3). Как подчеркивал Е.В. Петухов, «по числу кафедр и преподавательских сил специальный устав Дерптского университета очень отстает от общеуниверситетского устава: в то время как там только для четырех факультетов (историко-филологический, физико-математический, медицинский и юридический) положено 53 кафедры при 90 преподавателях (57 профессоров и 33 доцента), в Дерпте на всех пяти факультетах (те же и богословский) положено только 40 кафедр²³ при 50 преподавательских силах (40 профессоров и 10 доцентов)»²⁴.

Таблица 3

**Кафедры физико-математического факультета
по уставам 1863, 1865 и 1869 гг.**

1863	1865	1869
1. Чистая математика 2. Механика: а) аналитическая; б) практическая 3. Астрономия и геодезия 4. Физика 5. Химия: а) опытная; б) теоретическая 6. Минералогия 7. Физическая география 8. Геогнозия и палеонтология 9. Ботаника: а) морфология и систематика растений; б) анатомия и физиология растений 10. Зоология: а) сравнительная анатомия и систематика животных; б) анатомия человека и физиология животных 11. Техническая химия 12. Агрономическая химия	1. Чистая математика 2. Прикладной математики 3. Астрономия 4. Физика 5. Химия 6. Минералогия 7. Ботаника 8. Зоология 9. Сельского хозяйства и технологии	1. Чистая математика 2. Механика: а) аналитическая; б) практическая 3. Астрономия и геодезия 4. Физика 5. Химия: а) опытная; б) теоретическая 6. Минералогия, геогнозия и палеонтология 7. Физическая география 8. Ботаника: а) морфология и систематика растений; б) анатомия и физиология растений 9. Зоология: а) сравнительная анатомия и систематика животных; б) анатомия человека и физиология животных 10. Техническая химия 11. Агрономическая химия

В связи с тем, что физико-математические факультеты пополнились многими кафедрами, специализация в виде разделения факультета на отделения окончательно закрепилась во всех университетах, а в Харьковском даже углубилась – 21 октября 1864 г. физико-математический факультет был разделен на три разряда – математический, физико-химический и естественный²⁵. Тогда же, встал вопрос о введении специализации студентов с третьего курса. Он был рассмотрен на первом съезде естествоиспытателей в 1867 г., по результатам которого было опубликовано постановление²⁶ о специализации студентов с третьего курса, которая оставалась в ведении конкретного университета, что было связано с тем, что проводить ту или иную специализацию университеты могли только при наличии определенных специалистов.

Важным нововведением устава 1863 г. следует назвать, прежде всего, развитие практической части преподавания благодаря организации лабораторий (Табл. 4). Отдельной статьей расходов прописывались издержки на занятия студентов физико-математического факультета химией.

Следующий университетский устав 1884 г. мало коснулся разделения кафедр на физико-математических факультетах, скорее, наоборот, были объединены ранее автономные кафедры физики и физической географии, минералогии и геологии (Табл. 5), немного он добавил и в научной части (лаборатории, Табл. 6), тем не менее, он кардинальным образом менял принцип обучения.

Таблица 4

**Лаборатории на физико-математических факультетах
русских университетов по уставам 1804, 1835 и 1863 гг.**

<i>1804</i>	<i>1835</i>	<i>1863</i>
Натуральный кабинет Физический кабинет Химических аппаратов и лаборатории Обсерватория	Физический кабинет Химическая и фармацевтическая лаборатория (в Петербургском университете только химическая) Минералогический кабинет Ботанический сад (каб. в Петербургском университете) Зоологический кабинет Технологический кабинет и собрание машин и моделей для прикладной математики Обсерватория ²⁷ Зоотомический театр и собрание препаратов (нет в Петербургском университете)	Обсерватория Кабинет практической механики Физический кабинет с лабораторией Химическая лаборатория и кабинет Минералогический кабинет с лабораторией Кабинет физической географии Метеорологическая лаборатория Кабинет геологический и палеонтологический Ботанический сад Ботанический кабинет Зоологический кабинет и лаборатория для препарирования животных Зоотомический кабинет и лаборатория Физиологический кабинет Технический кабинет и лаборатория Агрономический кабинет и лаборатория

Таблица 5

**Кафедры физико-математических факультетов
русских университетов по уставам 1804, 1835, 1863 и 1884 гг.**

<i>1804</i>	<i>1835</i>	<i>1863</i>	<i>1884</i>
1. Теоретической и опытной физики 2. Чистой математики 3. Прикладной матем. 4. Астроном–наблюдатель 5. Химии 6. Естественной истории 7. Ботаники 8. Минералогии и сельского домоводства 9. Технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам ²⁸	1. Чистая и прикладная математика 2. Астрономия 3. Физика и физическая география 4. Химия 5. Минералогия и геогнозия 6. Ботаника 7. Зоология 8. Технология, сельское хозяйство, лесоводство и архитектура	1. Чистая математика 2. Механика: а) аналитическая; б) практическая 3. Астрономия и геодезия 4. Физика 5. Химия: а) опытная; б) теоретическая 6. Минералогия 7. Физическая география 8. Геогнозия и палеонтология 9. Ботаника: а) морфология и систематика растений; б) анатомия и физиология растений 10. Зоология: а) сравнительная анатомия и систематика животных; б) анатомия человека и физиология животных 11. Техническая химия 12. Агрономическая химия	1. Чистая математика 2. Механика теоретическая и практическая 3. Астрономия и геодезия 4. Физика и физическая география 5. Химия 6. Минералогия и геология 7. Ботаника 8. Зоология, сравнительная анатомия и физиология 9. Технология и технологическая химия 10. Агрономия

Ранее, студенты сдавали ежегодно переводные курсовые экзамены, по результатам которых в дальнейшем получали диплом действительного студента или кандидата. Теперь

годовой курс был разделен на полугодия, курсовые экзамены были отменены и введены так называемые «зачеты полугодий», для получения которых необходимо было посещать определенное число лекций, практических занятий, получать положительные оценки на занятиях, выполнять определенные работы²⁹. По результатам полученных зачетов (8-ми полугодий) студент получал выпускное свидетельство и допускался к экзамену в экзаменационных комиссиях. Впоследствии, привычные курсовые испытания были возвращены после второго и четвертого полугодий, в результате чего частично возобладала привычная организация учебного процесса. Университетский устав 1884 г. отменил ученые степени для студентов-выпускников, заменив их дипломами I и II степени. В 1891 г. в Дерптском университете были приняты по образцу остальных русских университетов правила зачета полугодий, что привело его в общее русло российского образовательного пространства³⁰.

Таблица 6

Лаборатории и кабинеты физико-математических факультетов русских университетов по уставу 1884 г.

<i>Московский</i>	<i>Харьковский</i>	<i>Казанский</i>	<i>Петербургский</i>	<i>Св. Владимира</i>	<i>Новороссийский</i>
Обсерватория Кабинет практической механики Физический кабинет с лабораторией Зоологический кабинет Минералогический кабин. Геологический кабинет Палеонтологический кабинет Ботанический кабинет Кабинет сравнительной анатомии Технологический кабинет с лаборатор. Агрономический кабинет с лаборатор. Химическая лаборатория Ботанический сад	Астрономический кабинет Кабинет практической механики Физический кабинет с лабораторией Каб. физической географии Зоологический кабинет с лабораторией Зоотомический кабинет с лабораторией Минералогический кабинет Геологический кабинет Ботанический кабинет Технологический кабинет с лабораторией Агрономический кабинет с лабораторией Химическая лаборатория Ботанический сад	Обсерватория (астрономическая, метеорологическая, магнитная) Кабинет практической механики Физический кабинет с лабораторией Каб. физической географии Зоологический кабинет Минералогический кабинет Геологический кабинет Ботанический кабинет Зоотомический кабинет Технологический кабинет с лабораторией Агрономический кабинет Химическая лаборатория Ботанический сад	Астрономический кабинет Механический кабинет Физический кабинет с лабораторией Зоологический кабинет Минералогический кабинет Геологический кабинет Палеонтологический кабинет Ботанический кабинет Зоотомический кабинет Агрономический кабинет Физиологический кабинет ³¹ Химическая лаборатория Техническая лаборатория Ботанический сад	Обсерватория (астрономическая, метеорологическая) Кабинет практической механики Физический кабинет с лабораторией Зоологический кабинет Минералогический кабинет Ботанический кабинет Зоотомический кабинет с лабораторией Технологический кабинет с лабораторией Агрономический кабинет Химическая лаборатория Ботанический сад	Обсерватория Кабинет практической механики Физический кабинет с лабораторией Кабинет физической географии Зоологический кабинет Минералогический каб. Геологический кабинет Палеонтологический кабинет Зоотомический кабинет Технологический кабинет с лаборатор. Агрономический кабинет с лаборатор. Химическая лаборатория Ботанический сад

Безусловно, важным законодательным событием начала XX в. стало введение Временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения (1905), однако они не касались организации учебного процесса, которая была реформирована в 1906 г. путем перехода с привычной ранее курсовой системы на предметную. Если ранее студент сдавал одновременно все экзамены за курс (только за первый и второй после правил 1889 г.) и при неуспехе любого из них оставался на повторный курс, то теперь сдача экзаменов не только была растянута во времени (как в течение учебного года – два-три раза и более в год), но также студенты были волены выбирать курсы вне зависимости от года обучения, т.е. появилась возможность ранней специализации. Впоследствии, в 1911 г., Министерство Народного просвещения наложило дополнительные ограничения, утвердив перечень обязательных для сдачи предметов как ежегодно, так и на государственном экзамене³². В результате предметная система в российских университетах приобрела «урезанный» вид: «Как известно, почти всюду в высших учебных заведениях установлена предметная система, правда в сильно урезанном и сокращенном виде. Согласно системе, всякий учащийся может проходить с курса на курс, сдавая любое количество экзаменов из прослушанных предметов или ничего не сдавая. Эту свободу омрачают всякие «минимумы», которые служат некоторым прищипывающим средством для малоуспешных, но все-таки кой-какая свобода есть»³³.

Таким образом, реформирование системы высшего естественнонаучного университетского образования продолжались на протяжении более чем ста лет, но и в начале XX в. на повестке дня стоял вопрос о дальнейшем ее совершенствовании. В течение XIX в. основные нововведения касались расширения числа кафедр, разрядов наук подготовки профессорско-преподавательского состава, углубления специализации путем разделения физико-математического факультета на отделения естественных и математических наук, увеличения срока обучения с 3 до 4 лет, однако практически не касались самой организации учебного процесса. Ее кардинальные изменения последовали позднее – с принятием устава 1884 г., а затем и правил 1906 г., ознаменовавших переход на предметную систему. Впрочем, насущные вопросы как увеличения числа кафедр, разрядов естественных наук, так и изменения самого учебного процесса продолжали обсуждаться, но, к сожалению, итога их не было.

Примечания

1. Анализ университетских уставов 1803–1804 гг. см.: Жарова Е.Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. №4. 2011. С. 268-290.
2. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 142-143.
3. В Дерптском университете кафедра архитектуры и профессура военных наук относилась к технологико-экономическому классу философского отделения.
4. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII – 1917 г. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 31.
5. ПСЗ. I-е собрание. Т. XXXVI (1819). СПб., 1830. С. 38.
6. В других университетах Российской империи отдельные кафедры зоологии начали появляться после принятия устава 1835 года.
7. Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 31-32.
8. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Императора Александра I. 1802-1825. Изд-е 2-е. СПб., 1873. Штаты и таблицы. Стб. 36.
9. Тогда же был закрыт польский Варшавский университет, открытый в 1819 году.
10. Отметим, что университет Св. Владимира получил еще один устав в 1842 г., в нем единая кафедра технологии, сельского хозяйства, лесоводства и архитектуры была разделена на три – технологии; архитектуры; сельского хозяйства и лесоводства.
11. Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901. С. 91.

12. Краткий отчет о состоянии Императорского Санкт-Петербургского университета в течение первого четырехлетия со времени преобразования по новому уставу, с 1836 по 1840 г. СПб., 1841. С. 7.
13. Сборник распоряжений по МНП. Т. 2. 1835–1849. СПб.: в тип. Имп. АН, 1864. Стб. 208.
14. Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) //Под ред. И.П. Осипова, Д.И. Багалея. Харьков: Тип. А. Дарре, 1908. С. 13.
15. Например, известный ботаник М.А. Максимович был магистром физико-математических наук.
16. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 350.
17. Университетский Устав 1863 года. СПб., 1863. С. 6.
18. Институт профессорских кандидатов.
19. Головин А.В. Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 63 и 64 годах. СПб., 1865. С. 81.
20. Подробнее см.: Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С. 228-231.
21. Там же. С. 237.
22. По последним двум разрядам до 1917 года докторской степени не существовало.
23. Кафедры, положенные русским университетам по уставу 1863 г., появились в Дерптском университете позднее – например, в 1874 г. кафедра физической географии и метеорологии.
24. Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет. С. 29.
25. Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). С. 19.
26. Сборник распоряжений по МНП. Т. 4. 1865–1870. СПб.: в тип. Имп. АН, 1874. Стб. 656-661.
27. Обсерватории не было в Петербургском университете.
28. Харьковский и Казанский университет имели ту же кафедральную структуру, что и Московский университет, за некоторым исключением: естественная история и ботаника были сведены в одну кафедру, за счет чего появились дополнительные кафедры – военных наук в Харькове и теоретической астрономии в Казани. Кафедра химии в обоих университетах носила название – химии и металлургии.
29. Правила о зачете полугодий студентам Императорских российских университетов //ЖМНП. Т. 241, № 10, 1885. С. 78-94.
30. В 1893 г. Дерптский университет стал Юрьевским и на него после последовательных изменений в уставе практически по всем пунктам распространили устав 1884 г., хотя формально университет «жил» по уставу 1865 г. и далее.
31. Физиологические кабинеты были предусмотрены уставом также в Харьковском и Казанском университетах на медицинском факультете.
32. По вопросу о дополнениях и изменениях действующих правил о зачете полугодий и полукурсовых испытаниях по физико-математическим факультетам императорских российских университетов //ЖМНП. Ч. XXXV., 1911. сентябрь. С. 34-35.
- Правила о производстве испытаний в физико-математических испытательных комиссиях //ЖМНП. 1911. Ч. XXXV, сентябрь. С. 36-40.
33. Новоземов А.М. Университет и студенты. Практические указания студентам при занятиях и сдаче экзаменов и абитуриентам при выборе ими своей будущей специальности. СПб., 1911. С. 34.

ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ФИЛЬТРАЦИИ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© М. А. КИСЕЛЕВ

Пензенский государственный университет,
аспирант кафедры истории, права и методики правового обучения,
e-mail: ifpspu@mail.ru

27 декабря 1941 г. было издано постановление Государственного Комитета Обороны о создании так называемых фильтрационных пунктов (№ 1069сс)¹. Согласно данному постановлению на территории СССР создавались сборно-пересылочные пункты для «бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника, обнаруживаемых в местностях, освобождаемых частями Красной Армии от войск противника». В качестве причины создания фильтрационных пунктов указывалась необходимость «выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, изменников родины, шпионов и дезертиров...». Через сборно-пересылочные пункты красноармейцы, побывавшие в плену или в окружении, направлялись в специальные лагеря НКВД, где завершалась фильтрация. Такие лагеря были образованы в Вологодской, Ивановской, Тамбовской и Сталинградской областях. В каждом из лагерей создавались особые отделы, в рамках которых осуществлялась проверка. Позже проверка проводилась органами «Смерш». В случае, если никаких компрометирующих материалов не удалось обнаружить, тех лиц, которые проходили проверку, предписывалось «передавать соответствующим военным комиссариатам – по территориальности». С января 1945 г. специальные лагеря НКВД стали именоваться проверочно-фильтрационными.

Формирование таких проверочных пунктов было вполне обосновано. Существовала высокая вероятность того, что среди побывавших в плену или окружении красноармейцев имелись предатели, которые вербовались нацистами в качестве диверсантов или так называемых «хиви» (Hilfswilliger – «добровольный помощник» или «желающий помочь»). В качестве одного из доказательств вербовки советских солдат немцами часто приводится выдержка из мемуаров Вальтера Шелленберга, руководителя военной разведки Рейха: «В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах вглубь русской территории. Их основной задачей наряду с передачей текущей информации было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе»².

Известна, например, судьба одного из таких прислужников фашистов И.Н. Демьянюка. В 1942 г. он попал в плен и был завербован немцами в качестве хиви. Позже, Демьянюк служил охранником в лагерях Майданек, Собибор, был надзирателем в одном из самых страшных нацистских концлагерей Трешлинка. Ему удалось избежать ответственности. Он был признан американцами «жертвой фашистского режима» и даже получил американское гражданство. Лишь в 70-х годах против него было выдвинуто обвинение в пособничестве нацистам. Если бы Демьянюк попал в один из специальных лагерей НКВД, то его бы ждала участь многих, выявленных в ходе проверок, предателей.

На сборно-пересылочных пунктах осуществлялась первичная проверка бывших пленных. Проводился личный досмотр, собирались письменные объяснения об обстоятельствах пребывания в плену. Продолжительность нахождения на сборно-пересылочных пунктах составляла 5-10 дней. В основе проверки лежал допрос бывшего военнопленного. Результатом проверки являлось заведение на каждого красноармейца

учетного дела, включавшего протокол допроса и заключение по результатам проверки. Иногда фильтрационное дело не заводилось, а заводилась только карточка на того или иного военнослужащего. На тех, кто подозревался в сотрудничестве с немцами, заводилось дело-формуляр³.

Лиц, направленных в специальные лагеря, именовали «бывшими военнослужащими» или «спецконтингентом». В период проведения проверки бывшие военнопленные привлекались к работам на рудниках, лесозаготовках, в металлургической промышленности, строительстве. За работу начислялась незначительная зарплата⁴.

Проверку в специальных лагерях проходили не только бывшие военнопленные. «Спецконтингент» делился на три группы: военнопленные и окруженцы; рядовые полицейские, деревенские старосты и т. д.; гражданские лица, призывного возраста, которые проживали на территории, захваченной врагом.

В специальных лагерях проводилась более углубленная проверка бывших пленнх, в некоторых случаях задействовалась перевербованная агентура немецких спецслужб. Здесь также в основе проверки лежал допрос. В ходе допроса выяснялись обстоятельства пленения, дата и место пленения и т. д. Следователи также стремились выяснить важные со стратегической точки зрения сведения. Выяснялся маршрут движения бывшего пленного, который, например, сбежал из плена, навстречу частям Красной Армии. Благодаря этому допрашивающие получали важную информацию о местах дислокации противника, его численности и т. д.⁵.

Ученый А.Ф. Бичехвост в своей статье⁶ критикует провокационные методы допросов пленнх, считая, что они нарушали законность и презумпцию невиновности. Однако, иногда только такие методы позволяли следователям получить необходимую информацию и сделать точный вывод о том, кто перед ними: ни в чем не повинный человек или предатель.

С 1944 г. порядок функционирования спецлагерей был несколько видоизменен. Согласно постановлению ГКО от 4 ноября 1944 г. всех бывших пленнх направляли сначала в специальные запасные части военных округов. В этих частях должна была проводиться проверка пленнх, длившаяся не более 1-2 месяцев⁷. Затем прошедших проверку направляли в действующие воинские части. Проверка принимает более упрощенный характер.

20 февраля 1945 г. спецлагеря НКВД были преобразованы в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД. Весной 1945 г. был образован отдел «Ф» (фильтрация), занимавшийся проверкой репатриантов. Для проведения проверки репатриантов создавались проверочно-фильтрационные комиссии. На каждого репатрианта заводилась специальная «Анкета гражданина СССР, возвратившегося в СССР через границу», включавшая около 30 вопросов. В нее со слов репатрианта заносились наиболее важные сведения о нем, начиная от фиксации фамилии, имени и отчества и заканчивая национальностью, партийностью, образованием и т. д.

Можно по-разному относиться к спецлагерям НКВД (проверочно-фильтрационным лагерям НКВД), но не признать необходимость формирования подобного рода лагерей нельзя. Некоторые историки считают, что их создание явилось продолжением репрессивной политики сталинского руководства в отношении неугодных советской власти людей. Однако, можно ли назвать репрессиями процесс выявления среди бывших пленнх предателей и изменников Родины. По данным историка И.В. Пыхалова за годы войны менее 10% бывших военнопленнх были арестованы. После войны – менее 15%⁸. Причем, не следует говорить о том, что все они были «безвинными жертвами советской репрессивной машины». Однако, сказать, что все они виновны, также, к сожалению, нельзя. Бывали случаи, когда людей, не замешанных ни в каких преступлениях против своей страны, огульно называли предателями и подвергали аресту. Судьба бывших пленнх после войны не всегда складывалась благополучно.

Однако, создание спецлагерей и осуществление фильтрационных мероприятий в отношении бывших пленнх было оправданной необходимостью.

Примечания

1. Постановление ГКО № 1069сс от 27.12.41 [Электронный ресурс] //Солдат.ru – URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/1069.html>
2. Шелленберг В. Мемуары. М.: Прометей, 1991. С. 215.
3. Пыхалов И.В. Великая обманная война. М.: Яуза: Эксмо, 2011. С. 310-311.
4. Дембицкий Н.П. Судьба пленнх. Сборник: Война и общество, 1941–1945 гг., Кн. II. М.: Наука, 2004. С. 232-264
5. Бичехвост А.Ф. К истории создания и функционирования специальных и проверочно-фильтрационных лагерей для советских военнопленнх и организации в них «государственной проверки». История пенитенциарной системы России в XX веке. Сборник материалов международного научного семинара. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 62-73.
6. Там же. С. 62-73
7. Постановление ГКО от 4 ноября 1944 года № ГКО-6884с «О проверке НКВД всех военнопленнх, освобожденнх красной и союзными армиями на предмет сотрудничества с немцами» [Электронный ресурс] //Хронос – URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19441104gko.php
8. Пыхалов И.В. Правда и ложь о советских военнопленнх [Электронный ресурс] //Военное обозрение: 5.10.10. – URL: <http://topwar.ru/1650-pravda-i-lozh-o-sovetskix-voennoplennyx.html>

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

© А. В. ЛОСЯКОВ

Пензенский государственный университет,
аспирант кафедры новейшей истории России и краеведения,
e-mail: losyakov_1987@mail.ru

Социокультурная и экономическая жизнь России в годы Гражданской войны протекала в исключительно сложных условиях, необходимо было четко реагировать на глубокие изменения в социально-экономическом укладе страны, принимать сложные решения. Ленинская партия возглавила решение данных проблем. Одной из составляющих политики «военного коммунизма» является всеобщая трудовая повинность. Историография данной проблемы неоднозначно трактует как саму политику, так и причины, масштабы и последствия трудовой повинности. Вопрос о ее введении в исторической науке является дискуссионным: одни утверждают, что она была необходимостью, другие – перегибом власти, но то, что она была вынужденной мерой, доказывается определенными фактами. О целесообразности ее введения повествовали и политические органы, и периодические издания того времени, о ней говорило и временное правительство еще в 1917 г. Примером может выступить выдержка из газетной статьи «Народное продовольствие» автора В.С. Баршева от 27 июля 1917 г.: «Когда поднимается вопрос о твердых ценах, производители хлеба указывают, что они согласны отдавать свои продукты по этим ценам, но и необходимые для них предметы потребления также должны отпускаться по твердой цене. Вследствие этого рабочие потребуют увеличения заработной платы, а производимые ими предметы повысятся вдвое. В результате придется повышать цены, поднимется новая волна всеобщей дороговизны, поднимется оплата труда, опять придется для увеличения расходов казны выпускать миллиарды бумажных денег, которые, в конце концов, потеряют цену, и придет время, когда продукты придется менять на продукты, а за деньги ничего нельзя будет купить. Следовательно, одним повышением цены разрешить вопрос нельзя, надо не увеличивать количество бумажных денег, а уменьшать, извлекая их из финансового оборота и останавливая рост дороговизны. Необходимо нормировать оплату труда, установить на него твердые цены, а это возможно лишь при введении трудовой повинности. Трудовая повинность должна быть введена – лишь этим можно предотвратить экономическую катастрофу. Без трудовой повинности невозможно разрешение продовольственного кризиса»¹. Из данной статьи следует сделать вывод, что трудовая повинность была одним из выходов из сложившегося экономического положения страны.

После захвата власти большевики в соответствии с марксистским учением намеривались построить «царство труда». Основные положения и концепции общественного труда включали следующие постулаты: всеобщность, свобода от эксплуатации, планомерность организации, творческий характер, социальная значимость, сознательная добровольная дисциплина. Эти положения они и пытались воплотить в своей социальной политике. Руководители страны, и в частности В.И. Ленин, считали, что после Октября создавались предпосылки для формирования новых трудовых отношений: «власть у рабочих; есть теория, объясняющая, что делать; есть партия, способная вести за собой массы»².

Когда большевистская власть стала проводить политику «военного коммунизма», методы принуждения, выдвинулись на первый план. Принцип всеобщности труда обернулся трудовой повинностью, трудмобилизациями и пайковым снабжением работающих; трудовая дисциплина – милитаризацией труда (где было возможно); планомерная организация – созданием трудовых армий (с января 1920 г.) и строгим учетом и распределением рабочей силы (Комтруды). Но даже в это время пробовали воспитывать новое отношение к труду и создать новый тип отношений на производстве. Ростки «творческо-

го», особенно безвозмездного, труда поощрялись и пропагандировались. В.И. Ленин не случайно так ухватился за субботники, считая их знаком приближения к коммунистическому идеалу. Стали шумно проводиться и пропагандироваться всевозможные трудовые «недели», «месячники», «бесплатные сверхурочные работы»; приветствовалось «добровольное» увеличение продолжительности рабочего дня. Предпринимались попытки создания ударных бригад, возникали зачатки социалистического соревнования. Разворачивалась – пусть без особых успехов – борьба за производственную дисциплину. Этот тип трудовых отношений, который целенаправленно создавался в то время, В.И. Ленин и вся пропаганда чаще всего именовали «коммунистическим трудом». Фактором, сдерживающим создание трудовых отношений нового типа в первые годы Советской власти, было тяжелое материальное положение рабочих. Голод и лишения деформировали психологию рабочих, обострили такие пороки в их среде, как воровство, стяжательство, спекуляция и т. д. Возникали забастовки, волынки, этим пользовались противники большевиков для агитации против Советской власти³.

Поэтому усилия государства по поддержанию жизнедеятельности рабочих было залогом сохранения класса и его «социалистического» облика. Власть предпринимала довольно решительные – порой откровенно демонстрационные – усилия в этом направлении. Шло переселение рабочих в дома (квартиры) буржуазии, создавалась система санаторно-курортного лечения, шла борьба с эпидемическими болезнями и т.д. Но все это было декоративными деталями. Главным условием поддержания рабочих был, конечно, продовольственный паек⁴.

Принцип всеобщности труда предполагал решение двуединой задачи: обеспечение всех работой; побуждение всех к работе. Для того чтобы заставить всех трудиться в Советской России вводилась всеобщая трудовая повинность. В прошлом доказывалось, что трудовая повинность была случайной мерой, вызванной условиями Гражданской войны. На деле этот метод приобщения к труду родился из тогдашних представлений о социализме. Логика рассуждений лидеров советского государства была такова: социализм – это труд всех на общую пользу, поэтому целенаправленное (исходя из необходимости) перераспределения трудовых ресурсов, трудовые мобилизации только способствуют победе социализма. Такого рода взгляды укладывались в общую концепцию политики «военного коммунизма» и были, в конечном счете, следствием механического перенесения марксистских идей на российскую почву. Первым шагом всеобщей «трудотерапии» стало «введение трудовой повинности для богатых». Предполагалось, что при этом будут сочетаться методы убеждения и принуждения. Введение трудовой повинности В.И. Ленин представлял не как единовременный акт, а как комплекс мероприятий, проводимых постепенно и с большой осмотрительностью⁵.

Практика трудовой и воинской повинности имеет в России многовековую историю. Тяжелые условия жизни трудящихся вынуждали их идти на добровольную трудовую повинность, чтобы обеспечить себя, семью, выплатить налоги. Всю Гражданскую войну трудовая повинность все больше конкретизировалась, что находило свое отражение в различных законодательных актах. Введение повинностей, во-первых, обеспечивало предприятия рабочей силой и спасало промышленность от полного разрушения. Во-вторых, идея трудовой повинности соответствовала марксистско-ленинской концепции о всеобщности труда в будущем социалистическом обществе. Сам принцип трудовой повинности был определен Лениным в его работе «Государство и революция»: «Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдали меру работы и получали поровну»⁶. Как система натуральные трудовые повинности складываются не сразу, отдельные их проявления можно встретить на протяжении 1918 г. в различных отраслях народного хозяйства. По инициативе местных Советов трудовая повинность применялась при сборе урожая летом 1918 г. в помещичьих имениях.

Началом непосредственного введения трудовой повинности в период Гражданской войны следует считать 10 октября 1918 г., когда был принят декрет СНК «О трудовой повинности по расчистке снеговых заносов», по которому для устранения задержек железнодорожного движения предоставлялось право местным Советам призывать для работы по расчистке снега мужчин в возрасте от 18 до 45 лет с необходимым числом подвод и лопат⁷. Однако еще до этого трудовая повинность была официально провозглашена в январе 1918 г. в «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа»⁸. Законодательно же она была оформлена ВЦИКом 22 апреля 1918 г., а Конституция 1918 г. окончательно ее закрепила, где в статье 18 говорилось: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест!»⁹. Привлекались в первую очередь «живущие на нетрудовой доход или пользующиеся наемным трудом и лишь в случае недостатка таковых остальные». К осени 1918 г. трудовая повинность носит все более централизованный характер. В начале декабря 1918 г. правительством был утвержден «Кодекс законов о труде», первый раздел которого был посвящен трудовой повинности. Ст. 1 гласила: «Для всех граждан Российской Социалистической Федеративной Советской Республики устанавливается трудовая повинность. Причем лица, обязанные трудовой повинностью и не занятые общественно полезным трудом, могли быть принудительно привлекаемы местными Советами к выполнению общественных работ. В программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б), была зафиксирована необходимость максимального использования «всей имеющейся в государстве рабочей силы» «в целях планомерности развития народного хозяйства»¹⁰. Руководители Советской России понимали, что административное принуждение не понравится не только буржуазии и интеллигенции, но и рабочему классу. Поэтому изначально предполагалось, что при проведении трудовой повинности методы убеждения и принуждения будут сочетаться. Ленин сформулировал, что сила примера должна стать в первую очередь моральным, а затем – и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой Советской России. Для него введение трудовой повинности был не единовременный акт, а комплекс мероприятий, проводимых постепенно и с большой осмотрительностью по мере освоения его необходимости и практической важности подавляющим большинством народа¹¹. Однако с изменением военной ситуации в худшую сторону, изменилась и система проведения трудовой повинности, которая вышла далеко за пределы трудовой дисциплины, при нарушении которой применялось уголовное наказание, вплоть до расстрелов.

В первый год Гражданской войны трудовую повинность в форме милитаризации пытались установить для имущих классов. В октябре 1918 г. вышел Декрет о мобилизации буржуазии всех возрастов (от 16 до 50 лет) и обоего пола на общественно полезные работы. Представители буржуазии от 14 до 55 лет получали «трудовые книжки». Они должны были их предъявлять при получении продовольственных карточек, разрешения на проезд и т. д. Трудовые книжки были действительны, если в них была отметка о выполнении общественных работ. На местах достаточно активно вводилась трудовая повинность для буржуазии, и она стала объектом использования на самых непривлекательных видах труда. Но особая направленность всеобщей трудовой повинности, на богатых продолжалась недолго. После всеобщей национализации промышленности, проведенной по Декрету от 28 июня 1918 г., «богатые», т. е. собственники средств производства, акций и вкладов в банках, перестали существовать. Главный объект для трудовой повинности – буржуазия в классическом понимании марксизма – поменяла свой социальный статус. Объектом трудовой повинности стало все население. С 1919 г. мобилизации в полном объеме стали проводиться среди рабочего класса и крестьянства. Лично В.И. Ленину приходилось прикладывать много сил для организации первых рабочих мобилизаций¹². Эта мобилизация трудовых ресурсов получила свое дальнейшее законодательное оформление в Декрете 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности», в кото-

ром говорилось, что Совнарком постановил в целях обеспечения рабочей силой народного хозяйства осуществить «привлечение трудящегося населения к единовременному или периодическому выполнению, независимо от постоянной работы по роду занятий, различных видов трудовой повинности»¹³. Обязательный труд, организованный на началах трудовой повинности, В.И. Ленин считал важнейшим признаком социализма. По его мнению, при социализме труд должен основываться на принуждении при регулирующей роли государства. С обострением Гражданской войны, усилением разрухи, нехваткой квалифицированных рабочих кадров введение трудовой повинности стало неизбежным. Руководство коммунистической партии продолжало обосновывать это положение теоретически с практическими предложениями и стремилось форсировать введение всеобщей трудовой повинности в жизнь¹⁴. Уже в «Проекте программы РКП(б)» в феврале 1919 г. В.И. Ленин не связывал трудовую повинность для рабочих с дисциплиной. Для него трудовая повинность – это «поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ»¹⁵. О.В. Теленкова в своей кандидатской диссертации «Трудовая повинность в годы гражданской войны (октябрь 1917 – март 1921 гг.)», анализируя программу РКП(б), делает интересный вывод о том, что «поголовная мобилизация» рассматривалась как неотъемлемая часть политики в сфере труда и вовсе не связывалась с военной обстановкой и вообще с какими-то чрезвычайными обстоятельствами¹⁶. Но в советской литературе часто именно эти обстоятельства выдвигались как одни из основных причин введения повинностей.

В январе 1920 г. в декрете СНК появились новые принципы трудовой повинности, в нем говорилось, что каждый представитель «трудового населения» мог быть призван на разовую или периодическую трудовую повинность, и перечислены эти повинности: топливная, сельскохозяйственная, строительная, дорожная, гужевая и другие. Общее руководство проведением всеобщей трудовой повинности осуществлял Совет Обороны. Координировал деятельность различных ведомств Главный комитет трудовой повинности (Главкомтруд) во главе с Ф.Э. Дзержинским, а на местах работали губернские, уездные, волостные комитеты, на которые возлагалась ответственность за фактическое проведение всех видов трудовой повинности. Созванное НКТ совещание подотделов «Учета и Распределения Рабочей Силы» в начале 1920 г. определило следующие формы трудовой повинности: а) повсеместное и постоянное привлечение к общественно полезному труду лиц, таковым не занимающихся; б) целесообразное перераспределение лиц, занятых в производстве; в) принудительный перевод путем трудовых мобилизаций на работы в государственные предприятия и хозяйства, людей знающих какую-либо профессию, в которой промышленность испытывает недостаток, но занятых в сельском, ремесленном, кустарном хозяйстве или не имеющих постоянных определенных занятий; г) привлечение трудящегося населения к единовременному или периодическому выполнению, независимо от постоянной работы, различных видов трудовой повинности (повинности: снеговая, дорожная, гужевая и т. п.)»¹⁷. Трудовые повинности призваны были решать как кадровую проблему – обеспечение рабочей силой соответствующих предприятий и организаций, так и хозяйственные вопросы – обеспечение производства той или иной продукцией или решение каких-либо экономических проблем¹⁸.

На III Всероссийском съезде профсоюзов, состоявшемся в апреле 1920 г. партия провела свои решения, о трудовой повинности окончательно возложив на них эту обязанность. В.И. Ленин считал что: «надо организовать труд по-новому, создать новые формы привлечения к труду, подчинения трудовой дисциплине, создать новые формы общественной дисциплины, на это уйдут десятилетия»¹⁹. Л.Д. Троцкий дал несколько другую оценку трудовой повинности, он хотел милитаризовать труд, практически лишив трудящихся свободы труда, предлагал он и выкачку квалифицированной рабочей силы из деревни и из кустарных предприятий²⁰. В ноябре 1920 г. ЦК партии принял резолюцию

Ленина, в которой защищались «здоровые формы милитаризации труда» и осуждались «вырождение централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм»²¹.

Таким образом, введение трудовой повинности, а также дальнейшее ее определение и закрепление в различных законодательных актах будет осуществляться на протяжении всего периода Гражданской войны. Она станет одним из наиболее долговечных своеобразных институтов, применяемых Советским государством вплоть до его распада, меняться будут только ее формы.

Примечания

1. Народное продовольствие. 1917. 27 июля.
2. Ильюхов А.А. Трудовые отношения в годы Гражданской войны: доктрины и реальность //Науч. ред. Ивницкий Н.А. Гражданская война в России события, мнения, оценки. М., 2002. С. 555-560.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 452; Т. 36. С. 183; Т. 38. С. 99; Т. 40. С. 301-307; Т. 42. С. 235-236.
7. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., Наука. 1988. С. 190.
8. Декреты Советской власти. В 3-х т. Т. 3. М., 1964. С. 396.
9. Конституция РСФСР. 1918. С. 3.
10. Кодекс законов о труде (КЗот). 1918. С. 1.
11. Ленин В.И. Указ. соч.
12. Теленкова О.В. Трудовая повинность в годы Гражданской войны (октябрь 1917 – март 1921 гг.) дисс... канд. ист. наук. Смоленск, 2004. С. 42-44, 73, 92.
13. Кабанов В.В. Указ. соч. С. 190.
14. Теленкова О.В. Указ. соч. С. 42-44, 73, 92.
15. Ленин В.И. Указ. соч.
16. Теленкова О.В. Указ. соч. С. 42-44, 73, 92.
17. Аникст А. Организация распределения рабочей силы (Статьи и доклады за 1918–1920 гг.). М., 1920. С. 98.
18. Теленкова О.В. Указ. соч. С. 42-44, 73, 92.
19. Ленин В.И. Указ. соч.
20. Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. Хозяйственное строительство Советской республики. М.-Л., 1927. С. 10-14.
21. Ленин В.И. Указ. соч.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОСУГ ГОРОЖАНОК ДОНА В 1920-Е ГОДЫ

© Н. В. ОБРЕЗКОВА

Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт), доцент кафедры теории
государства и права и отечественной истории, кандидат исторических наук,
e-mail: obrnata@list.ru

Период 1920-х годов связан с изменением отношения государства к роли женщины в обществе. На первый план ставится задача появления равноправной, раскрепощенной женщины, активно участвующей в процессе производства и политической жизни страны. Подобные цели неизбежно влекли за собой не только изменения в политическом устройстве страны, но и модернизацию всего уклада общественной жизни и всех деталей частного быта. Перед новой властью стояла задача формированию нового мышления, нового по-

ведения. Большую роль в воспитании должен был играть новый досуг. В 1920-е гг. мы можем говорить о складывании двух форм организации досуга. С одной стороны, существовала неофициальная форма, индивидуальная, зависящая от представлений и сложившихся стереотипов поведения каждой конкретной женщины. Это было традиционное хождение в гости, посещение кинотеатров, проведение свободного времени в кругу семьи. С другой стороны, утверждается официальная система культурного времяпрепровождения.

Обширную и многогранную область занятий женщины после трудового дня составляла домашняя работа. И оставалось небольшое количество свободного времени, которое составляло досуг женщины, и которое она могла «выкроить» для себя. Это время в 1920-е годы было посвящено участию в массовых мероприятиях, посещению клубов, занятиям физкультурой.

Одним из средств модернизации досуга горожанок стали новые общественно-политические праздники. Большое значение для женщин в 1920-е гг. приобрел праздник 8 марта – Международный день работниц и крестьянок. План проведения 8 марта включал в себя широкий круг мероприятий: вступление женщин в партию, выпуск школ по ликвидации технической неграмотности работниц, чествование работниц, квалифицировавших свой труд, акции по оказанию социальной помощи¹. На общих собраниях зачитывались доклады о 8 марта, проводились торжественные общегородские собрания женщин-общественниц с представителями партийных, профсоюзных, военных и других организаций. На предприятиях и в учреждениях устраивались детские утренники. Так, 7 марта 1926 г. в г. Ростове для работниц Госбанка был устроен детский утренник. Были поставлены пьесы «Кошкин дом», «Аэроплан» с участием детей от 3 до 6 лет. По окончании праздника все дети получили в качестве подарка бутерброды с колбасой и ветчиной, пакеты с конфетами и яблоками². По окончании работы работницы со знаменами направлялись в театры и кино, где устраивались митинги. Вечером посещались спектакли, концерты, кино.

В целом в 1920-е гг. праздничная культура была переосмыслена как мощное средство идеологического влияния. Праздники, и в частности Международный день работниц и крестьянок, проводились как широкомасштабные агитационные кампании и являлись одним из средств вовлечения женских масс в политическую жизнь страны.

Женщины отнеслись к новым праздникам с интересом, но и «старые», православные праздники не забывали. Утверждение о том, что в 1920-е годы религия сохранялась в городе благодаря женщинам, не было большим преувеличением. Они чаще ходили в церковь, прилежнее соблюдали предписания. Во многом среди женщин были сильны традиции посещения церквей в дни праздников. По этому поводу Н.К. Крупская писала в своей статье «Работница и религия»: «Если вы зайдете в церковь, то увидите, что там женщин куда больше, чем мужчин. Из мужчин больше всего старики, а женщин много и молодых, и пожилых. Красный ход идет, опять-таки толпа стоит почти из одних женщин. Даже те, кто развитее, крепко держатся за обрядность. Случается, и коммунистки иконы у себя держат»³.

Работа партийных, профсоюзных организаций среди женщин не могла не сопровождаться антирелигиозной пропагандой. «Союзом безбожников»⁴, женотделами устраивались доклады, лекции, беседы на антирелигиозные темы в клубах, на женских или общих собраниях с присутствием женщин. Накануне праздников, особенно Рождества и Пасхи, проводились доклады под лозунгами «разоблачения классовой сущности религии». В дни праздников в клубах устраивались художественные постановки антирелигиозного репертуара, пьесы и инсценировки революционного и бытового содержания⁵. В целом, конечно, прослушивание лекций или докладов, участие в массовых мероприятиях не означало мгновенного разрыва с церковью и религией. Преодоление религиозных взглядов женщин – это длительный процесс, который растянулся на десятилетия.

Одним из средств борьбы с религиозными «предрассудками» женщин стало возникновение новых обычаев и обрядов, которые по новому, «по-советски» оформляли событий семейной и личной жизни горожанок. Одним из первых обычаев явились «октябрины», посвященные рождению новых граждан страны и противопоставленные церковному обряду крещения. Как правило, подобные мероприятия проводились в клубе или во дворце культуры в торжественной обстановке. Так, в январе 1924 г. в Новочеркасском рабоче-партийном клубе по инициативе женотдела состоялись гражданские крестины дочери беспартийной пролетарки Барановой. Этот новый гражданский акт прошел в переполненном публикой зале, большинство которой составляли делегатки женотдела. Мать с новорожденной на руках занимали почетное место в президиуме. Заведующая женотделом Храмова сообщила о том, что женотдел принимает девочку под свое покровительство и зачисляет ее в делегатки женотдела. Представитель комсомольской организации сообщил о принятии ребенка в члены РКСМ. Девочке было дано имя «Идея». Заседание было закончено пением «Интернационала»⁶. По схожему сценарию в 1920-е гг. проходили и «красные свадьбы». В целом, подобные новые обычаи и обряды не получили широкого распространения и общего признания, а основной массе казались даже «смешными и странными. Однако подобные обряды сыграли роль своеобразной переходной стадии от сложившихся религиозных обрядов к простой гражданской регистрации.

Новым в организации досугового общения горожанок в 1920-е гг. стал усиленный рост клубов. В общем русле тотальной социализации в клубах виделось одно из важных средств коммунистической организации свободного времени, форма обобществления быта. Предполагалось, что клуб станет местом, располагающим к отдыху, местом, куда женщина и члены ее семьи могут прийти прямо с работы, получить пищу в буфете, посидеть в уютной комнате, побеседовать, почитать газету. Соответственно должны были быть оборудованы комнаты отдыха, гардеробные, умывальные, буфет.

В сентябре 1923 г. ЦК РКП(б) утвердил примерный устав партийного клуба и краткую инструкцию о его практической работе. В обязанности правлений клубов входили организация и проведение докладов, лекций, диспутов по общественно-политическим вопросам, создание секций, кружков⁷. Предусматривалось развитие художественного творчества путем создания кружков: литературных, драматических, музыкальных и др.

На протяжении 1920-х гг. на Дону росло количество женщин-членов клубов. Так, в 1923 г. женщины в клубах составляли 31%, в 1928 г. – 34,4%⁸. Особо много женщин было втянуто в драматические, хоровые кружки, кружки кройки и шитья, кружки домашнего хозяйства, в которых женщины знакомились с вопросами воспитания детей, домашней гигиеной, правилами питания⁹. Еженедельно в клубах устраивались специальные женские дни – «вечера пролетарки». Программа вечера состояла из докладов, бесед, театральных постановок¹⁰. Так, в г. Нахичевани в клубе им. Томского женщины выступали инициаторами организации лекций на темы «Брак и здоровье», «Аборт», «Кооперация», «О решениях 15 партсъезда» и т. д.¹¹

Одним из средств привлечения женщин в клубы явилось создание при них детских комнат. К 1928 г. детские комнаты имелись в 20% клубов¹². Часто сами женщины выступали инициаторами создания подобных комнат. Так, в клубе швейников г. Ростова н/Д в открытии комнаты активное участие приняли Ивкина, Курганская, Фрош. Комната была открыта ежедневно с 6 до 10 вечера. Дети принимались от 2 до 6 лет¹³. Для регулирования работы детских комнат, избиралось бюро из трех человек из числа женщин, посещающих клуб. Бюро устанавливало порядок дежурства матерей. Для наблюдения за детьми в порядке выполнения общественной нагрузки, привлекались девушки с педагогических факультетов вузов, дошкольные работники, фельдшерицы, медицинские сестры¹⁴.

В целом, несмотря на проводившиеся властями мероприятия популяризации клубного досуга, на протяжении 1920-х гг. наблюдалось снижение интереса горожанок к подобному общению. У многих просто не оставалось свободного времени. Особенно это каса-

лось женщин-общественниц, которые были заняты профсоюзной и партийной работой. Многие работницы учились в школах ликвидации неграмотности. Для большинства горожанок посещение клубов являлось дополнительной нагрузкой. Сказывалась и агитационно-пропагандистская модель клубов, в рамках которых не оставалось места ни свободному общению, ни обыкновенному отдыху.

1920-е годы стали временем зарождения советской физической культуры и женского физкультурно-спортивного движения. В этот период физкультура рассматривалась не только как средство физического воспитания и оздоровления женщин, но и как средство ее культурно-политического воспитания и организации досуга. Непосредственное руководство всей физической работой ложилось на профсоюзные организации, которые руководили этой работой через соответствующие свои организации: культотделы, культкомиссии при фабрично-заводских комитетах, клубные правления. В циркуляре ВЦСПС «Об очередных задачах союзной физкультуры» ближайшей задачей союзов признавалось «углубление работы по вовлечению в физкультуру взрослых рабочих, особенно женщин, внедрение в быт санитарных, гигиенических навыков»¹⁵. В клубах создавались кружки физкультуры, и вся физкультурная работа проходила только в их рамках.

Многочисленные публикации на страницах периодических изданий свидетельствуют о том, что физкультурно-спортивная жизнь женщин в 1920-е гг. была насыщенной и колоритной, весьма масштабной для первых лет советской власти. Источники рассказывают о массовых женских соревнованиях по легкой атлетике, гандболу, баскетболу, шахматах, стрельбе¹⁶. Архивные данные говорят об активном участии горожанок в занятиях физкультурой. Так, в 1924 г. по г. Ростову-на-Дону 36% женщин участвовало в занятиях физкультурой¹⁷. Велся постоянный учет достижений физкультурниц. В клубах в стенных газетах опубликовывались в диаграммах цифровые результаты в отношении развития тела физкультурниц: размеры до начала занятий в кружке: объем мускулов, среднее состояние сердца. Подобные измерения повторялись через 3, 6, 9 месяцев¹⁸.

Помимо активного участия в соревнованиях, физкультура входила в повседневность горожанок в виде участия в различных экскурсиях, народных гуляниях с игровыми элементами, забавах, всевозможных видах гимнастических и спортивных развлечений. В зимние месяцы организовывались массовые катания на лыжах и санках, экскурсии. Летом совершались водные экскурсии, поездки на велосипедах, длительные экскурсии за город в период отпусков¹⁹. Так, в январе 1926 г. работницы профсоюза медиков г. Ростова н/Д с экскурсией посетили г. Азов, городской музей, радио и электростанции²⁰. Во многом, подобные мероприятия способствовали более открытому досугу горожанок, обогащая их общение, делая его более обширным.

Массовая работа кружков физкультуры среди горожанок выражалась в пропаганде значения санитарных условий труда и быта. С этой целью данные вопросы освещались в стенгазетах, устраивались различные беседы, лекции, ставились специальные инсценировки, массовые вечера, демонстрация диапозитивов²¹. В задачи кружков также входила пропаганда вопросов оздоровления, предупреждения профессиональных заболеваний и борьбы с ними²². Так, работницам мокрых цехов кожевенных заводов, склонных к ревматизным заболеваниям, не рекомендовались занятия водным спортом. Если же работа была связана с постоянным раздражением нервной системы (на дрожательных машинах в обувном производстве), рекомендовался спорт, не требующий большого напряжения мышц²³.

Таким образом, физкультура в 20-е годы начинает активно входить в досуг горожанок, что проявилось в географии женского спорта, числе женщин, вовлеченных в спорт, количестве видов спорта, культивируемых среди женщин.

В целом, период 1920-х гг. являлся временем формирования новой государственной идеологии, повлекшей реорганизацию повседневной жизни горожанок. Государство активно вмешивалось, используя политико-идеологический патронаж, который позволял держать под контролем формы женского досуга. В свободное от работы время женщины

могли заниматься самыми разными делами, продиктованными их собственными интересами, но в строго определенных рамках. Все эти формы организации свободного времени были подчинены задачам политического воспитания женщин.

Примечания

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 134. Л. 31.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-2288. Оп. 1. Д. 65. Л. 116.
3. Крупская Н.К. Работница и религия //Антирелигиозная работа среди женщин. М.-Л., 1926. С. 12.
4. Союз безбожников – добровольная организация, существовавшая с 1925–1947 гг. Главными ее задачами которой являлись идейная борьба с религией во всех ее проявлениях, индивидуальная работа с верующими, подготовка кадров пропагандистов и агитаторов-атеистов.
5. ГАРО. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 996. Л. 2.
6. Против старого //Трудовой Дон. 12 января. 1924. С. 3.
7. ГАРО. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 78. Л. 5.
8. ГАРО. Ф. Р-3713. Оп. 1. Д. 542. Л. 286.
9. ГАРО. Ф. Р-2327. Оп. 1. Д. 185. Л. 13.
10. ГАРО. Ф. Р-3712. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.
11. Женщины дорогу в клуб знают //Молот. 29 февраля. 1928. С. 5.
12. ГАРО. Ф. Р-2327. Оп. 1. Д. 185. Л. 13.
13. Там же. Д. 143. Л. 3,4.
14. ГАРО. Ф. Р-3712. Оп. 1. Д. 52. Л. 28.
15. ГАРО. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 1013. Т. 1. Л. 79.
16. Женщины и физкультура //Молот. 16 марта. 1926. С. 5; Женщины за шахматами //Молот. 24 февраля. 1928. С. 5; «Приз открытия» по баскетболу и гандболу //Молот. 27 апреля. 1927. С. 5; День Всесоюзных достижений //Молот. 11 августа. 1927. С. 3.
17. ГАРО. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 406. Л. 215об.
18. Там же. Д. 1013. Т. 1. Л. 24.
19. Женский летний спорт //Женский журнал. № 5. 1928. С. 15.
20. ГАРО. Ф. Р-3712. Оп. 1. Д. 68. Л. 5об.
21. ГАРО. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 1013. Т. 1. Л. 24.
22. Королев Н.Д. Краткое руководство по физической культуре женщины. Л., 1925. С. 13; Гориневская В. Физкультура работницы. М., 1925. С. 134.
23. Семашко Н. Физкультура, спорт и работница //Делегатка. № 3. 1926. С. 9.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КAVKAZA)

© Е. Н. СТРЕКАЛОВА

Ставропольский государственный университет,
доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук,
e-mail: strecalova-lena@yandex.ru

Важная социокультурная роль интеллигенции в обществе вряд ли может подвергаться сомнению. Ее деятельность связана со всеми сферами жизни общества, она обеспечивает культурный диалог поколений, формирует и поддерживает идентичность общества, сохраняет историческую память. В связи с этим актуально изучение опыта существования и конструирования советской идентичности, объединяющей длительное время значительную полинациональную общность СССР.

Приход большевиков к власти после 1917 г. дал им возможность направить многие процессы социально, экономического, политического, культурного характера по теоретически намеченному ранее, либо скорректированному революционным временем пути.

Под лозунгом «Мы наш, мы новый мир построим» они стремились полностью изменить общество и государство. Мир в их видении должен был преобразиться в некое единство без этнических и государственных границ. Важное место в таком переустройстве занимали проблемы национального развития, формировании «нового человека» и единой советской общности. В основе большевистского отношения к «национальному вопросу» и национальным особенностям лежал марксистский взгляд, суть которого заключалась в стирании при социализме граней национального различия¹. В.И. Ленин еще в 1914 г. писал «социализм творит новые высшие формы человеческого общежития... при условии уничтожения теперешних национальных перегородок»².

У такого видения проблемы по вопросу сохранения национальной идентичности в России были глубокие корни. Революционеры-народники (П. Лавров, П. Ткачев и др.) еще во второй половине XIX в., ощущая остроту «национального вопроса», писали о будущем равноправии наций и борьбе с «национальной разделенностью». Общечеловеческие ценности для них стояли выше национальных³. В некотором смысле большевики были продолжателями идей русских народников. Однако их главной опорой были классовые, марксистские теоретические взгляды.

Ориентация на «мировую революцию» сразу после 1917 г. и в начале 20-х годов прибавила еще больше аргументов идее воспитания нового человека «социалистической формации» наделенного наднациональными чертами и ценностями. В целом, императивом всей политики советской власти стало строительство нового, социалистического общества. В принятой на третьем съезде советов «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», вошедшей позднее в первую советскую Конституцию 1918 г., говорилось об основных приоритетах: «...полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации всего общества и победа социализма во всех странах»⁴. В перспективе, единая мировая социалистическая республика могла в полной мере объединять различные народы только в случае распространения новой советской идентичности. В этом процессе особое место было отведено созданию интеллектуальной элиты – советской интеллигенции, которая должна была быть и носителем и распространителем советских наднациональных черт, основанных на марксизме-ленинизме.

Однако для российской интеллигенции все начиналось с отрицательной, «негативной» идентичности. По мнению западных исследователей, занимающихся проблемами идентичности С. Смита (Smith S.) и Ф. Депкапта (Depkat V.), это понятие включает сложное взаимодействие отождествлений, основанных на возрасте, поле, этническом происхождении, классовой принадлежности, религии и т. д. Самое главное, по их мнению, что идентичность соответствует времени, возникает на пересечении истории жизни и истории общества⁵. Новое время четко маркировало негативное отношение к социальным группам прежнего российского, царского общества. Под влиянием классового подхода и общественной пропаганды термин «интеллигенция» приобретает отрицательную окраску. Ее называют «буржуазной, гнилой, враждебной, продажной», тем самым характеризуя ее принадлежность к бывшим верхам общества, против которых боролась революция. Термин «интеллигенция» заменяется словом «специалисты». В народе быстро распространилось полупрезрительное обращение – «спец»⁶. Допустимость употребления такой формы обращения и соответствующее отношение к интеллигенции отражало реальность установки власти на вытеснение старой интеллигенции из общественной жизни страны. Ей на смену должны были прийти новые специалисты, из рабочих и крестьян, сторонники и распространители коммунистических идей. Социальные функции новой интеллигенции явно ограничивались профессиональными интересами и общественной деятельностью исключительно в рамках коммунистической идеологии.

Интеллигенция старой России переживала время отрицания прежних ценностей образованной элиты, более того, переживала время, подвергавшее под сомнение само су-

ществование интеллигенции, как условной части «эксплуататоров». Политика советской власти в отношении интеллигенции определялась тем, что она, в большинстве своем, не приняла октябрьский переворот 1917 г. и последовавшие большевистские преобразования. Революционные события в центре страны способствовали бегству многих представителей российской интеллектуальной элиты за границу, многие погибли на фронтах гражданской войны. Часть интеллигенции бежала на окраины страны, в том числе и на Северный Кавказ. Ставрополье и казачья Кубань стала прибежищем многих представителей интеллигенции в период революции и гражданской войны.

Не смотря на отношение со стороны власти, интеллигенция активно включилась в созидательную работу по восстановлению экономики региона, развитию образования. В частности, Кубанский политехнический институт – одно из первых высших учебных заведений Северного Кавказа, возникших после революции, во многом обязан своим возникновением группе профессоров и инженеров, приехавших в Екатеринодар из Петербурга и Москвы⁷. Следовательно, многие идентифицировали себя со страной и народом, переживающим нелегкие испытания. В итоге, и революция, и гражданская война не мешали, подавляющему большинству интеллектуалов, в силу своего «жертвенного» отношения к стране и к народу, смирилось с властью и приступило к возрождению страны. Многие проявляли инициативу. Так, еще в конце декабря 1917 г. возник Совет обследования и изучения Кубанского края, переименованный после официального признания в научно-исследовательский институт. В 1921 г. научно-технические комитеты, с привлечением дореволюционной интеллигенции открылись в Новочеркасске, Ставрополе, Краснодаре, Владикавказе и Пятигорске⁸.

Востребованность труда интеллигенции со стороны государства и признание заслуг интеллектуального труда в восстановлении экономики, способствовала примиренческому отношению к советской власти с ее стороны. Этому способствовало и начало процесса стабилизации жизни, переходом к НЭПу. Интеллигенция ожидала постепенной либерализации режима. Не последнюю роль имели надежды на то, что новая модернизация выведет страну на высокий уровень развития.

Формировалось и сотрудничество власти с основной массой интеллигенции старой России на основе социально–политического компромисса. Со стороны власти стремление к сотрудничеству определялась прагматической необходимостью в специалистах для восстановления хозяйства, развития экономики, образования, культуры. Примирение власти с «классовой неблагонадежностью» части интеллигенции для решения конкретных экономических и общественно-политических задач явно прослеживалась на окраинах России, в частности и на Северном Кавказе. В провинции катастрофически не хватало специалистов и, в отличие от центра страны, на их социальное происхождение в первой половине 20-х годов закрывали глаза. Так, в июне 1920 г. в г. Ставрополе военным комиссаром был отпущен из-под ареста учитель Н.А. Костин, бывший дореволюционный чиновник. Как писали ходатайствующие о его освобождении партработники, арест учителя по русскому языку «приостановил на неопределенное время» работу педагогических курсов и наносит вред всему «нарастающему крестьянскому учительству»⁹.

В целом же выражая отношение к интеллигенции В.И. Ленин в середине 1918 г. говорил о необходимости «экспроприировать» ее, «подчинить советской власти», «победить, переделать, переварить, перевоспитать» и учиться под особым надзором¹⁰.

Представляется, что в это время складывалось одно из новых качеств советской интеллигенции. Оно заключалось в принятии условий со стороны власти и подчинение этим условиям. Пережитая гражданская война, методы подавления, чрезвычайщины, подавление свободомыслия и насаждение социалистической идеологии способствовали формированию качества, характерного для новой советской интеллигенции, заключающейся в подчинении, послушании. Возможно, это было внешнее, показное послушание, используемое в целях самосохранения. С другой стороны, многим пришлось освоить

марксистско-ленинский язык и понятия, чтобы обеспечить себе психологически приемлемую нишу в советской системе.

Однако негативное отношение к интеллигенции поддерживалось властью и в дальнейшем. Широкое распространение имели антиинтеллигентские настроения в обществе. Образованность, свойственная интеллигенции, всегда ассоциировалась в рабочей массе с чем-то барским, с теми «бывшими» классами, с которыми многие из них боролись на фронтах гражданской войны и которые начали возрождаться в период НЭПа. Интеллигенция на рабочих местах в полной мере ощущала это подозрительное и иногда враждебно отношение к себе. В 1925 г. журнал «Инженерный труд» напечатал статью инженера, который писал о противоречии в положении специалистов. «Вроде бы специалист полезен обществу, но реально отношение к нему через 8 лет революции все еще враждебно». С горечью он отмечал, что для обывателя тот, кто чисто одет, не занимается физическим трудом, кто по-книжному разговаривает, тот «начальник, барин, буржуй. Для рабочих это и есть – спец»¹¹.

Различные притеснения интеллигенции получившие название «спецеество» было выгодно творцам формирующейся командно-административной системе. Негативное отношение рабочих к специалистам становилось гарантией безопасности от распространения критики со стороны интеллигенции. Сохранялось и негативное отношение к интеллигенции со стороны многих известных государственных и партийных деятелей. Председатель Северо-Кавказского исполкома Богданов, сам инженер по образованию, в «кратком сообщении» на имя Сталина, Рыкова, Томского, Дзержинского в 1926 г. писал, что одного постановления для создания нормального отношения к специалистам мало. Циркуляры не решат проблемы, замечал он, когда пренебрежительные фразы о специалистах слышатся в Кремле от ответственных лиц¹².

В конце 20-х годов после Шахтинского дела 1928 г. происходит еще более значительное падение престижа интеллигенции, обострение негативного отношения к ней со стороны рабочих¹³. Недоверие народа к интеллигенции поддерживали периодически проходившие чистки аппаратов предприятий. Специалисты находились под пристальным контролем, их слова становились известны в профсоюзах, органах труда и ОГПУ. В апреле 1928 г. газета Северо-Кавказского края «Молот» писала, что специалисты – это «господствующая каста людей», от которой все зависит, они подменяют всех при утверждении проектов, «разобщают рабочих», нацеливая на увеличение зарплаты, заботятся только о материальной выгоде¹⁴. Естественно, что в таких условиях интеллигенция ощущала себя чужой в своей стране.

Большую роль здесь сыграли доносы, личное сведение счетов, неосторожно оброненные слова, в которых можно было заметить неодобрительное отношение к советской власти. Основанием для увольнения с работы, как показывают дела по «вычищенным», служили подобные формулировки: «работает как частный работник»; «работает спустя рукава»; «к советской власти лоялен, но общественной работы не ведет»; «общения с массами не имеет», «избегает вести лекции для рабочих»¹⁵. Власть не собиралась мириться с аполитизмом, с равнодушным отношением интеллигенции к советскому строительству. Всевозможные курсы и кружки по изучению марксизма и обязательства вести общественную работу заставляли интеллигенцию хотя бы внешне, показательно отождествлять себя с советским строительством.

Формирование наднациональной, советской идентичности во многом начало активно насаждаться уже с началом 20-х годов, в ходе ускоренной подготовки «своей», «классово надежной» интеллигенции из рабочих и крестьян. В 1925 г. Н.И. Бухарин заявил, что «мы будем... штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике»¹⁶. Сама по себе эта фраза подразумевает, что интеллигенция должна перестать быть штучным товаром, а превратиться в массу, наделенную определенными чертами. Надо сказать, что в первую очередь эта формируемая идентичность базировалась на классовой принадлежно-

сти. При поступлении в высшие и средние учебные заведения предпочтение отдавалось рабочим и крестьянам. В преимущественно аграрном регионе, каким являлся Северный Кавказ к началу 20-х годов XX в. было тяжело обеспечить доминирование рабочих при поступлении, поэтому крестьяне из батраков приравнивались к пролетариату¹⁷.

После 1918 г. на Северном Кавказе началось создание ВУЗов, расширение сети средних учебных заведений, сокращались сроки обучения с пяти лет в вузах до трех. Упрощались, а зачастую вообще ликвидировались, вступительные испытания для рабочих, коммунистов, комсомольцев. Появились рабфаки для ускоренной подготовки абитуриентов. Рабфаки региона в обязательном порядке в составе студентов имели представителей всех народностей. Краевым руководством устанавливалась разверстка мест по административным единицам. Количество устанавливаемых вакансий зависела от потребностей данной области в кадрах по расчетам планового отдела¹⁸.

Характерной чертой новой советской идентичности интеллигенции становилось марксистско-ленинская идеология. Именно она становилась цементирующим фактором наднациональной идентичности. Основной темой одной из Краснодарских конференций учащихся профтехнических школ, фабзавучей, техникумов и вузов 1923 г. стала не роль технического образования, а обсуждение классового подхода и других постулатов марксистско-ленинской идеологии в формировании специалистов¹⁹. На Северном Кавказе основное внимание уделялось созданию интеллигенции из горских народов, в связи с этим советская идентичность для них рождалась из изучения идеологии, принадлежности к коммунистической партии, комсомолу.

Таким образом, новое советское время после 1917 г. стало временем падения престижа интеллигенции, негативным отношением к образованному социальному слою. Одновременно проходило создание наднациональной, советская идентичность, которая базировалась на марксистско-ленинской идеологии, классовости, принадлежности к партии, к комсомолу. На Северном Кавказе это было время создания ВУЗов и началом подготовки национальной интеллектуальной элиты из горских народов, у которых формирование наднациональной идентичности ставилось на первое место. Интеллигенции вынужденно или осознанно пришлось освоить марксистско-ленинский язык и понятия, чтобы обеспечить себе психологически приемлемую нишу в советской системе.

Примечания

1. Вдовин А.И. Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. //Вестник Моск. ун-та. История. № 3. 2002. С. 3-10.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 40.
3. Вдовин А.И. Русские в XX веке. М., 2004. С. 8-9.
4. Конституция РСФСР 1918г. //Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории советской конституции. М., 1987. С. 240.
5. Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 80-81.
6. К вопросу о положении специалистов и об отношении к ним //Инженерный труд. №4. 1925. С. 15-16.
7. Куценко И.Я. Куб. ГТУ. Кубанский Государственный технологический университет. История и современность. Краснодар, 1999. С. 11.
8. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 9. Оп. 1. Д. 463. Л. 7; ГАРО (Государственный архив Ростовской области). Ф. Р.-1019. Оп. 1. Д. 728. Л. 1-3; Д. 750. Л. 22-17; Д. 743. Л. 6-7об; Ф. Р.-3758. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.
9. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф.Р.-164. Оп. 1. Д. 6. Л. 4-4об.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 221; Т. 41. С. 101-102.
11. Что такое «спец» //Инженерный труд. №2. 1925. С. 6.
12. ГАРО. Ф.Р.-3555. Оп. 1. Д. 18. Л. 44-221об.
13. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф.Р.-379. Оп. 1. Д. 13. Л. 14, 16; Ф.Р.-226. Оп. 2. Д. 50. Л. 123-179.

14. Молот. 25 апреля. 1928. С. 3.
15. ГАКК. Ф.Р.-226. Оп. 2. Д. 58. Л. 2-3.
16. Бухарин Н.И. Революция и культура. М., 1993. С. 84.
17. ГАРФ (Государственный архив РФ). Ф.А.-2306. Оп. 8. Д. 19. Л. 34.
18. ЦДНИРО (Центр документации новейшей истории Ростовской области). Ф. 7. Оп. 1. Д. 177. Л. 1, 6, 16.
19. ГАРФ. Ф. А.-1565. Оп. 4. Д. 173. Л. 3.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СЛОВЕНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© В. В. ТАБАЧЕНКОВ

Пензенский государственный университет,
аспирант кафедры новейшей истории России и краеведения,
e-mail: tabachenkoff@gmail.com

С конца 80-х годов XX в. на международной арене происходят существенные перемены, обуславливающие тенденцию перехода системы международных отношений от двуполярной к многоцентричной конфигурации. Проявляется стремление ряда государств найти свое место и роль в этой меняющейся системе. Революционные события 1989–1990 гг. в странах Центральной и Восточной Европы, приведшие к падению коммунистических режимов и выходу на международную арену новых демократических государств, коренным образом изменили отношения в Европе в целом. Изменилась международно-политическая обстановка на Европейском континенте, да и во всем мире.

Основой современных российско-словенских взаимосвязей стали уходящие вглубь веков исторические свидетельства, случайные или predetermined ходом истории контакты словенцев и русских. Однако, именно XX в. со всеми его сложностями и противоречиями наложил особый отпечаток на многостороннее сотрудничество между нашими странами, которое имеет на данный момент времени положительную динамику.

25 мая 1992 г. произошло историческое событие в истории двусторонних отношений, так как был подписан «Протокол об установлении дипломатических отношений между Республикой Словения и Российской Федерацией». Этот документ произвел очень сильное впечатление на словенскую общественность, выразив надежду, что наши государства будут также близки, как похожи наши государственные флаги. Оглядываясь на пройденный путь, мы можем констатировать, что это пожелание воплотилось в жизнь.

Хочется отметить, что наши отношения возникли не на пустом месте. Уже задолго до установления межгосударственных отношений между русскими и словенцами существовали связи, которые мы сейчас рассматриваем как драгоценную основу сотрудничества в сфере экономики и культуры.

Как мы знаем, история любого балканского или центрально-европейского народа никогда не была простой. Словенцы не исключение. Но судьба была к ним все-таки благосклонной. Большую часть XX в. Словения входила в состав Югославии, причем как самый процветающий край. Обретение независимости далось Словении относительно легко. При переходе к демократии и рынку она отказалась от шоковой терапии. Сегодня Словения развитое европейское государство, которое является членом различных международных организаций – ЕС, ВТО, НАТО, зоны Шенгенского соглашения, еврозоны.

Именно по инициативе Словении в 2004 г. возникла такая международная организация как «Форум славянских культур», работа которого охватывает все славянские государства, в том числе и Россию.

Данная тема весьма актуальна сегодня, так как в России о Словении знают еще не достаточно, однако российско-словенские связи берут свое начало с конца XVII в.

В 1685 г. российское правительство от имени юных царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича обратилось с просьбой к императору Священной Римской империи Леопольду I прислать им доктора. Поехать в Россию согласился Георг Оглар (Карбонариус), сын словенского крестьянина из селения Накло, неподалеку от крупного города Краня. Оглар-Карбонариус прожил в России с 1689 по 1715 гг. будучи личным врачом Петра I, он побывал с ним во время его походов на Азов, принимал участие в войне со шведами в Прибалтике, присутствовал при битве под Полтавой.

Войну с наполеоновской Францией, которую вели совместно Австрия и Россия, столкнули словенцев с русскими солдатами. В 1799 г. части армии под руководством А.В. Суворова проходили через словенские земли, направляясь в Италию для борьбы с Наполеоном¹.

В начале 1860-х гг. начался новый этап в развитии отношений двух народов. В этот период в России особый интерес к славянам стали проявлять славянофильские круги. Зимой 1858 г. Представители российской интеллигенции образовали Московский Славянский комитет. Его создателями был не только славянофилы (К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин), но и либералы (С.М. Соловьев, Ф.И. Буслаев, М.Н. Катков). Спустя некоторое время появились Славянские комитеты в Санкт-Петербурге, Киеве и Одессе. Эти организации стали центрами, которые вели сношения с зарубежными славянскими обществами, в том числе из Словенских земель. В период словенские политики и литераторы стали публиковаться в русской прессе, особенно в славянофильском издании «Русская беседа»².

В начале XX в. стали налаживаться политические связи между словенцами и русскими. Во время Первой мировой войны они оказались по разные стороны линии фронта. В результате боев словенские солдаты оказались в русском плену, а русские попали в плен к австрийским (в том числе словенским) и часть их оказалась на словенских землях. Российские солдаты жили в лагерях для военнопленных в России известно значительно больше, поскольку опубликованы воспоминания многих из них. При этом часть словенцев, которые находились в российских городах, участвовали в революционных событиях на стороне красных. Вернувшись на родину, они стали создавать первые коммунистические организации³.

В межвоенный период в рядах прогрессивной словенской интеллигенции, представителей левых организаций не угасал интерес к России. В 1940 г. было основано «Общество друзей Советского Союза», куда вошли коммунисты, левые либералы и христианские социалисты. В СССР тоже существовала словенская эмиграция, состоявшая из бывших военнопленных, женившихся на русских женщинах.

С началом Второй мировой войны началась новая эпоха русско-словенских отношений. После захвата Югославии фашистами словенские земли были поделены между немцами и их союзниками итальянцами. Уже с первых недель оккупации словенцы начали сопротивление 27 апреля 1941 г. словенскими патриотами на базе «Общества друзей Советского союза» создан «Освободительный фронт Словении». По призыву Коммунистической партии Югославии по всей стране стали организовываться партизанские отряды. Среди словенских партизан сражались и советские люди.

Советское правительство оказывало военную и дипломатическую поддержку Югославии, однако после резолюции Коминформа в 1948 г. были прерваны все политические и культурные связи между народами СССР и Югославии. С 1980 г., когда умер Тито, по 1991 г., когда Словения объявила о своем суверенитете, разыгралась одна из самых драматических глав в жизни словенского народа. В связи с этим развал Советского союза имел большое значение для Словении.

В период таких судьбоносных преобразований самые плодотворные отношения между Россией и Словенией завязали предприниматели, которые благодаря своим связям

в Москве смогли в определенной мере повлиять на то, что Российская Федерация признала республику Словения 14 февраля 1992 г. и 25 мая того же года установила с ней дипломатические отношения. Этот факт дал еще более сильный импульс активности словенских предприятий на российской территории и экономическому обмену, который в последнее время только увеличивается.

Российская Федерация уже традиционно входит в десятку самых важных торговых партнеров Словении, причем экспорт, который так важен для Словении, до сих пор существенно превышает импорт из Российской Федерации. На двусторонние экономические отношения между Словенией и Российской Федерацией в 2009 г. в большой мере влияли внешние факторы, такие как глобальный финансово-экономический кризис, вызвавший, вследствие снижения экономической активности и, как следствие, сниженного спроса, падение товарообмена между странами.

Структура товарообмена в период его падения осталась более или менее неизменной. Больше всего Словения экспортирует фармацевтических продуктов, систем проводной телефонии, электроаппаратуры и оборудования, механических установок и лакокрасочных средств (эти группы составляют от 60 до 70% от общего словенского экспорта в РФ). Импорт из РФ в наибольшей мере связан с импортом нефтегазопродуктов и их производных, алюминия и изделий из алюминия (эти группы продуктов составляют от 70 до 75% от общего импорта РФ в Словению)⁴.

Глобальный финансово-экономический кризис поставил перед обеими экономиками задачу диверсификации ключевых экспортных рынков и ключевых групп товаров. В 2011 г. товарооборот между Россией и Словенией составил около 1,5 млрд. долл. США. В 2012 г. продолжает отмечаться устойчивый рост объемов взаимной торговли⁵.

На территории России работают производства, созданные компаниями из Словении, в том числе в форме совместных предприятий (в химической промышленности, включая фармацевтику, в производстве средств связи, строительных материалов и др.). Российский ОАО «КОКС», является основным владельцем объединения «Словенская сталелитейная промышленность» (ССП). 16 мая 2012 г. на заводе «Метал-Равне» в г. Равне-на-Корошкем (Словения), состоялся ввод в эксплуатацию современной установки электрошлаковой плавки. Таким образом, был завершён пятилетний план инвестиционного развития предприятия на общую сумму 110 млн. евро. Создание нового высококачественно производства позволяет заводу выпускать технически более сложные изделия, существенно повышает его конкурентоспособность, а также рентабельность производства.

На основании российско-словенского межправительственного Соглашения от 14 ноября 2009 г. успешно осуществляется сотрудничество по строительству в Словении газопровода в рамках проекта «Южный поток». В сентябре 2012 г. в Словении состоялась регистрация совместной компании по проектированию, строительству и эксплуатации словенского участка газопровода – South Stream Slovenia LLC, учрежденной ОАО «Газпром» и ООО «Плиноводи».

Газопровод имеет приоритетное значение для развития российско-словенских экономических связей – позволит подключить к его реализации многие словенские компании, создать новые рабочие места, будет содействовать реализации других проектов сотрудничества.

В соответствии с двусторонними документами, подписанными в рамках переговоров на высшем и высоком уровнях, состоявшихся в 2010–2011 гг., российско-словенское взаимодействие переводится на инновационные и высокотехнологичные направления, расширяется инвестиционное сотрудничество, формируются научно-производственные связи.

30 мая 2012 г. в городе Порторож Посольством совместно с Деловым Советом Россия–Словения была проведена Международная конференция «Словения–Россия – новое партнерство в глобальном соревновании». Особое внимание ее участников было обращено на положения Указа Президента Российской Федерации В.В. Путина «О долгосроч-

ной государственной экономической политике» от 7 мая 2012 г., определяющего стратегию России по выходу на качественно новые показатели – по темпам роста, доходам граждан, технологическому лидерству, на необходимость совместного поиска перспективных направлений развития российско-словенских экономических связей, созвучных решению стоящих перед Россией задач.

Важную роль в работе по совершенствованию экономических отношений между двумя странами играет Межправительственная Российско-Словенская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК).

Словения и Российская Федерация уже традиционно поддерживают прекрасные экономические отношения, и не только на межгосударственном, но и на межрегиональном уровне. Не переставая, расширяется объем тесных экономических связей между Республикой Словения и словенскими фирмами и отдельными регионами Российской Федерации. Эти отношения развиваются посредством механизмов подписания договоров о сотрудничестве, организации совместных экономических мероприятий и бизнес-делегаций.

Однако, некоторые регионы Российской Федерации непосредственно участвуют в налаживании двусторонних экономических контактов. К примеру, 17 декабря 2010 г. была организована встреча Губернатора Пензенской области В.К. Бочкарева с гражданином Словении Яном Рацем по вопросу реализации инвестиционного проекта по строительству нефтеперерабатывающего завода на территории Пензенской области и организации финансирования с привлечением иностранных инвестиций⁶.

Россия и Словения выстраивают тесное многоплановое и долгосрочное партнерство. В последние годы возросла интенсивность политического диалога, опирающегося на регулярные контакты высших руководителей двух государств. Постоянный обмен мнениями осуществляется по линии внешнеполитических ведомств.

Таким образом, подводя общий итог, следует отметить, что на протяжении последних двух десятилетий наметился позитивный рост товарооборота между Россией и Словенией, увеличение двусторонних контактов на уровне регионов, постоянный тесный политический диалог между главами государств и правительств, взаимный интерес в сфере культуры, туризма и медицины. После вступления России в ВТО стало легче заключать предпринимательские сделки на местном и региональном уровне, что тем самым привлекает в нашу страну еще больше иностранных инвестиций, в том числе из Словении.

Примечания

1. Curkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki: od konca 18. stoletja do leta 1914. Ljubljana, 1995. S. 193.
2. Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 433.
3. Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941. Logatec, 2004. S. 121.
4. <http://www.slovenia-russia.com/rus/ekonomika/> (дата обращения: 31.10.2012).
5. По данным сайта Посольства Республики Словении в Российской Федерации: http://www.rus-slo.mid.ru/polit_ekonom.html (дата обращения: 10.11.2012).
6. По данным отдела внешних связей и межрегиональных отношений Правительства Пензенской области.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ПОВОЛЖЬЯ

ВООРУЖЕНИЕ ЛЕСНОЙ СТРАЖИ ПОВОЛЖЬЯ И ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ ЛЕСОВ В ПЕРИОД НЭПА

© Е. В. ВОЕЙКОВ

Финансовый университет при Правительстве РФ (филиал в городе Пензе),
доцент кафедры теории и истории экономики, кандидат исторических наук,
e-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

В научной литературе и массовом сознании за последние десятилетия постепенно складывается устойчивый стереотип, согласно которому период нэпа в истории нашей страны был сравнительно устойчивым и благополучным этапом по сравнению с предшествующими годами Гражданской войны и последующей эпохой индустриализации и коллективизации. Между тем, по целому ряду параметров (состояние преступности, обеспечение Красной армии новой современной техникой, развитие ряда отраслей тяжелой индустрии, в первую очередь, автомобилестроения и самолетостроения) 1921–1928 гг. нельзя отнести к благополучным периодам отечественной истории.

В рамках данной статьи рассмотрен малоизвестный и почти не изученный в современной исторической литературе вопрос об одном из аспектов условий труда работников лесного хозяйства 1922–1928 гг. Территориальные рамки статьи включают современные Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую области и Республику Татарстан, Чувашскую Республику.

Леса страны и Поволжья серьезно пострадали от массовых заготовок дров периода топливного кризиса 1918–1921 гг. и лесных пожаров 1920–1921 гг.¹. Нэп оказался потерян временем для восстановления лесов региона: посевы и посадки леса проводились в недостаточном количестве, массивы горелого леса годами не разрабатывались, что приводило к массовому размножению насекомых-вредителей леса, местное население в значительных масштабах осуществляло незаконные («самовольные», по терминологии тех лет) порубки².

В годовом отчете о деятельности лесного отдела Самарского губернского земельного управления за 1923/24 г. (хозяйственный или операционный год продолжался с октября по сентябрь) давалась следующая характеристика условиям труда и быта работников лесничеств: «Материальное обеспечение (зарплата) лесничих и прочих сотрудников лесничеств, на руках которых находятся громадной ценности государственное имущество, источник непрерывных доходов, настолько мизерно, что служащие и их семьи или должны влачить полуголодное существование, или искать заработков на стороне с прямым ущербом для непосредственно порученного им дела... Недоброжелательное отношение местного населения к лесным работникам, особенно к лесной страже, доходившее до убийств, поджогов, порчи лошадей и пр. создавали еще более трудные условия жизни и работы в лесничествах»³.

Попытки лесной стражи лесничеств в 1920-е гг. навести порядок и остановить процесс уничтожения лесов России вызывали активный протест крестьянского населения, привыкшего за годы Гражданской войны безнаказанно и бесплатно вырубать лес для своих нужд в неограниченном количестве. Уже в первые годы нэпа по всей стране прокатилась волна убийств работников лесного хозяйства. За 1923/24 г. в целом по стране было убито четверо лесничих, трое помощников лесничих, 38 объездчиков, 77 лесников (всего 122 чел.); кроме того, было ранено 43 чел., зарегистрировано 23 случая ограбления и поджогов⁴. Всего по СССР с октября 1923 г. по февраль 1925 г. было убито 258 чел., ранено 176 чел., в том числе по РСФСР – соответственно 156 и 127, по Украинской ССР – 39 и 41⁵.

Не был исключением и регион Поволжья. Сохранившиеся в фондах губернских земельных управлений, лесных отделов, губисполкомов и местных отделений профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих многочисленные упоминания об убийствах и избиениях работников лесничеств, пытающихся защищать свои участки леса от расхищения, рисуют картину повсеместной незащищенности работников лесничеств, брошенных и забытых в тот момент своим государством. Например, в протоколе Мариинско-Посадского райкома ВКП(б) Чувашской АССР от 11 января 1927 г. заслушивался вопрос о массовых порубках леса в данном районе. Один из выступавших, в частности, сказал: «В последнее время участились массовые порубки лесов, лесная стража не может ничего сделать. Крестьяне, даже председатели сельсоветов, встречают лесных сторожей с топорами, не допускают к обыску краденого леса»⁶.

Нападениями и угрозами дело обычно не ограничивалось. Между лесной стражей и нарушителями лесного законодательства в лесах Поволжья периода нэпа развернулась настоящая необъявленная война, жертвами которой обычно становились работники лесного ведомства. За 1923 г. по Самарской губернии было зарегистрировано три случая убийства лесников и несколько случаев избиения⁷. В отчете Саратовского губернского лесного отдела (далее ГЛЮ) за 1923/24 г. указывалось, что «за год было: случаев убийств 7, ранений 4, избиений 15, неудавшихся покушений 11, поджогов 20»⁸. В том же году в Симбирской губернии было убито трое лесников⁹. Газета «Красная Татария» сообщала в 1926 г., что за последние два года в этой автономной республике было 15 случаев убийств лесной стражи и 20 случаев избиения лесников¹⁰. В отчете лесного хозяйства Чувашии за 1923/24 г. содержалась следующая информация: «...надо отметить имевшие в течении отчетного года два случая убийств лесной стражи (лесники Вурнарского и Норусовского лесничеств), уже не говоря о побоях, угрозах и оскорблениях, наносимых лесникам при исполнении ими служебных обязанностей»¹¹. В отчете управления лесами Наркомзема Чувашской АССР за 1924/25 г. приводились следующие данные: «Случаев убийств лесной стражи за истекший год насчитывается 3, кроме того 1 лесник тяжело ранен. Нападений на казенные дома лесной стражи было 2, окончившиеся в одном случае похищением 1 винтовки и в другом – похищением имущества лесника и ранением его лошади»¹².

Ухудшению ситуации в 1920-е гг. мог способствовать влияние фактор безнаказанности виновных лиц. Например, в августе 1924 г. жителями поселка Пустынный Карсунского уезда Ульяновской губернии был убит лесник В. Федосеев. По приговору суда пять человек были приговорены к нескольким месяцам тюрьмы¹³.

В период Гражданской войны лесную стражу по всей стране заставили сдать имевшееся у нее оружие. В результате, это сильно усложнило для работников лесничеств процесс охраны леса и задержания нарушителей. Остановить вооруженных топорами и оставшимися от Гражданской войны винтовками крестьян, незаконно вырубавших лес, становилось для лесников и объездчиков невыполнимой задачей. В резолюции съезда лесничих Татарской АССР (4-10 марта 1923 г.) по вопросу охраны леса было записано: «настоять на скорейшем вооружении лесной стражи... и возбудить ходатайство об отобрании у населения трехлинейных винтовок»¹⁴. В опубликованном обзоре по состоянию охраны лесов в Татарской АССР за 1922 г. приводились сведения, что жители с. Соболекова Челнинского кантона «производили рубку леса большими вооруженными партиями»¹⁵. По принятому в 1923 г. Лесному кодексу лесничим, их помощникам и лесной страже было снова разрешено ношение огнестрельного оружия (ст. 72). Но процесс вооружения работников лесничеств затянулся на несколько ближайших лет. Лесному ведомству выделили 30 тыс. винтовок «неосновного образца» и один миллион патронов к ним¹⁶.

По данным Управления лесами Наркомата земледелия на 1-е октября 1924 г. было вооружено около 50% всей лесной стражи¹⁷. Наиболее подробная информация о ходе перевооружения лесной стражи в рассматриваемом регионе сохранилась по Чувашии. В годовом отчете о состоянии лесного хозяйства за 1923/24 г. приводилась следующая ин-

формация: «До 1924 года лесная стража была почти не вооружена, имелись только случайные одностволки и револьверы без патронов; только в августе месяце с/г. лесная стража Чувашобласти была вооружена винтовками системы «ГРА»... в количестве 400 шт. и к ним 12000 патронов. Винтовки были отпущены без штыков, без шомполов и без оружейных принадлежностей к ним. Полученные винтовки, и имевшиеся ранее, все-таки не достаточны для вооружения лесной стражи...»¹⁸. В отчете следующего 1924/25 г. констатировалось: «Имеющийся состав лесной стражи в течение отчетного года вооружен на 100%, т. е. у каждого лесника и объездчика имеются винтовка системы или «Гра», или «Бердана», или «Витерли», или «Гра-Кропачек» с патронами к ним по 15 штук на каждую винтовку»¹⁹. Как видно из приведенных данных, в 1925 г., лесная стража Чувашской АССР была вооружена полностью.

В Татарской АССР данный процесс был завершен, как и в Чувашии, в 1924/25 г. Среди других регионов страны показатели этих автономных республик Поволжья были благополучными: в среднем по РСФСР на тот момент вооружение было проведено на 50-60%²⁰. Но качественный аспект вопроса по-прежнему оставался проблемным. В исследовании о бытовых условиях работников лесного хозяйства, обращалось внимание на следующее обстоятельство: «...это только общее определение, что работники леса вооружены от 11% до 100%. Если же присмотреться поближе, чем они вооружены, то выясняется, что обычным оружием для них является или берданка старого образца, или еще другое пришедшее в негодность оружие, которое не может служить защитой»²¹. Отдельные упоминания по Татарской АССР подтверждают приведенный тезис. На съезде лесных работников в Казани (август 1925 г.) было отмечено, что «лесная стража в большинстве или вовсе не вооружена, или вооружена допотопным оружием»²². Более подробная информация содержалась в объяснительной записке к годовому отчету за 1926/27 г. управления лесами Наркомзема Татарской АССР: «Приобретенные на Ижевском заводе в начале революции берданки 32 калибра, переделанные из военных берданок, в большинстве случаев пришли в негодность. В истекшем году отремонтировано 200 берданок»²³.

В Симбирской губернии винтовки лесной страже начали раздавать уже в 1922 г.²⁴. В годовом отчете ГЛЮ за 1923/24 г. указывалось: «Лесная стража пока вооружена на 1/3, но в самом непродолжительном времени будет вооружена вся, так как наряд на оружие получен»²⁵. Но этот процесс затянулся. Окончательно работников лесничеств в данной губернии снабдили оружием к концу 1925 г. В отчете ГЛЮ за 1925/26 г. приводилась следующая информация: «Лесники вооружены полностью на все 100% винтовками системы «Витерли» с боеприпасами к ним. Что же касается объездчиков, то таковые вооружены частично винтовками системы «ГРА» и частью револьверами системы Смит и Вессон», боеприпасов достаточно»²⁶. Синхронно шел процесс в соседней Самарской губернии. На XII губернском съезде Советов (апрель 1925 г.) в одном из выступлений прозвучала фраза «сейчас улучшается содержание стражи и ей выдается оружие»²⁷.

В Пензенской губернии процесс вооружения лесной стражи еще продолжался в 1926 г. В отчете Пензенского ГЛЮ за 1925/26 г. указывалось, что было получено из Управления лесами и отправлено в лесничества 220 винтовок системы «Витерли» и для лесничих и их помощников 60 револьверов системы «Смит и Вессон»²⁸.

По мере решения количественного аспекта вопроса на первый план выходили проблемы удобства пользования служебным оружием. В первую очередь, обращает на себя многообразие систем винтовок, многие из которых были импортного производства, что не могло не создать в ближайшие годы проблемы с запчастями. Как видно из приведенных выше примеров, даже в рамках одной губернии или автономной республики на руках у лесной стражи находилось два – три вида винтовочных систем (рекордсменом стала Чувашия – четыре типа). В условиях российского бюрократизма подобная пестрота оружейных систем неизбежно должна была порождать путаницу при централизованном распределении запчастей и боеприпасов. Кроме того, указанные выше названия винтовок свидетель-

ствуют о том, что выпущены они, скорее всего, были в первые годы XX в. или даже (системы Бердана) в конце XIX в. К середине 1920-х гг., как показал опыт Татарии, многие образцы оружия уже морально и физически устарели. Лучшим решением вопроса было бы снабжение в тот момент лесной стражи отечественными винтовками системы Мосина (так называемая «трехлинейка»), которыми была вооружена Красная армия. Но, можно предположить, что денежных средств на это у государства в очередной раз не оказалось.

В центральном лесном журнале в статье о самовольных порубках было высказано следующее соображение: «Лесную стражу необходимо перевооружить револьверами вместо теперешних старых винтовок, изготовленных в 1870–1874 гг., весом около 13 фунтов. Таскаться по лесу с таким оружием крайне трудно, и лесники иногда просто оставляют его дома»²⁹. Упоминания о желании лесной стражи заменить винтовки револьверами сохранились по Ульяновской губернии³⁰. В годовом отчете Саратовского ГЛЮ за 1926/27 г. отмечалось, что «вооружение стражи винтовками «ГРА» вызывает массу нареканий ввиду громоздкости и тяжести винтовок»³¹.

Вооружение лесной стражи в отдельных административно-территориальных образованиях Поволжья во второй половине 1920-х гг. способствовали сокращению числа самовольных порубок леса местным населением. Лесной страже удавалось дать достойный отпор. В таких случаях газетные заметки рассматриваемого периода напоминают уже сводки боевых действий: «В ночь на 2 февраля в Бессоновском (Бессоновка – населенный пункт в Пензенской губернии – Е. В.) лесничестве при встрече с лесокрадами был ранен лесник М.И. Молев... Будучи раненым, Молев ответным выстрелом убил стрелявшего. Обездчик Пустомолов задержал шайку лесокрадов и доставил в бессоновскую милицию»³². Февральской ночью 1927 г. на лесника Цивильского лесничества (Чувашская АССР) совершили нападение семь человек, вооруженных револьверами и винтовками. Лесник отстреливался от нападавших и сумел спастись³³.

Но наличие служебного оружия личной безопасности лесной стражи все-таки не гарантировало. За 1926/27 г. в Чувашской АССР случаев убийств лесной стражи было три, ранений – четыре³⁴. В 1927/28 г. в Пензенском округе Средне-Волжской области (образована путем объединения Пензенской, Самарской, Ульяновской и Оренбургской губерний) было убито двое лесников (Зубовский и Нижнеломовский лесхозы); кроме того, имели место три случая поджога казенных помещений³⁵.

С учетом приведенных примеров можно констатировать, что работа в лесной охране в 1920-е гг. была сопоставима по степени опасности и риску для жизни с работниками уголовного розыска при гораздо меньшей оплате труда и социальных гарантиях.

Экономика нэпа продемонстрировала неспособность улучшить состояние лесов и обеспечить достойную жизнь работникам лесного хозяйства. В современной России леса опять оказались вне сферы первоочередных интересов государства. В СМИ периодически проскальзывает информация о росте хищений лесных материалов в Европейской России и массовой незаконной вырубке лесов Сибири и Дальнего Востока китайскими предпринимателями. Сокращение работников лесной охраны в 2000-е гг. сыграло роль фактора, усилившего масштаб лесных пожаров, прокатившихся по многим регионам России летом 2010 г. Остается только надеяться, что внимательное изучение и обобщение исторического опыта России позволит проводить более грамотную и взвешенную экономическую, социальную и экологическую политику.

Примечания

1. Воейков Е.В. У истоков экологических проблем //Отечественная история. № 5. 2001. С. 150-154.
2. Воейков Е.В. Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток //Отечественная история. № 5. 2007. С. 151; Воейков Е.В. Экологические проблемы Самарской губернии в период нэпа 1921–1927 гг. (на примере состояния лесов региона) //Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы истории и археологии». 2006. С. 76-85.

3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р.-749. Оп. 1. Д. 22. Л. 5об.-6.
4. Шульц А. Предварительные итоги работы Управления лесами за 1923–24 год //Лесовод. № 1. 1925. С. 7.
5. Кедер А. К вопросу о материально-бытовых условиях работников леса //Лесовод. № 11. 1925. С. 8.
6. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИЧР). Ф. 1. Оп. 8. Д. 116. Л. 1.
7. Берегите лес //Коммуна. 12 апреля. 1924.
8. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.Р.-313. Оп. 1. Д. 3017. Л. 6об.
9. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.Р.-337. Оп. 1. Д. 98. Л. 203об.
10. Поволжанин. Отхожий промысел //Красная Татария. 10 октября. 1926.
11. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИАЧР). Ф.Р.-222. Оп. 1. Д. 109. Л. 12.
12. ГИАЧР. Ф. Р. 224. Оп. 1. Д. 271. Л. 22.
13. Гайдамак А. Несколько фактов о том, как берегут лес //Пролетарский путь. 27 октября. 1926. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф.Р.-1255. Оп. 1. Д. 39. Л. 76.
15. Охрана лесов по Татареспублике в 1922 году //Бюллетень информационно-издательского отдела Совнаркома АТССР. № 5. 1923. С. 2.
16. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф.А.-259. Оп. 8Б. Д. 233. Л. 13.
17. Шульц А. Предварительные итоги работы Управления лесами за 1923-24 год //Лесовод. № 1. 1925. С. 7.
18. ГИАЧР. Ф.Р.-222. Оп. 1. Д. 109. Л. 12.
19. ГИАЧР. Ф.Р.-222. Оп. 1. Д. 109. Л. 46.
20. Кедер А. Указ. соч. С. 8.
21. Там же.
22. Хроника. III съезд лесничих Татареспублики //Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. № 1. 1925. С. 66.
23. НАРТ. Ф.Р.-1255. Оп. 1. Д. 211. Л. 44.
24. Отчет Симбирского губернского исполнительного комитета XII губернскому съезду Советов за время с 22 августа 1921 г. по 22 ноября 1922 г. Симбирск, 1922. С. 59.
25. ГАУО. Ф.Р.-337. Оп. 1. Д. 98. Л. 201об.
26. ГАУО. Ф.Р.-337. Оп. 1. Д. 186. Л. 32об.
27. XII Самарский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Стенографический отчет. Самара, 1925. С. 74.
28. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.Р.-309. Оп. 1. Д. 3200. Л. 92об.
29. Столяров С. Самовольные порубки леса //Лесное хозяйство. № 6. 1928. С. 99.
30. Лесник Н. И. Кириллов. Даешь револьвер //Лесной рабочий. 9 июня. 1929; Логинов Д. Самовольные порубки идут на убыль //Пролетарский путь. 28 июля. 1927.
31. ГАСО. Ф.Р.-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 25об.
32. Происшествия. Нападение лесокрадов //Трудовая правда. 17 февраля. 1926.
33. Лесные бандиты //Трудовая газета. 27 февраля. 1927.
34. ГИАЧР. Ф.Р.-222. Оп. 1. Д. 109. Л. 127.
35. ГАПО. Ф.Р.-309. Оп. 1. Д. 3875. Л. 219.

**АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ И ДОРОЖНОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО НА РУБЕЖЕ 1920–1930-Х ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

© Т. Н. КУЗЬМИНА

Пензенский государственный университет,
доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории,
кандидат исторических наук
e-mail: tatyanakuzmina19@list.ru

© Н. А. ШАРОШКИН

Пензенский государственный университет,
профессор кафедры истории, права и методики правового обучения,
доктор исторических наук
e-mail: tatyanakuzmina19@list.ru

Роль автомобильного транспорта на всех этапах новейшего периода была значительной. Особенно она возрасла в связи с переходом страны к реконструкции народного хозяйства и индустриализации. С увеличением валовой сельскохозяйственной и промышленной продукции по сравнению с предшествующим периодом, с открытием и добычей нефти в Среднем Поволжье и Татарской АССР ускоренное развитие всех видов транспорта стало острой необходимостью.

К моменту организации в регионе Средне-Волжской и Нижне-Волжской областей (лето 1928 г.) восстановительный период по основным показателям состояния промышленности и сельского хозяйства еще не был завершен. Восстановительные процессы переплетались с задачами реконструкции народного хозяйства, открывавшей новые перспективы ускоренного развития страны. Об этом свидетельствуют данные, о реализации выполнения первого года пятилетнего плана Средне-Волжским краем. Первый год пятилетки был успешным. Промышленность, планируемая Средне-Волжским краевым Советом народного хозяйства (КСНХ), дала рекордные показатели. Прирост продукции составил 43,2%, что превысило плановое задание на 11%. Себестоимость была снижена на 5,7% (по плану 7,1%), производительность труда повысилась на 19% (по плану 21%), а номинальная заработная плата – на 7%¹.

Созданная в 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР² Средне-Волжская область (в составе Пензенской, Оренбургской, Самарской, Ульяновской губерний) в транспортном отношении имела ряд проблем: отдаленность пунктов вывоза продукции, низкая пропускная способность железных дорог (протяженность 3500 км), несоответствующая нуждам грузооборота, неблагоустроенность грунтовых дорог, общая протяженность которых составляла примерно 60 тыс. км, в т. ч. 50 тыс. км приходилось на сельские и районные дороги. Только немногим более 1% гужевых дорог имели каменное покрытие. Не лучше положение складывалось и в обеспеченности мостами (на 30% ниже, чем в среднем по РСФСР), причем 35% мостов нуждалось в полном восстановлении, 25% – в капитальном и 40% – в текущем ремонте. Совершенно очевидно, что такое состояние дорожного хозяйства настоятельно требовало крупных вложений со стороны и государства, и хозяйственных органов³.

Между тем Средне-Волжская область занимала огромную территорию в 237,8 тыс. км. Ее население в 1927–28 г. составляло 7170 тыс. чел., в т. ч. 6297 тыс. проживало в сельской местности. Городское население составляло лишь 12,2%⁴. Развитие транспорта в таком значительном регионе было необходимо. Первой пятилеткой намечалось вложить в безрельсовый транспорт 190 млн. руб., в результате чего протяженность дорог с твердым покрытием должна достигнуть 4 тыс. км⁵.

Аналогичное положение складывалось и в Нижне-Волжской области (население 5728 тыс. чел.), образованной постановлением ВЦИК СССР от 21 мая 1928 г. Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 11 июня область была преобразована в край, объединяющий Саратовскую, Сталинградскую и Астраханскую губернии, а также Калмыцкую автономную область. Протяженность гужевых дорог в крае составляла 55633 км, железных дорог – 3153 км⁶.

Постановлением президиума Нижне-Волжского крайисполкома «О контрольных цифрах народнохозяйственного и социально-культурного строительства Нижне-Волжского края на 1929–30 г.» капитальные вложения в транспортное строительство определялись суммой 51207,7 тыс. руб. (что больше по сравнению с 1927–28 г. в пять раз), в т. ч. в железнодорожный транспорт направлялось 27557 тыс. руб., водный – 15970 и гужевой – 7674 тыс. (в 1927–28 г. – 2021 тыс.)⁷.

С весны 1929 г. автомобили стали приобретать многие крупные предприятия Нижней Волги. Из отчета о состоянии транспортного хозяйства СТЗ видим, что снабжение завода автотранспортом осуществлялось трудно и с опозданием. Для перевозки грузов первоначально использовались тракторы. Лишь в конце 1929–30 г. автопарк был доведен до десяти автомобилей общей грузоподъемностью 23 т и семи тракторов. Использование гужевого транспорта постепенно снижалось: в первом квартале 1929 г. на перевозке грузов было занято 400 лошадей, во втором – 325, третьем – 145 и четвертом – 150. Гужевые перевозки сохранялись «как неизбежное зло переброски малых грузов»⁸.

Сложное положение было и с обеспеченностью городов автобусами. Так, в 1927–28 г. в Средне-Волжском крае было только 30 автобусов, в 1929–30 г. – 36, а общая длина их маршрутов составляла соответственно 326 и 333,9 км. Низкая обеспеченность пассажирским автотранспортом была в Пензе. В городе быстро росла численность населения: в 1927–28 г. она составляла 98,4 тыс. чел., в 1929–30 г. – 112,3 тыс., а число автобусов в эти годы было лишь 4 и 11⁹.

Первая Средне-Волжская областная партийная конференция, состоявшаяся 20–23 августа 1928 г., обратила внимание на улучшение работы транспортных организаций. В принятой резолюции подчеркивалось: «Учитывая удельный вес транспортного хозяйства в области (особенно значительное количество железнодорожных линий, пересекающих область, и сосредоточение кадров пролетариата на них)... необходимо усилить внимание... к работе транспортных организаций как по линии улучшения хозработы транспорта, так и по линии поднятия и оживления массовой работы на основных транспортных предприятиях»¹⁰.

В годы первой пятилетки намечалось создание мощной автомобильной промышленности, а также развитие смежных отраслей производства, оснащение предприятий новейшим технологическим оборудованием. Увеличивались средства, направляемые в дорожное строительство. В Нижне-Волжском крае в 1927–28 г. они составили 1,7 млн. руб., в 1929 г. – 3 млн., 1930 – 3,2, 1931 – 6,8 и в 1932 г. – 12,7 млн. (всего 25,7 млн.). В железнодорожный транспорт края было вложено соответственно 3,9; 5,4; 21,3; 23,8 и 30,6 млн. руб. (всего 81,1 млн.); в водный – 3,4; 5,9; 10,6; 11,4 и 15,8 млн. (43,7 млн.)¹¹. В течение пятилетки в целом по стране капитальные вложения в развитие транспорта превысили соответствующие абсолютные затраты 1918–1928 гг. (без четвертого квартала) в три раза, относительные размеры – в 1,6 раза. Если за 1918–1928 гг. в автомобильную отрасль было вложено 20% от всех вложений в транспортную сеть, то в 1929–1932 гг. до 40%.

Рост грузооборота в стране диктовал необходимость расширения автотранспорта. В связи с этим создавались новые предприятия, увеличивался импорт машин. К концу 1932 г. автомобильный парк СССР состоял из 75 тыс. автомобилей, т. е. увеличился за пятилетие в 4,3 раза. В январе 1932 г. был введен в эксплуатацию Горьковский автомобильный завод (первоначально он входил в титульный список строительства в Самаре). Уже 25 января выпущен первый грузовик марки ГАЗ-АА грузоподъемностью 1,5 т и мощностью 42 л.с. (макс-

симальная скорость 70 км/ч), а во второй половине 1932 г. началось производство легковых автомобилей ГАЗ-А с открытым кузовом и тем же двигателем, что и на грузовых¹².

В ноябре 1928 г. правительство приняло решение о реконструкции Московского завода АМО, производительность которого составляла 25 тыс. автомобилей грузоподъемностью 2,5 т. В 1930 г. были введены в строй два небольших сборочных завода: Нижегородский автосборочный №1 «Гудок октября», рассчитанный на ежегодный выпуск 6 тыс. грузовиков Форд-АА, и Московский №2 «КИМ» – 12 тыс. грузовых автомобилей Форд-АА и легковых Форд-А. Оба предприятия были снабжены современным оборудованием, сборка автомобилей и агрегатов производилась на конвейере¹³.

В целях обеспечения независимости отечественного автомобилестроения от западных стран было необходимо кроме строительства автомобильных заводов создать ряд отраслей, без которых невозможно автомобилестроение: заводы по производству электрооборудования, аккумуляторов осветительных приборов, синтетического каучука, по производству бензина и смазочных материалов и др. Такие смежные отрасли особенно развиты были в Поволжье. В 1927–28 г. продукция металлообрабатывающей промышленности СССР составляла 43% ко всем видам тяжелого производства, в 1931 г. – 76%, 1933 – 86%. В 1931 г. в Саратове был пущен завод «Трактородеталь», выпустивший за этот год запасных частей к тракторам и автомобилям на 1,9 млн. руб., в 1933 г. – 5,5 млн. В 1932 г. начал действовать Куйбышевский завод «Автотрактородеталь». Важным событием для Нижнего Поволжья стал ввод в эксплуатацию завода свинцовых аккумуляторов в 1929–30 г. Развивалось метизное производство. В 1932 г. в строй действующих предприятий по производству проволочных и болтозаклепочных изделий вступил метизный завод в Сталинграде. Начата реконструкция Саратовского завода им. Ленина по производству качественных метизов для авиационной и автомобильной промышленности¹⁴. В 1930 г. вводится в эксплуатацию Сталинградский тракторный завод, выпускающий гусеничные трактора. Среднегодовая численность рабочих на предприятии составляла 15992 чел., стоимость валовой продукции – 262,9 млн. руб. В 1931 г. завод произвел 18410 тракторов, в 1932 – 28772, увеличив мощность на 156,3%¹⁵. Увеличение материально-технической базы автомобильной промышленности, выпуск автомобилей Горьковским и другими заводами позволил повысить перевозочные работы: на железнодорожном транспорте в 1,7 раза, на речном – в 1,9, на автомобильном и нефтепроводном – в 4,5-5 раз.

Одной из острых проблем, решавшихся в годы первой пятилетки, было дорожное строительство. За 1926–1932 гг. сеть местных дорог увеличилась и составила 102 тыс. км. Однако дорог с каменным покрытием было еще мало: за пять лет их было проложено только 12,9 тыс. км¹⁶, остальные были грунтовыми. Строительство дорог велось как государственными строительными организациями, так и различными ведомствами, привлекалось и местное население. В 1934 г. в этих работах приняло участие свыше 16 млн. чел. Появились заводы, выпускающие моторные катки, грейдеры, снегоочистители и т. п. Затем стали выпускаться экскаваторы, грейдеры-элеваторы, тракторные колесные лопаты. В 1930 г. в системе НКТ был создан «Дормонтажтрест», началось строительство дорог с асфальтобетонным и цементобетонным покрытием¹⁷.

Дорожное строительство осуществлялось и в Поволжье. Положение с благоустройством здесь было еще хуже, чем в центральных районах страны. По данным коммунальной переписи 1932 г., в городах Нижнего Поволжья было замощено 4,8 млн. м² дорог, в т. ч. в Саратове – 1,4 млн., Сталинграде – 573 тыс. Край был слабо озеленен. План по озеленению территорий общего пользования составлял лишь 641,3 га, треть из которых приходилось на Сталинград. Намечалось установить 4847 световых точек, 1300 из них в Сталинграде¹⁸.

В целом дорожное строительство находилось в неудовлетворительном состоянии. Лучше оно было в областных центрах региона, хуже – в районах и сельской местности.

Таблица 1 показывает состояние материальной базы автомобильного транспорта и дорожного строительства в Средне-Волжском крае.

Таблица 1
Материальная база и дорожное строительство в Средне-Волжском крае¹⁹

<i>годы</i>	<i>1927-28</i>	<i>1929</i>	<i>1930</i>	<i>1931</i>	<i>1932</i>	<i>1933</i>
Число автобусов	30	36	36	29	27	42
Общая длина маршрута (км)	326	333,9	323,9	нет св-й	нет св-й	нет св-й
Мостов, тротуаров	24,7	25,7	25,9	45,7	45,7	42,1
Замощенная площадь (м ²)	3,48	3,52	3,97	3,7	3,61	3,95
Число свет. точек уличного освещения	759	905	1137	нет св-й	нет св-й	нет св-й

Данные таблицы свидетельствуют о крайне незначительном количестве автобусов, небольшой длине их маршрутов и площади замощенных дорог.

Лучшее положение складывалось на крупных заводах, где хозяйственные организации и профсоюзы добивались улучшения работы местного транспорта. Примером может служить СТЗ. Летом 1931 г. ЦК отраслевого союза автотранспортной промышленности принял решение об установлении особого контроля за предприятиями отрасли в отношении коммунального обслуживания рабочих и ИТР, и рекомендовал отправить на СТЗ 12 моторных трамвайных вагонов для рабочего персонала как СТЗ, так и расположенных рядом с ним заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь». Были выделены дополнительные автобусы. Коммунальный автобусный парк для перевозки пассажиров был сосредоточен в Сталинграде, а коммунальный автогужевого транспорт в Астрахани (12 машин из 13 выделенных)²⁰.

Таким образом, в конце 1920 – начале 1930-х гг. в Поволжье проводилась работа по налаживанию автомобильного транспорта. Автомобильный парк пополнялся грузовыми и легковыми машинами, автобусами. Улучшалось руководство автотранспортом и дорожным строительством, которое было передано в центральное управление местного транспорта (ЦУМТ) в составе НКПС. В ноябре 1928 г. ЦУМТ реорганизуется в центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта. В союзных республиках руководство автодорожным хозяйством возлагалось на главные управления шоссейных и грунтовых дорог и автотранспорта (Главдортранс)²¹.

Увеличение автомобильного парка способствовало росту перевозки грузов. В целом по стране она увеличилась с 20 млн. т (1928 г.) до 100 млн. (1932). Грузооборот автотранспорта за эти годы возрос с 0,2 млрд. т/км до 1,1 млрд. Расширялась и перевозка пассажиров. Первые 27-местные автобусы начали выпускаться с 1929 г. ярославским автозаводом на шасси грузового автомобиля Л-5. В этом же году московский автозавод приступил к выпуску 15-местных автобусов на шасси автомобиля АМО-Ф-15, а в 1931 г. стал выпускать 22-местные автобусы АМО-4²².

В Поволжье строились новые предприятия по выпуску деталей для автомобилей и тракторов. Создавалась электротехническая промышленность, представленная двумя аккумуляторными заводами, реконструировалось двигателестроение. В Средне-Волжском крае (г. Орск) сооружался нефтеперегонный завод, трамвайная мастерская и др. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, автомобильный транспорт оставался еще узким местом в развитии экономики региона. Поволжье плохо развивалось в транспортном отношении. Делались первые шаги по улучшению шоссейных дорог, расширению пассажирских перевозок. Крайне слабо было налажено сообщение между областными центрами и районами, населенными пунктами. Слабой была и техническая база дорожного строительства.

Примечания

1. Центр документации новейших исследований Ульяновской области (ЦДНИУО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 460. Л. 1-5.
2. СУ. 1928. № 54. Отд. 1. Ст. 407.
3. История индустриализации Среднего Поволжья. 1926–1941 гг. /Отв. ред. К.Я. Наякшин. Куйбышев, 1974. С. 71-72, 100-104; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 26. Д. 695. Л. 92, 95.
4. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 26. Д. 695(1). Л. 89-91; Краткий очерк хозяйственного и социально-культурного строительства Средне-Волжской области и перспективы развития на пятилетие (по материалам областной плановой комиссии). Самара, 1929. С. 8-10.
5. История индустриализации Среднего Поволжья. 1926–1941 гг. ... С. 71-101; Брыков А.П. Новая пятилетка Средней Волги. М.-Самара, 1930. С. 32.
6. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.Р-522. Д. 98. Л. 1, 3, 11; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 26. Д. 690(2). Л. 91.
7. Материалы к отчету Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) за период от первой до второй краевой партконференции (июнь 1930 г.). Саратов, 1930. С. 6-8.
8. РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 100а. Л. 2, 14, 15.
9. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 1505. Л. 34.
10. Первая Средне-Волжская областная конференция ВКП(б). Самара, 1928. С. 167, 189.
11. Статистический справочник Нижней Волги. 1929–1933 гг. Сталинград: Изд-во Нижне-Волжского крайплана, 1934. С. 102.
12. История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. Т. 3. 1926–1932. М.: Наука, 1977. С. 413, 423, 631.
13. Транспорт СССР. Итоги за 50 лет и перспективы развития. М.: Транспорт, 1967. С. 188.
14. Материалы к отчету Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) краевой партконференции Сталинградского и Саратовского краев. Сталинград: Партиздат, 1934. С. 68-69.
15. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 752. Л. 32, 33.
16. История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 423, 433.
17. Транспорт СССР. Итоги за 50 лет и перспективы развития. .... С. 197.
18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 1480. Л. 102-103.
19. Там же. Д. 1505. Л. 34.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 15. Д. 87. Л. 34.
21. История социалистической экономики СССР. Т. 3. С. 443.
22. Транспорт СССР. Итоги за 50 лет и перспективы развития. .... С. 194-195.

ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1933–1937)

© Т. Н. КУЗЬМИНА

Пензенский государственный университет,
доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории,
кандидат исторических наук
e-mail: tatyanakuzmina19@list.ru

© Н. А. ШАРОШКИН

Пензенский государственный университет,
профессор кафедры истории, права и методики правового обучения,
доктор исторических наук
e-mail: tatyanakuzmina19@list.ru

В директивах к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.), принятых XVII партконференцией (30 января – 4 февраля 1932 г.), в об-

ласти дорожного и шоссевого строительства и автомобилизации ставилась задача «обеспечить более быстрый темп развития, чем по другим видам транспорта»¹. Состоявшийся в январе – феврале 1934 г. XVII съезд ВКП(б) подчеркнул необходимость технической реконструкции транспорта и связи. В частности, предполагалось развернуть широкое строительство сети грунтовых и шоссевых дорог с ликвидацией в основном бездорожья и увеличением общей дорожной сети на 210 тыс. км, не считая значительного строительства, проводимого за счет местных ресурсов².

Острейшей проблемой в Поволжском регионе было состояние дорог. Недостаток дорог с асфальтовым покрытием, преобладание автогужевого транспорта настоятельно требовали усиления темпов дорожного строительства. Оно велось медленно из-за отсутствия денежных средств и недостаточной материально-технической базы. Расширение автодорожной сети осуществлялось в преобладающей степени в направлении увеличения грунтовых дорог. Общая протяженность построенных дорог по стране составляла 348,1 тыс. км, из них с твердым покрытием – 45,5 тыс.³. В конце пятилетки 70,5% автогужевых дорог приходилось на естественные грунтовые. Развитие же автомобильного транспорта требовало качественного состояния дорог.

В Средне-Волжском крае строительство дорог началось лишь с 1928 г. Это было в значительной степени связано с открытием, добычей и перевозкой нефти, а также быстрым развитием промышленного строительства, увеличением объема валовой промышленной и сельскохозяйственной продукции⁴. За период от второго до третьего съезда Советов Средне-Волжской области на строительство дорог и мостов было потрачено 112 млн. руб. Протяженность дорог с каменным покрытием составила 1500 км, мостов – 205 км⁵. Состояние дорог постепенно улучшалось. До 1917 г. в Пензе была замощена только пятая часть улиц, к началу второй пятилетки замощенная площадь возросла в 2,5 раза, а за вторую пятилетку замощено и заасфальтировано свыше 100 тыс. кв. м⁶. Однако проблема дорожного строительства продолжала быть острой. Даже областные центры Поволжья оставались неблагоустроенными.

В письме, направленном руководством Саратовского обкома ВКП(б) на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, говорилось: «Дороги центра города покрыты камнем и асфальтом, мостовыми, которые не ремонтировались капитально. Большинство улиц не имеет даже простых мостовых и тротуаров, площадь не замощена»⁷. Саратовский трест дорожного строительства провел работы по ремонту и устройству новых мостов и тротуаров. Реконструкции подверглась площадь им Кирова, ставшая одним из привлекательных мест Саратова. Было уложено более 3160 м² асфальтобетонного материала, 645 м² литого асфальта, проложено около 430 м² тротуаров. По Астраханской улице до второй Садовой площади на 2798 м² уложен асфальтобетон и 269 м² – брусчатка, проведены другие работы по благоустройству улиц. Улучшилось обеспечение города электроэнергией. Если в 1934 г. на одного жителя приходилось 9,7 кВт/ч электроэнергии, то в 1935 г. ее потребление возросло до 11,8, количество абонентов энергосети увеличилось с 1365 до 17035 чел. Усилилось освещение театров, магазинов, парка культуры и отдыха, скверов⁸.

Значительная работа по благоустройству дорог осуществлялась и Сталинградским крайисполкомом. Выступая 4 января 1935 г. с отчетом за четыре года, его председатель А.А. Озерянский отметил, что коммунальное хозяйство Сталинградского края за четыре года получило 43 млн. руб., Астрахани – 16,5 млн. Улицы городов покрывались булыжником: в Сталинграде было замощено 118 тыс. м², покрыто асфальтом – 90 тыс.; в Астрахани соответственно 20 и 55 тыс. м². Основные работы по благоустройству начались в конце 1931 г. В Сталинграде введен новый трамвайный маршрут. За отчетный период была отстроена столица Калмыцкой АССР – Элиста. В 1932 г. в развитие коммунального хозяйства было вложено на 79% больше средств, чем в 1931 г. Выступая на V-й Сталинградской городской партконференции, Богданов заявил, что получено 91 новых трамвайных вагонов, положено начало автомобильному движению. Во втором пятилетии на коммунальное

строительство (без энергетики и предприятий стройматериалов) по Сталинграду намечалось отпустить 162 млн. руб., в т. ч. на водоснабжение и канализацию 21,5 млн., трамвайное хозяйство – 26 млн., на дорожное и мостовое строительство – 52,6 млн. и на озеленение города – 10,6 млн. руб. Планировалось построить 1300 м² жилой площади, увеличив ее в два раза и доведя до 2293 тыс. м² (по 4,5 м² на человека вместо имеющихся 3,1 м²)⁹.

В целях улучшения состояния дорог органы власти поволжских областей и автономных республик уделяли внимание развитию асфальтобитумного производства. Разведанные запасы материалов, необходимых для такого производства, позволяли расширить действующие и создать новые предприятия. Территория Средне-Волжского края была богата залежами битумного известняка и гудронного песчаника (Сюкеевский, Бугурус-ланский районы, Татарская АССР). Во второй пятилетке вступил в строй Сугушлинский гудронный завод мощностью 5 тыс. т, возведение которого началось в 1932 г. (стоимость строительства 3836 тыс. руб.). В годы первой пятилетки началась реконструкция Шугуровского асфальтобитумного завода, на что выделялось 932 тыс. руб. Во втором пятилетии дополнительно вкладывалось 1068 тыс. руб. для доведения мощности до 3 тыс. т продукции в год¹⁰.

Месторождения битумного песчаника и асфальтового камня (Первомайское, Батракское, Бахиловское, Верхне-Орлинское и др.) располагались также в Куйбышевской области. Были реконструированы асфальтовые заводы, расположенные на территории Первомайска, Батраки (Ульяновский и Сызранский районы). Мощность последнего на начало 1938 г. составляла 4319 т, количество рабочих – 540. Завод на ст. Правая Волга обслуживался 355 рабочими, его мощность составила 2038 т.

Для удовлетворения нужд дорожного строительства, твердого покрытия дорог на особо важных направлениях намечалось создать клинкерный завод мощностью 12 млн. кирпичей с затратами на его возведение 1240 тыс. руб. Начало строительство намечалось на 1936 г., завершение – 1937 г.¹¹. В Сталинграде был сооружен асфальтобетонный завод, выпускавший асфальт и железобетонные трубы¹².

С ростом автомобильного транспорта менялась структура управления им. Прежняя система руководства перевозками через Союзтранс не была достаточно гибкой. Постановлениями СНК СССР от 2 декабря 1932 г. и 19 января 1933 г. система автотранспорта общего пользования была реорганизована. Для обслуживания перевозок местного значения при исполкомах образуются автогужевые тресты, а деятельность Союзтранса сосредотачивается на обслуживании крупных центров и транспортных узлов страны, курортных сообщениях и перевозках большой протяженности. Всего по СССР было создано 37 автогужевых трестов, в которые из системы Союзтранса было передано около 3 тыс. автомобилей, 16 тыс. лошадей, гаражи, склады, конюшни, мастерские и т. д. Оставшиеся в Союзтрансе крупные автотранспортные предприятия продолжили развиваться¹³.

В 1936 г. Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (ЦУдортранс) и Союзтранс были упразднены. ЦУдортранс с 1931 г. являлось самостоятельным всесоюзным управлением при СНК, действовало на правах союзного наркомата. Теперь единого органа, ведающего строительством автомобильных дорог, не стало. Предприятия Союзтранса перешли в ведение краевых и областных исполкомов и СНК союзных, автономных республик. Эта перестройка имела негативные последствия, т. к. привела к отсутствию единой технической политики в развитии и управлении автотранспортом при высоких темпах автомобилестроения¹⁴.

Из отчета Саратовского горсовета за 1935 г. видно, что в работе по улучшению транспорта активное участие принимали депутаты городского Совета. Так, в 1935 г. при горсовете действовало 16 секций, в т. ч. транспорта и связи. Секция высших и средне-специальных учебных заведений провела обследование строящегося автодорожного института. Авиатехникум оказал помощь железнодорожникам в организации кружков физи-

ческой культуры. Было создано 20 кружков, объединяющих железнодорожников. Автодорожный институт выделил своих служащих для проведения занятий по изучению мотора.

Положительную роль играли депутатские группы. В составе Саратовского горсовета их было 144. В соответствии с решениями XVII съезда ВКП(б) это число возросло до 214. Они объединяли 1307 депутатов и 1887 сельских активистов и решали вопросы, связанные с организацией выполнения промфинпланов, улучшением культурно-бытового обслуживания рабочих¹⁵. В выступлении председателя Нижне-Волжского крайисполкома 14 декабря 1933 г. отмечалось, что 23% состава таких групп работали на транспорте, 36% – в промышленности. Депутатские группы многих предприятий принимали активное участие в благоустройстве городов. В частности, депутатские группы отдельных цехов Сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь» провели работы по благоустройству рабочего поселка и заводской территории, группа транспортного цеха организовала ремонт городских трамвайных путей, замощение отдельных улиц города¹⁶.

Автомобильный транспорт осуществлял большую работу по перевозке пассажиров и грузов, что явилось результатом интенсивного автомобилестроения, расширения сферы применения автотранспорта и вытеснения гужевого. За 1932–1937 гг. автомобильные перевозки увеличились в 5,7 раза, железнодорожные – в 1,9. Это стало возможным благодаря росту автомобильного парка в 8,1 раза. Если в 1932 г. автомобили перевезли в 2,7 раза меньше грузов, чем железные дороги, то в 1937 г. объем отправления грузов автотранспортом превысил показания железнодорожного. Однако в связи с тем, что автомобили использовались для перевозок на короткие расстояния, они не смогли достичь значительного веса в грузообороте¹⁷.

Автобусное движение в Самаре было открыто в 1934 г. по маршруту Фабрика-кухня – Хлебная площадь – поселок Шмидта. Через три года Самара получила еще 10 автобусов. В городе существовало три транспортных треста: Горкомтранс, Союзсовхоз транс и Автогужтранс¹⁸.

В Саратове регулярное автобусное движение было введено в 1935 г. Оно осуществлялось по двум маршрутам: вокзал – пристань – Сенная площадь – Площадь революции. В 1935 и 1936 гг. было лишь девять автобусов, и только в 1937 г. запланировано приобрести еще 21. Количество перевезенных ими пассажиров составило соответственно 1301,7; 1638,9 и 2200 тыс. человек¹⁹. Сложное положение с пассажирским транспортом было в Пензе. Для самого минимального удовлетворения потребностей города было необходимо 12 автобусов (с 22 местами). Их намечалось приобрести в 1934 г.

В годы пятилетки во многих областных центрах началось трамвайное движение. В Сталинграде были построены новые линии: на Разгуляевку (6 км), часть линии соединяла Дар-гору с центром города (2,2 км), а вся длина трамвайных путей составила 122 км. В Татарской АССР трамвай являлся основным средством передвижения в городе. К началу второй пятилетки длина уличных трамвайных путей составила 55 км, число моторных пассажирских вагонов – 67, прицепных – 44. Возросла перевозка пассажиров. Например, в Куйбышеве пассажироперевозка трамваем увеличилась на 60%, удвоилось число автобусов, улучшилось благоустройство городов и районных центров²⁰.

Определенных успехов добилась и Саратовская область. В начале 1935 г. было семь трамваев, перевозивших пассажиров от центра города к окраинам. В конце 1935 г. в Саратове было 133 моторных вагона, 1936 г. – 153, в 1937 – 163; перевозка пассажиров составила 53,9; 69,5 и 75 млн. чел.; коэффициент использования пассажирского парка – 82,2; 87,3 и 88,3%. Производительность труда на трамвайном транспорте поднялась на 12,5%²¹. Перевозка пассажиров осуществлялась и речным транспортом. За период навигации было перевезено 115 тыс. человек²². Однако, несмотря на увеличение пассажирского транспорта, он не удовлетворял запросы населения. Капитальные вложения в его развитие даже уменьшились. В связи с этим секретарь Саратовского обкома ВКП(б) Вершков направил на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова письмо «О капитальных вло-

жениях в коммунальное и жилищное строительство на 1937 г.», в котором говорилось, что городское хозяйство Саратова отсталое, изношенное. За последние годы не было выделено значительных средств. Наркомхоз РСФСР наметил снижение расходов на коммунальное хозяйство города с 6880 (1936 г.) до 5710 тыс. руб. (1937 г.). Крайком партии просил удвоить выделение средств на 1937 г.²³.

Таким образом, в годы второй пятилетки многое делалось для развития автомобильного транспорта. Пятилетка положила начало дорожному строительству. Создавались новые и реконструировались действующие дороги, благоустраивались города и районные центры. Но достижения в этой области были незначительными. Большинство дорог все еще не имели асфальтового покрытия. Увеличилось количество грузовых и легковых машин, в большинстве городов Поволжья началось автобусное и трамвайное движение. Однако автобусный парк отставал от потребностей населения, на городских маршрутах курсировало слишком мало автобусов и трамваев.

Примечания

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М.: Политиздат, 1984. С. 394-395.
2. КПСС в резолюциях... Т. 6. М., 1985. С. 113-114.
3. История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. Т. 4. Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. М.: Наука, 1978. С. 401-402.
4. Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. Куйбышев, 1977. С. 289-290.
5. Полбицын Г. Т. От второго к третьему съезду Советов Средней Волги. Отчет крайисполкома третьему краевому съезду Советов Средней Волги. М.-Самара, 1935. С. 64.
6. ГАПО. Ф.Р-2377. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
7. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 544. Л. 73.
8. ГАСО. Ф.Р-461. Оп. 2. Д. 404. Л. 37-38.
9. Поволжская Правда. Орган Сталинградского крайкома ВКП(б), крайисполкома. 4 января. 1935; 11 января. 1934.
10. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 1933. Л. 4-7, 26.
11. Там же. Оп. 37. Д. 579. Л. 10; Д. 1932. Л. 41(об); Д. 2250. Л. 1.
12. Там же. Оп. 35. Д. 168 в. Л. 1, 43; Д. 168 е. Л. 134.
13. Транспорт СССР. Итоги за 50 лет и перспективы развития /Под ред. И.В. Белова. М: Транспорт, 1987. С. 191.
14. История социалистической экономики СССР ..... Т. 4. С. 407.
15. ГАСО. Ф.Р-461. Оп. 2. Д. 404. Л. 8-12, 21-23.
16. Поволжская Правда. 17 декабря. 1933; 17 июня. 1933.
17. История социалистической экономики СССР..... Т. 4. С. 413, 416.
18. Куйбышевская область. Историко-экономический очерк.... С. 288.
19. ГАСО. Ф.Р-461. Оп. 2. Д. 404. Л. 39-41.
20. ГАРФ. Ф.А-262. Оп. 1. Д. 556. Л. 2; Д. 510. Л. 167.
21. План хозяйственного и социально-культурного строительства Саратовской области на 1937 г. Материалы к VII Пленуму облисполкома. Саратов, 1937. С. 8.
22. ГАСО. Ф.Р-461. Оп. 2. Д. 404. Л. 39-41.
23. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 544. Л. 73.

ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, МЕСТНЫЙ ТРАНСПОРТ И БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДОВ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД. 1938 – ИЮНЬ 1941 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ)

© Т. Н. КУЗЬМИНА

Пензенский государственный университет,
доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории,
кандидат исторических наук
e-mail: tatyanakuzmina19@list.ru

© Н. А. ШАРОШКИН

Пензенский государственный университет,
профессор кафедры истории, права и методики правового обучения,
доктор исторических наук
e-mail: tatyanakuzmina19@list.ru

Состояние дорог в нашей стране всегда было и остается острой проблемой. Бездорожье создавало определенные трудности в развитии автомобильного транспорта СССР. О низком удельном весе благоустроенных дорог свидетельствует таблица 1.

Таблица 1

Протяженность дорог СССР (тыс. км)¹

<i>Покрытие</i>	<i>1928</i>	<i>1932</i>	<i>1937</i>	<i>1940</i>
Твердое усовершенствованное	–	1,06	3,2	7,1
Каменное без обработки вяжущими средствами	32	52,2	80,7	136,3
Грунтовое улучшенное	9	116,2	503,5	454,8
Грунтовое естественное	1411,1	1348,7	1114,6	933
Всего	1452,1	1518,9	1502	1531,2

XVIII съезд ВКП(б) обратил особое внимание на строительство и реконструкцию дорог. Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1938–1942 гг.) предусматривал построить и реконструировать 210 тыс. км, увеличить по сравнению со второй пятилеткой удельный вес строительства усовершенствованных гудронированных, асфальтовых и бетонных дорог. Одновременно обращалось внимание на поддержание существующих дорог, их своевременный текущий ремонт².

Крупные дорожно-строительные работы были намечены в Куйбышевской области, предусматривалось создание нормальных условий для растущего автомобильного транспорта и в связи с этим увеличение объема строительства усовершенствованных битумных и гравийных дорог до 1815 км (рост по сравнению с 1937 г. в 8,8 раз), шоссежных – до 208 км (в 3 раза), битумированных грунтовых – до 80 км. Намечалось достроить тракт Куйбышев – Большая Глушица, протяженностью 80 км с битумным покрытием, и Куйбышев – Сызрань (120 км), имевших государственное значение. Общий объем капитальных вложений в дорожное строительство на третью пятилетку составил 37,2 млн. руб. против 9,8 млн. во второй пятилетке (рост в 3,8 раза)³.

Аналогичное положение в дорожном строительстве было и в Сталинградской области. Ряд искусственных сооружений (мосты, дамбы) требовали замены. Потребность в дорожных работах, асфальтировании была очень велика. На 1941 г. намечался лишь один объект – завершение асфальтобетонного покрытия дороги, связывающей центр Сталинграда с Красноармейском. Весь тракт от СТЗ до Красноармейска был замощен местным булыжником, не отвечающим требованиям, предъявляемым к мостовым на загруженных линиях. Большая часть тракта (24 км) имела асфальтобетонное покрытие, каменная осно-

ва остальной части из года в год разрушалась и находилась в опасном состоянии. На асфальтирование дороги требовалось 2800 тыс. руб. и 450 тыс. – на частичное перемещение булыжного основания. В 1941 г. планировались также работы по укреплению центральной набережной стоимостью 412 тыс. руб. и проведение гидротехнических работ в русле р. Царицы (30 тыс. руб.).

Позиции автомобильного транспорта в стране укреплялись. Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием в конце 1940 г. составила 143,4 тыс. км. Были созданы важнейшие автодороги: «Восточное кольцо» в Казахстане, большой узбекский тракт, Москва–Минск и др.⁴. В Поволжье дорожное строительство отставало. Из 21,5 тыс. км автодорог Саратовского края, например, перед войной только 260 км имели твердое покрытие. На дорожное строительство в области планировалось направить 8528,1 тыс. руб., в т.ч. 1112,7 тыс. – на ремонт мостов, 80,1 тыс. – на приобретение грузовых автомобилей⁵.

Поволжье располагало необходимыми сырьевыми ресурсами для дорожного строительства. Значительное развитие в регионе получило асфальтобитумное производство. Куйбышевская область имела ряд месторождений битумного песчаника и асфальтового камня. Они располагались в Первомайском, Батракском, Бахилловском, Верхне-Орлинском и других районах. В 1939 г. началась реконструкция Первомайского и Батракского асфальтовых заводов. Последний в 1939 г. должен был произвести 105 тыс. т продукции, к концу пятилетки его производительность увеличивалась до 120 тыс. т. Асфальтобитумный завод выпускал мастику, асфальтовый бетон, битумный порошок (полуфабрикат, применявшийся при выработке основной продукции). Предприятие имело дробильный цех с двумя ленточными транспортерами. Второй цех был оборудован тремя котлами для варки мастики. Основным материалом был асфальтовый порошок, приготовленный из печорского битумного камня, содержащий от 1 до 6% битума. В целом куйбышевские асфальтовые заводы к 1942 г. должны были выработать 300 тыс. т продукции⁶.

Развивалось асфальтобитумное производство и в Татарской АССР, где планировалось построить несколько предприятий, в т. ч. гудронный в районе Бугульмы, асфальтобитумный в Сюкеево, Сунгушлях Шугуровского района. Разведанные запасы пород, необходимых для производства асфальта, здесь составляли 3 млн. т. Учитывая, что в республике уже было освоено такое производство и созданы кадры рабочих, использование местного сырья являлось своевременным мероприятием⁷.

Расширялось автобусное движение. Число автобусов в стране увеличилось с 1,1 тыс. в 1928 г. до 15,2 тыс. в 1940 г. В 1940 г. ими было перевезено 590 млн. чел. Парк легковых автомобилей превысил 100 тыс. С 1933 г. после организации производства отечественных легковых машин получило распространение такси⁸. С ростом автомобильного парка увеличился пассажирооборот. В 1940 г. на внутригородских и пригородных автобусных маршрутах он составил 0,4 млрд. чел. или 1,8 пассажирокилометров. Средняя дальность поездки одного пассажира – 4,5 км. Однако в общем количестве перевезенных пассажиров доля автотранспорта была еще незначительной – 2,2%, в то время как по железным дорогам было перевезено 68,7% всех пассажиров⁹. В целом городской транспорт не отвечал запросам населения. Не получило необходимого развития автобусное сообщение между городами. В Куйбышеве, Сталинграде и Саратове междугородние линии обслуживало всего 40 автобусов, в Ульяновске – 8, Сызрани – 6¹⁰.

В предвоенный период уделялось внимание благоустройству городов, промышленных центров, развитию коммунального хозяйства. В 50 городах страны строились водопроводы, канализация – в 45, трамвайные линии – в 8 городах, количество новых трамвайных вагонов возросло на 2900 единиц, автобусов на городских и междугородних маршрутах – на 27 тыс. Остройшей проблемой оставалось улучшение дорог в самих городах, прокладка тротуаров¹¹.

На коммунальное хозяйство городов Сталинградской области в 1941 г. выделялось 7877,5 тыс. руб. против 3965,8 тыс., запланированных в 1940 г. В основном эти средства

направлялись в дорожно-мостовое хозяйство – 4074 тыс. руб. и на съемку и планировку Сталинграда и Астрахани – 1804,2 тыс. Среди новых объектов намечалась трамвайная подстанция, необходимая для линии южнее р. Царица. В Сталинграде наблюдалась перегрузка трамвайного транспорта в выходные дни и в часы смен на крупных предприятиях, вызванная недостатком подвижного состава. В этих случаях для перевозки пассажиров выделялись грузовые трамваи с прицепами. В конце 1940 г. на 1 км пути приходилось 0,87 вагонов. В связи с этим в 1941 г. планировалось приобрести 5 моторных и 10 прицепных вагонов. Кроме этого за счет промышленных предприятий намечалось продлить трамвайные линии на юг с вложением в 1941 г. 9 млн. руб. и в 1942 г. – 7 млн. В Астрахани в 1941 г. предполагались работы по перешивки узкоколейного пути на широкую колею. Общая протяженность реконструируемых линий составляла 15,2 км¹².

Работа саратовского трамвая в предвоенный период характеризовалась следующими данными: в 1937 г. было 91 моторных трамвайных вагонов, в 1938 г. планировалось запустить еще два, количество перевезенных трамваем пассажиров намечалось увеличить с 80,5 до 87,5 тыс. (108,7%), автобусом – с 1775,9 до 3314,5 тыс. (186,6%), а число автомобилей – с 9 до 34 (337,7%)¹³. Из отчета об основных итогах выполнения народнохозяйственного плана за 1940 г. видно, что число трамвайных вагонов в последние годы предвоенной пятилетки росло: в 1932 г. их было 162, в 1940 – 167, а их пробег снижался с 11862 тыс. км в 1938 г. до 11571 тыс. в 1939 г. и 10588 тыс. в 1940 г. Уменьшалась и пассажироперевозка: в 1938 г. она составила 91,4 млн. чел. или 113,8% к 1937 г., в 1939 г. – 99 млн. (108,7%) и в 1940 г. – 100,2 млн. (101,2%), хотя общее количество пассажиров росло. В 1936 г. на один вагонокиллометр приходилось 6,43 пассажиров, в 1937 г. – 6,5, 1938 – 7,7, 1939 – 8,5 и в 1940 г. – 9,48. Таким образом, качество работы саратовского трамвая ухудшилось, несмотря на рост числа вагонов. План по пробегу в 1940 г. был выполнен на 84,1%, план перевозок – на 98,2%.

Снижение качественных показателей было следствием проведения ремонтных работ и недостаточного материального снабжения. Изношенность вагонов доходила до 37%, путей – до 50. Нехватка рельс, шпал, запасных частей приводила к тому, что ремонт обходился дорого, был некачественным и долгим. В 1939 г. на ремонте и в его ожидании было потеряно 6764 вагонодней, в 1940 г. – 7961. Еще одной причиной невыполнения плана была неукомплектованность рабочими кадрами из-за низкой зарплаты (80-90 руб. в месяц). В первом квартале 1940 г. в отдельные дни не выходило на линии до 30% подвижного состава. Вполне исправные вагоны простаивали из-за отсутствия бригад. Наибольшая текучесть была среди вагоновожатых и кондукторов. Вопрос о повышении заработной платы был решен 26 июня 1940 г. На работе трамвая отрицательно сказывалась также высокая аварийность. Из-за изношенности основных сооружений и низкой квалификации вагоновожатых в 1940 г. отмечено 1982 случая схода вагонов, что на 60% больше, чем в 1939 г., 680 аварий по электрохозяйству, в т. ч. 360 обрывов проводов, т. е. практически каждый день происходило три схода вагонов с рельс и один обрыв проводов¹⁴. Намеченная к вводу в эксплуатацию в 1940 г. саратовская трамвайная подстанция не была пущена¹⁵.

Аналогичное положение было в Куйбышевской области. В 1938 г. план пробега вагонов был выполнен только на 77,2% (7138 тыс. км вместо запланированных 9500); перевозки пассажиров – на 97,2% (перевезено 80221 чел. вместо 82500), что объяснялось недостаточным количеством вагоновожатых (в первом квартале 1940 г. их было 130 чел. при плане 214). Ухудшались эксплуатационные показатели, росла текучесть работников и т. д.¹⁶.

Проводилась значительная работа по благоустройству города, на что было затрачено 2365 тыс. руб. или 93,8% от запланированных показателей. В Куйбышеве отремонтировали 2882 м² дорог с усовершенствованным покрытием, 9 тыс. м² мостовых, вновь замощено 7577 и заасфальтировано 17626 м². В Куйбышевской области намечалось развитие трам-

вайного парка, реконструкция существующих и прокладка новых трамвайных путей, связывающих с железнодорожными и водными вокзалами, строительство пути до Безымянки и соединение его с линией первого маршрута. Из крупных объектов коммунального строительства можно выделить расширение куйбышевского водопровода, а также создание водопровода в Сызрани, Чапаевске, реконструкция в Ульяновске. В связи с этим капитальные вложения в коммунальное хозяйство за 1937–1942 гг. увеличивались с 27 до 100 млн. руб. Возрастали вложения и в жилищное строительство с 65,4 до 279,9 млн. руб., что позволяло ввести в эксплуатацию 826,7 тыс. м² новой жилой площади¹⁷. В Ульяновске выделенные на благоустройство площади им. Ленина 100 тыс. руб. не были освоены, а работа по ремонту парома-парохода реализованы только на 40%. В Сызрани вновь замощено 398,5 м² улиц, отремонтировано 10 тыс., проведено укрепление левого берега Волги. В Чапаевске благоустройство проводилось за счет местного бюджета (250 тыс. руб.)¹⁸.

XVII Ульяновская городская партконференция (февраль 1939 г.) одобрила тезисы ЦК ВКП(б) по третьему пятилетнему плану. Было отмечено отставание жилищного строительства, благоустройства города (замощено только 17,7% улиц, изношенность тротуаров до 90%), плохое состояние транспорта. В целях преодоления данного отставания партконференция предложила включить Ульяновск в число городов, подлежащих реконструкции, и в число восьми городов с трамвайным движением, образовать Ульяновскую область и превратить город в образцовый культурный центр, осуществить реконструкцию участка железной дороги Ульяновск–Чишма и узла Ульяновск–Киндяковка, обеспечить развитие данной станции, перенести туда депо и т. д.¹⁹.

Конкретная программа по благоустройству городов была намечена третьей пятилеткой в Татарской АССР. В эти годы строился новый трамвайный парк на 250 вагонов, две выпрямительные подстанции, новые линии, соединяющие третий и четвертый маршруты, продлялись 2 и 3 маршруты. В результате протяженность путей возросла с 26 до 60 км, а перевозка пассажиров – с 60 до 120 млн. чел. Намечалось проложить троллейбусную линию и довести объем перевозок до 3 млн. чел.²⁰.

Определенная работа проводилась в городах вновь созданной Пензенской области. В выступлениях депутатов на 10-й внеочередной сессии Пензенского городского Совета (30 мая – 3 июня 1941 г.) говорилось, что силами общественности проложено 20 км тротуаров, в северном районе обустроено 800 м² тротуара. Однако на ряде улиц тротуары отсутствовали. Депутат Ленинского района заявил, что на ул. Плеханова «когда идешь со второй смены, можно сломать ноги». В принятом решении говорилось о росте средств, вкладываемых в ремонт дорог и благоустройство города, и в то же время все еще недостаточной работе городских и районных Советов по наведению порядка в жилищно-коммунальном хозяйстве. В 1939 г. было налажено автомобильное сообщение по двум направлениям: Пенза–Мокшан и Пенза–Телегино, в 1940 г. организовано движение до Городища, Кондоля и Лопатина²¹.

Итак, острой проблемой для автотранспорта являлось бездорожье. В предвоенный период, несмотря на неблагоприятные условия, поволжский регион добился определенных успехов в развитии автомобильного транспорта, дорожного строительства. Усилия местных органов власти были направлены на постройку дорог Куйбышев–Большая Глушица и Куйбышев–Сызрань. В Сталинградской области завершилось асфальтирование дороги Сталинград–Красноармейск. Промышленность Среднего и Нижнего Поволжья производила экскаваторы, подъемные машины, асфальт и другие материалы, необходимые для дорожного строительства. Многие делалось по улучшению благоустройства областных и районных центров: асфальтировались дороги, создавались тротуары, осуществлялось озеленение, освещение улиц и т. д. В городах расширялось автобусное движение. Началось пассажирское сообщение с ближайшими районными центрами. Прокладывались новые трамвайные линии в Сталинграде, Куйбышеве и других городах.

К сожалению не все запланированные объекты были выполнены. Дорожное строительство все еще оставалось самой отсталой отраслью. Не отвечал запросам населения и городской транспорт. Количество автобусов в крупных городах было крайне незначительным.

Примечания

1. Транспорт СССР. Итоги за 50 лет и перспективы развития. М.: Транспорт, 1967. С. 198.
2. КПСС в резолюциях... Т. 7. М., 1985. С. 57, 65-68.
3. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 478. Л. 11-12; Березин Н. Куйбышевская область в третьей пятилетке //Коммунист: Орган Куйбышевского обкома ВКП(б) и облисполкома. № 3. 1939. С. 39-40.
4. История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. Т. 5. М.: Наука, 1978. С. 77.
5. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 752. Л. 34-36; Оп. 41. Д. 729. Л. 8, 13.
6. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 575. Л. 26-32; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 654. Л. 1, 7, 23; ГАСО. Ф. 2521. Оп. 7. Д. 47. Л. 1.
7. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 427. Л. 37-38.
8. Транспорт СССР. Итоги за 50 лет и перспективы развития..... С. 195.
9. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1977. С. 186, 188-189.
10. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Саратов: СГУ, 1976. С. 47.
11. КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 74.
12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 732. Л. 249-251.
13. Там же. Оп. 36. Д. 541. Л. 18.
14. Там же. Оп. 38. Д. 752. Л. 33-34; Данилов В. Н. Саратовская область накануне Великой Отечественной войны //Очерки Саратовского Поволжья. 1917–1941 гг. Саратов: СГУ, 2001. С. 463.
15. План хозяйственного и социально-культурного строительства Саратовской области на 1941 г. Саратов, 1941. С. 17.
16. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 526. Л. 17-19.
17. Березин Н. Куйбышевская область в третьей пятилетке //Коммунист. № 3. 1939. С. 41.
18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 741. Л. 47-49.
19. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Ч. 2. Приволж. кн. изд-во, Ульяновское отд., 1972. С. 156-157.
20. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 745. Л. 15, 20, 98.
21. ГАПО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 81. Л. 1, 2, 6; Ф. 2377. Оп. 1. Д. 16. Л. 7.

ВОВЛЕЧЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

© Е. Ю. СЕМЕНОВА

Самарский государственный технический университет,
доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества,
кандидат исторических наук,
e-mail: dashka129k@yandex.ru

В годы Первой мировой войны на территории городов Поволжья работали общества, деятельность которых была ориентирована на предоставление их участникам и всем горожанам возможности разностороннего просвещения: образовательно-просветительские; культурно-просветительские; просветительские общества, действующие по принципу клубной организации; научно-исследовательские. Большинство из них создавались на основе частной инициативы и не являлись государственными учреждениями. Социальный состав культурно-просветительских и научных обществ был представлен людьми из разных социальных групп, занимающихся различными видами деятельности, но ведущую роль в них играли представители интеллигенции и служащие.

Например, в самарском археологическом обществе они составляли 69% коллектива, в самарском физико-математическом кружке и Дубовском отделении Саратовского общества народных университетов (ОНУ) – по 90%, в саратовском филиале Первого литературно-драматического и музыкального общества имени А.Н. Островского – 76%¹. Согласно уставам просветительских обществ их деятельность была ориентирована как на узкоплановую работу в рамках коллектива самого общества (условно можно назвать такие общества «закрытыми»), так и на широкий круг людей, не входящих в состав общества, за счет организационных усилий его участников (условно можно назвать подобные объединения «открытыми»)².

В годы военного лихолетья работникам просветительских обществ пришлось осуществлять деятельность при явном недостатке ресурсов. Важнейшими из ресурсных проблем стали ограниченность финансовых средств, сокращение помещений из-за изъятия их под размещение воинских формирований, потеря части кадров в связи с мобилизациями. Так, в отчете о работе Астраханского ОНУ в сезон 1914–1915 гг. отмечалось, что «неблагоприятные условия, вызванные войной, выразились в том, что Общество лишено было в течение всего отчетного года возможности пользоваться Городской Народной Аудиторией и рядом других» по причине размещения в них воинских частей, а количество сотрудников сократилось, поскольку «многие члены общества были мобилизованы»³. Из-за этого бездействовали комиссии: естественно-научная, историко-литературная и разумных развлечений⁴. В отчете о сезоне работы 1914–1915 гг. Астраханского отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО) отмечалось, что из-за мобилизаций работников музыкального училища не было возможности устроить традиционные симфонические собрания и оперные спектакли, и поэтому прошли только камерные собрания. По сравнению с предвоенным периодом сократилось количество приглашенных артистов⁵. Было вынуждено свернуть работу музея из-за ограничения помещения Ростовское отделение Ярославского естественно-исторического общества (РО ЯЕИО). В сезон 1914–1915 гг. в рамках культурно-просветительской деятельности при нем не было организовано лекций, которые в предыдущий сезон проводились⁶. Когда деятели общества по предложению одного из членов, Н.Н. Розова, решили устроить «День Народного Дома» для сбора средств на постройку культурного центра со сценой, зрительным залом на 1000 человек, читальней, библиотекой, чайной, столовой, башней для обсерватории, помещениями для музея и приюта-яслей для детей воинов, то оказалось, что «потоки беженцев, докатившиеся до Рыбинска... и общий лозунг «все для войны» в связи с вопросом об организации снабжения армии – сделали сбор в пользу Народного Дома несвоевременным» и «Рыбинское Отделение отказалось от своей мысли до более благоприятного времени»⁷. В отчете о работе в 1916 г. сотрудники Симбирской губернской ученой архивной комиссии (ГУАК) отмечали, что «современные условия жизни не позволяли членам комиссии отдаваться тихому ученому историческому труду и производить какие-либо исторические изыскания» и даже «самое главное дело последних лет – постройка Гончаровского дома» приостановилось, «это здание уступлено под военный лазарет»⁸. А «вялая» работа Саратовской ГУАК объяснялась отсутствием «у комиссий вообще, а Саратовской особенно, необходимых материальных средств... денег... просторного помещения»⁹.

Анализ деятельности обществ просветительской направленности в условиях военного времени позволяет выявить особенности вовлечения горожан Поволжья в работу данных объединений, их мотивацию, участие в развитии культурного пространства города.

Разноплановую просветительскую деятельность, в том числе с образовательным уклоном, в годы войны осуществляли сотрудники обществ народных университетов. Ее составляющей были лекции и чтения, рассчитанные на самую широкую аудиторию, в том числе лечащихся в госпиталях и лазаретах фронтовиков. Так, деятелями секции рай-

онных лекций Самарского ОНУ только за сентябрь 1914 г. – октябрь 1915 г. было прочитано 17 лекций, которые прослушали 11979 чел., и 40 лекций для лечащихся в лазаретах военнослужащих. Работниками секции научных наглядных пособий осуществлялась демонстрация кинофильмов и слайдов. За период с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1915 г. 98% показов были устроены для раненых. Работники музыкальной секции предоставляли горожанам возможность музыкального образования. В частности, в сентябре 1914 г. музыкальные курсы при Обществе посещали 46 слушателей, в сентябре 1915 г. – 158; а в апреле 1915 г. в городе удалось открыть Народную консерваторию¹⁰.

Сотрудники Казанского ОНУ в ноябре 1916 г. провели 13 просветительских лекций и чтений, в декабре 1916 г. – 24¹¹.

Членами Саратовского ОНУ (зарегистрировано 19 декабря 1915 г.) в августе 1916 г. – феврале 1917 г. были открыты отделения в городах Камышине, Аткарске и Балашове, посаде Дубовке. В ноябре 1916 г. в г. Саратове читались научно-популярные лекции в доступное для слушателей время с 20 до 22 часов по русской литературе, геометрии, истории, о посещении которых в местной прессе сообщалось, что «слушателей было так много, что не хватило билетов»¹². В январе 1917 г. при Обществе были открыты курсы по внешкольному образованию. Курсы для взрослых при Балашовском отделении Саратовского ОНУ в период августа 1916 г. – февраля 1917 г. посетили 305 чел.¹³. Интерес к работе Общества был так велик, что с февраля 1917 г. оно получило право на аренду для чтения лекций зала Народного театра, а в марте – Физического института, вмещавшего до 500 чел.¹⁴.

Общедоступные лекции и чтения по психологии, о хозяйственном быте, природе и другие устраивались в г. Саратове сотрудниками общества «Саратовский Маяк» (хотя его деятельность местные партийцы и пытались использовать для политической пропаганды)¹⁵.

Работники Астраханского ОНУ в годы войны обращались за содействием в проведении лекций к московским и петроградским лекторам Д.С. Шору, П.С. Когану, московскому лекционному комитету «Война и культура» и, несмотря на отказ многих, сумели организовать просветительские программы. Так, на лекциях, проходивших в г. Астрахани 23, 26-29 марта 1915 г. побывали 3244 чел. при минимальном посещении лекции в 170 чел., максимальном – в 726 чел.¹⁶. На общедоступной лекции 29 марта, билет на которую стоил 10-20 коп., присутствовали 528 слушателей, а в местной газете сообщалось: «На последнюю лекцию о Чайковском наплыв публики был настолько велик, что многим пришлось отказаться из-за того, что Большой Думский зал был уже совершенно переполнен»¹⁷. Кроме лекций, организуемых при обществе, в сезон 1914–1915 гг. деятелями общества (работниками технической комиссии) были проведены 45 лекций на технических курсах, где читались арифметика, алгебра, геометрия, черчение, физика. Курсы посетили 723 горожанина, в основном рабочие местных заводов. Причем средняя посещаемость курсов превысила статистику довоенного сезона 1913–1914 гг. (16 чел. вместо 11,6)¹⁸.

Приведенные примеры являются показателем активности сотрудников ОНУ, пытавшихся в условиях войны не только поддержать работу обществ по формированию культурно-развлекательного досуга, образовательного пространства, но и охватить ею группы городского населения, появившиеся в условиях войны.

Одной из категорий горожан, нуждающихся в особой заботе, развитии специальной досуговой инфраструктуры, являлись дети. Деятели просветительских обществ приняли посильное участие в организации познавательного и разумного досуга для детей. В ряде городов для этого создавались детские сады, площадки, клубы. Так, в г. Нижнем Новгороде в годы войны работало Общество по устройству летних санаторий для учащихся средних учебных заведений города. Его сотрудники в период 2-х летних месяцев устраивали «санатории», в которых обеспечивались «отдых, хорошее питание и приют детям слабым здоровьем малоимущих родителей, детям воинов, сражающихся на полях битвы... сложивших свою голову, беженцев». Только летом 1916 г. в санаториях отдыхали

113 детей. Финансовой базой были средства, поступающие от организации благотворительных киносеансов¹⁹.

В г. Казани члены семейно-педагогического кружка в июне 1916 г. организовали две детские площадки для игр – на Черном озере и Швейцарскую, финансируемые Городской думой. Первой площадкой руководили слушательницы московских педагогических курсов П.Г. Сыроватко и С.Ф. Борисова, второй – Е.Н. Фриде и М.П. Поройкова. Площадки работали до 1 августа. На Черном озере игровые занятия проходили ежедневно, кроме субботы, с 15 до 19 часов, на Швейцарской площадке – с 16 до 20 часов. Первую площадку посещали по 200–300 детей и подростков в теплые дни и по 100–200 чел. – в дождливые; только 2 дня на площадке было менее 80 чел. Детей делили на 4 возрастные группы, включавшие представителей разных народов (русских, евреев, татар, поляков). Большинство из них были из семей нижних служащих, фронтовиков и ремесленников, но приходили и дети чиновников, купцов, приказчиков, духовенства, а также сироты. Швейцарскую площадку ежедневно посещали около 90 детей, а всего записались 213, в основном из семей рабочих, ремесленников и интеллигенции. На Черном озере устраивали игры с мячом, скакалкой, в крокет, в песочницах, в июне состоялась прогулка в лес. На Швейцарской площадке организовали занятия гимнастики, русского танца, в июле прогулку 76 детей в Троицкий лес со сбором грибов и ягод, чаепитием, 21 июля детей обеих площадок водили на прогулку в Уклон, где устроили игры и чаепитие, а 29 июля они участвовали в совместном празднике, подготовили сценку из «Недоросля», пели и декламировали стихи, разгадывали шарады, играли. Площадки пользовались успехом, несмотря на отсутствие на них крытых помещений. Посещавшие их дети, по отзывам руководителей, стали более гуманными и дисциплинированными²⁰. При кружке также работали музей «световых картин», с осени 1916 г. – библиотека. В Суконной слободе кружковцы открыли школу для бедных, которую к началу 1917 г. посещали 55 детей, обеспеченных бесплатными учебниками, обедом. Им преподавались общеобразовательные предметы, рукоделие, пение, переплетное мастерство, после уроков велись литературные чтения. На рождество был устроен праздничный вечер с угощениями, ребята подготовили комедию «Трубочист», пели, танцевали, получили подарки²¹.

В г. Самаре удалить от улицы предоставленных самим себе детей, увлечь их познавательной, развивающей деятельностью пытались сотрудники секции летних детских садов Самарского ОНУ, для чего в мае-августе организовывались бесплатные летние детские сады-площадки, работавшие в будни с 9 до 12 часов и с 16 до 19 часов, в праздники – с 16 до 19 часов. Воспитателями были люди с педагогическим образованием. Они работали с разновозрастными группами по 30–40 детей. На площадках дети читали, играли, лепили, рисовали, пели, занимались огородничеством, садоводством, рукоделием, столярным ремеслом, участвовали в семейных спектаклях и литературных утренниках, прогулках за Волгу, экскурсиях в городской музей, на предприятия. Для дневной экскурсии предоставлялось питание. Аудитория детских площадок менялась. В начале войны количество детей, бывающих в летних садах, сократилось, но в целом за лето 1914 г. показатель посещаемости был выше, чем в 1913 г. В 1913–1914 гг. на детские площадки приходили в основном дети рабочих, мастеровых, ремесленников. В 1915 г. около 1/3 из них являлись детьми фронтовиков, в 1916 г. 1/4 – беженцев. В 1915–1916 гг. при участии Общества были открыты городские детские сады. В 1914 г. в городе работали 3 детских площадки, в 1915 – 5, в 1916 г. – 9²².

Аналогичной работой в г. Саратове занималась Городская комиссия по дошкольному воспитанию. Летом 1915 г. ее работники открыли 4 площадки (в Пушкинском саду, Вакуровском парке, при 5-м училище, у Радищевского музея). Предполагалось ввести 10 площадок, «чтобы создать наиболее подходящую для детей атмосферу, в которой они могли бы проявлять и развивать свою духовную силу, находить радость и веселье, а главное растить свои творческие способности»²³. В ноябре 1916 г. комиссия приняла решение открыть 5 дет-

ских садов, при них вечерние клубы, предоставляющие детям возможность два раза в неделю с 11 до 13 часов и с 17 до 19 часов заниматься чтением, рисованием, лепкой, пением, играми, смотреть диафильмы. 3 клуба были открыты при школах города в ноябре 1916 г. Программа включала ручной труд, беседы, питание, подвижные игры. Занятия проводились 2-3 раза в неделю в 17-19 часов, по воскресеньям – в 11-13 час. Руководили занятиями учительницы А.Г. Игнатова, В.С. Новинская и М.А. Никитина, а в феврале 1917 г. в клубах работали уже 7 человек. Заведующая 1-м Саратовским городским детским клубом А. Игнатова отмечала: «Дети очень охотно приходят в клуб..., занимаются здесь ручным трудом, играми с пением, с большим интересом относятся к чтению с волшебным фонарем, часто сами рассказывают что-либо раньше ими прочитанное»²⁴. Руководители клубов просили городскую училищную комиссию помочь устроить библиотеку-читальню, разрешить детям пользоваться городской библиотекой, книгами из архивов школ²⁵.

Забота об организации детского досуга в городах Поволжья в годы Первой мировой войны позволила частично разрешить проблему беспризорности, помогла родителям в содержании детей, одновременно содействовала их развитию. В разных городах она осуществлялась как в контексте социальной политики, так и при участии благотворителей. Данная работа была социально ориентированной, поскольку охватывала детей разных социальных слоев и материальной обеспеченности родителей, детей фронтовиков, сирот. Участие деятелей просветительских обществ в ней можно рассматривать как проявление ими социальной ответственности и гуманизма.

В целях просветительской и образовательной деятельности в городах Поволжья в годы Первой мировой войны местные активисты продолжали выступать с инициативой создания Народных Домов. Так, в г. Вольске Саратовской губернии 6 ноября 1915 г. было зарегистрировано Общество Вольского Народного Дома им. Императора Александра II, поставившее цель «построить Народный дом, удовлетворять культурные потребности и развивать общественность среди населения города Вольска»²⁶. В г. Красный Яр Астраханской губернии в ноябре 1916 г. было организовано «Общество Народного Дома», в состав которого вошли «почти все» представители местной интеллигенции и земства. Под здание было приспособлено помещение пустующего дома-школы, построенного на Чурке²⁷.

Открытие Народных Домов проявило стремление части горожан к развитию познавательного досуга для самых широких слоев городского населения, содействовало расширению досугового и культурного пространства, прежде всего уездных городов, зачастую не имеющих сети культурно-развлекательных заведений, вовлечению в него слоев населения, для которых более «респектабельные» заведения не всегда были доступны по ценовой и корпоративной практике.

Культурно-просветительский аспект деятельности просветительских обществ, помимо лекций о литературе, художественном творчестве, был связан с проведением музыкальных программ и театральных постановок, защитой культурного достояния. Так, в г. Костроме в июле 1917 г. было организовано художественное общество, поставившее целью охрану памятников старины²⁸.

В г. Самаре в январе 1916 г. поэт-лирик Я.М. Тисленко создал Самарское общество любителей искусства и литературы. Его деятели вначале устраивали семейные вечера, но уже с февраля 1916 г. стали организовывать общедоступные лекции и концерты, в том числе в самарских лазаретах²⁹. В январе 1918 г. открылся музыкальный кружок с литературной, музыкальной и художественной секциями при Самарском педагогическом институте, участники которого готовили выступления о литературе, зодчестве, изобразительном искусстве, посещали экскурсии в художественном музее³⁰.

В г. Симбирске Музыкально-драматически-художественное общество в составе актеров-любителей Ф.Е. Вольсова, В.А. Варламова, Г. Горлова и других в годы войны ставило музыкально-драматические программы для жителей города, в том числе и в благотворительных целях для помощи беженцам³¹. С января 1915 г. в городе начал работать кружок

любителей музыкально-драматического искусства, образованный при Симбирском коммерческом собрании, в составе Г.Г. Карпова, В.А. Горанского, Н.А. Вологина и других представителей симбирского общества (всего около 200 человек). Кружковцы ставили постановки, в том числе на сцене театра Т. Булычевой, установив плату для зрителей в 50 коп., участвовали в благотворительности, перечислили по итогам сезона 600 руб. на нужды войны³².

В г. Сызрани Симбирской губернии при созданной в октябре 1917 г. организации учащихся всех средних учебных заведений открылся литературный кружок, участники которого обсуждали вопросы о русской и зарубежной литературе³³.

В г. Саратове в начале войны работали несколько культурно-просветительских обществ: кружок любителей старинной музыки в составе И.В. Липаева, Лебедевой и других; любительский драматический кружок Саратовского клуба подрядчиков; Саратовское отделение ИРМО в составе А.Д. Юматова, И.Я. Славина, Б.Х. Медведева и других; созданное на базе последнего в феврале 1914 г. Саратовское общество любителей драматического искусства и музыки (СОЛДИМ) в составе около 40 чел., в том числе Н.И. Пенкина, В.Н. Козлова, Н.В. Фротовой и др.³⁴. В условиях войны данные объединения продолжали функционировать. В частности, деятели СОЛДИМ в помещении кинематографа «Рояль-Вю» показывали спектакли, перечисляя сбор в пользу семей призывников³⁵. А в 1916 г. в городе открылись еще два общества культурно-просветительской направленности, осуществляющие театральные постановки: 29 января – литературно-музыкально-драматический кружок при 1-й женской гимназии и 1-м реальном училище, 6 марта – Саратовское отделение Первого литературно-драматического и музыкального общества им. А.Н. Островского, поставившее цель создать «общедоступный театр», в составе М.И. Велизаций, А.Ф. Бровцина, И.А. Слонова и др.³⁶.

Работавший в г. Сердобске Саратовской губернии литературно-музыкальный и драматический кружок, по отзывам современников, признавался одним из немногих средств «заполнения досуга самой разнообразной публики в городе» и единственным источником знакомства с театром³⁷.

В г. Кузнецке Саратовской губернии в декабре 1916 г. был зарегистрирован Кузнецкий художественный кружок с литературно-драматическим, музыкальным и художественным отделами в составе техника Г.А. Башкирова, мещанина М.М. Никонорова, владельца чугунно-литейного завода М.И. Шульгина и других³⁸.

В г. Астрахани культурно-просветительскую работу в годы войны продолжало осуществлять Астраханское отделение ИРМО. За сезон октября 1914 г. – апреля 1915 г. его деятелями были организованы 15 концертов, в том числе 4 традиционных общедоступных, 5 открытых ученических музыкальных вечеров, 3 очередных концерта³⁹.

Несмотря на возникшие в условиях войны материальные и кадровые сложности, участники культурно-просветительских объединений по мере сил и возможностей продолжали радовать городское население театральными, музыкальными, литературными выступлениями. В их деятельности проявились различные мотивы: стремление к самореализации в творчестве, благородная миссия культурного просветительства местного населения, желание путем постановок культурно-развлекательных программ содействовать помощи нуждающимся путем сбора средств с благотворительных показов. Полагаем, что активность посещения культурно-развлекательных программ в городах Поволжья в условиях военного периода является показателем интереса, проявляемого обывателями к культурному досугу и свидетельством вовлеченности в него.

Интересный феномен стремления человека к самореализации в условиях военного времени представляет работа обществ научной и научно-просветительской направленности. Несмотря на материальные затруднения, сотрудники ряда из них продолжали более или менее активную деятельность в период осени 1914 – начала 1918 гг., были образованы новые общества.

Так, деятельность РО ЯЕИО несмотря на трудности была активной. Сотрудниками общества выдвигались задачи: распространение естественно-исторических знаний, содействие развитию естественных наук и сближение лиц, интересующихся изучением природы. Не прекращалась научная работа метеостанции и земской астрономической обсерватории. На метеорологической станции, открывшейся незадолго до войны, 16 июня 1914 г., при Коммерческом училище осуществлялось наблюдение за снеговым покровом, метелями и замерзанием вод. В 1915 г. членами общества был выпущен 1-й номер «Известий» Общества, в 1917 г. – 2-й номер. Осенью 1914 г. был поднят вопрос об устройстве при Обществе Ботанического сада на территории участка, предложенного землевладельцем К.А. Никитиным в имении «Барки» в 16-ти верстах от г. Рыбинска. Уже в мае 1915 г. там был осуществлен посев семян лекарственных трав, посадка саженцев лиственницы, в августе – посев кормовых трав. В годы войны расширился состав членов общества. Если к 1 сентября 1914 г. в нем насчитывалось 74 члена (в том числе А.Ф. Образцов, Н.Н. Розов, С.В. Коновалова и другие), то к 1 сентября 1915 г. – 77, к 1 сентября 1916 г. – 108, к 1 сентября 1917 г. – 134. Регулярными были собрания членов общества (11 в сезон 1915–1916 гг., 11 – в 1916–1917 гг. и 6 – в 1917–1918 гг.)⁴⁰.

В г. Самаре незадолго до войны, в апреле 1914 г., образовалась Самарская ГУАК в составе людей, увлеченных историей края, в том числе А.Г. Елшина, М.М. Зеленского, Ф.Т. Яковлева и других. Если в 1914 г. в Самарскую ГУАК входили 35 членов-учредителей, то в начале 1917 г. уже 52 чел.⁴¹. В годы войны деятели Самарской ГУАК описывали храмы и монастыри Самарской губернии, изучали историю возникновения ряда населенных пунктов края, собирали материалы по истории театра в крае (А. Смирнов), по родословной архива Самарского дворянского депутатского собрания (Ф. Яковлев и С. Хованский), участвовали в создании отдела истории современной войны в Городском музее, в 1917 г. спасали архивы бывшего Губернского правления, архивы библиотеки Самарской духовной семинарии и Александровского гусарского полка⁴².

В самый разгар войны, 7 мая 1916 г., в г. Самаре было зарегистрировано Самарское археологическое общество (САО), в состав которого в 1916 г. входили 27 чел. (в том числе А.Г. Елшин, П.А. Преображенский, С.Н. Хованский, В.Э. Бернер и др.), в начале 1917 г. – 54⁴³. Члены САО принимали активное участие в создании отдела «европейской войны» и церковного отдела при Городском музее. Также сотрудники общества осуществляли этнографические исследования, собрали к лету 1916 г. 67 лубочных картин, весной-летом 1917 г. совершили под руководством Ф.Т. Яковлева поездки по Самарской губернии и записали частушки, загадки, поговорки. Также в 1917 г. деятели САО на основе открытого листа на право ведения археологических раскопок, полученного от Императорского археологического комитета, приступили к раскопке могильника у ст. Тимашево Златоустовской железной дороги, составили доклады о курганах, городищах и могильниках на территории края⁴⁴.

В 1917 г. в г. Самаре образовались еще два научных объединения: 2 февраля – физико-математический кружок, 3 ноября – историко-филологическое общество при Самарском педагогическом институте. В состав физико-математического кружка входили 9 чел., в том числе директор самарского реального училища В.Н. Волков, инженер В.С. Ножкин, директор самарского коммерческого училища Г.Х. Херсонский и другие. Кружковцы сумели выпустить собственный журнал «Известия Самарского физико-математического кружка», в котором опубликовали статьи по физике, математике и педагогике, научные новости. На заседаниях кружка обсуждались спорные теории⁴⁵. На заседаниях историко-филологического общества его участниками рассматривались вопросы истории, исторической литературы, языкознания, этнографии⁴⁶.

В г. Симбирске сотрудники открывшегося в начале 1914 г. церковно-археологического общества обсуждали в годы войны вопросы археологии. В августе 1915 г. ими было открыто Симбирское древохранилище (архив)⁴⁷.

Членам Саратовской ГУАК в 1915–1916 гг. удалось выпустить по одному сборнику «Трудов» комиссии⁴⁸.

Деятельность ряда научно-просветительских обществ в условиях войны осуществлялась на основе личной инициативы их создателей и участников, жертвовавших средства, силы и время на развитие научной мысли и популяризации научных открытий среди городских обывателей. Члены научно-просветительских обществ не только удовлетворяли собственные потребности в научных изысканиях, но и привлекали горожан к познанию истории и природы своего края. Их деятельность в ряде городов заложила основы или содействовала сохранению сведений о развитии края, является значимой для будущих поколений.

Война оказала существенное влияние на работу просветительских обществ поволжских губерний. Расширился круг аудитории обществ, деятельность которых носила «открытый» характер за счет направленности на раненых фронтовиков, беженцев. Ряд обществ, осуществлявших до войны работу только в интересах своих сотрудников, с началом войны стали выполнять просветительскую миссию в интересах широких слоев городского социума. В годы войны были образованы новые просветительские общества. В г. Самаре более широкое представительство получило новое направление среди просветительских обществ – научно-исследовательское, поскольку образовались 3 научных объединения, то есть больше, чем имелось к началу войны.

«Закрытые» общества включали в свой состав узкую группу людей в количестве 10–60 чел., которые занимались самообразованием в области литературы, художественных искусств, музыки, научными исследованиями и обменивались собственными мыслями по данным вопросам в кругу своих единомышленников, тем самым, создавая и поддерживая интеллектуальные очаги среди городского социума. «Открытые» просветительские общества вели работу, нацеленную на широкий круг городского населения, которому пытались дать представление о культурных традициях, элементарные естественно-научные представления об окружающем мире, повысить образовательный уровень общества. Общества и кружки, созданные как «закрытые» объединения, а затем перешедшие к «открытым» видам деятельности, совмещали в своей работе перечисленные выше направления. Переориентация ряда обществ с «закрытой» на «открытую» деятельность в период Первой мировой войны объясняется потребностями поволжского, да и в целом российского социума в духовном общении, восприятии культурных ценностей, которые компенсировали духовное перенапряжение, вызванное мыслями о войне. Инициаторами создания просветительских обществ в городах Поволжья являлись преимущественно интеллигенция и служащие – преподаватели учебных заведений, инженеры, земские и городские деятели. Для досуга данных социальных групп были характерны музыкальные вечера с музыкой, пением, танцами, спортивные игры и игры-шарады, организуемые дома во время приема гостей и на дачах летом. Составляя костяк просветительских обществ и кружков, представители указанных групп городского общества осуществляли традиционную для себя деятельность, удовлетворяли собственные потребности в духовных исканиях и одновременно выполняли социально ориентированную миссию по просвещению народных масс.

Вовлечение горожан Поволжья в деятельность просветительских обществ в период Первой мировой войны можно рассматривать в контексте взаимодействия человек-культура-человек. Жители городов, активно участвующие в просветительстве, содействовали поддержанию и развитию имеющегося культурного пространства, включающего литературные, музыкальные, художественные зрелища, образовательные программы, научные исследования. Одновременно данное пространство позволяло реализовать широкому кругу обывателей различные формы досуговой практики, получать позитивные эмоции, знания, удовлетворять интерес к новому, отвлекать от трагических событий военного периода, занимать полезной развивающей деятельностью.

Примечания

1. Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.). По мат. Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара: СамГТУ, 2007. С. 33.
2. Там же. С. 29-84.
3. Отчет Астраханского Общества Народных Университетов за 1914–1915 год (с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1915 г.). Астрахань, 1916. С. 8.
4. Там же. С. 9.
5. Отчет Астраханского отделения Императорского Русского музыкального общества за 1914–1915 г. Астрахань, 1916. С. 4.
6. Известия Рыбинского отделения Ярославского естественно-исторического общества. Вып. 1. Ярославль, 1915. С. 18.
7. Там же. С. 50.
8. Симбирянин. № 2796. 1917. С. 3.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1907. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
10. Известия Самарского общества Народных Университетов. Самара, 1915. С. 6; Известия Самарского общества Народных Университетов. Самара, 1916. С. 1-2, 11.
11. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 1596. Л. 119-128, 133-142, 145-151, 158-168.
12. Саратовский голос. 1 ноября. 1916. С. 4; 4 ноября. 1916. С. 4.
13. Государственный архив Саратовской области (ОГУГАСО). Ф. 560. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
14. Там же. Д. 2. Л. 12.
15. Наша газета. № 2. 1915. С. 1; № 5. С. 1; № 8. С. 1.
16. Отчет Астраханского Общества Народных Университетов за 1914–1915 год. С. 2-4.
17. Там же. С. 4.
18. Там же. С. 9.
19. Центральный архив Нижегородской области (ГКУЦАНО). Ф. 2. Оп. 6. Д. 2887а. Л. 12.
20. НАРТ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 3. Л. 30-33.
21. Там же. Л. 25-29.
22. Городской вестник. № 2755. 1917. С. 3; № 2758. С. 3; Известия Самарского общества народных университетов. Самара, 1913. С. 3-22; Известия Самарского общества народных университетов. Самара, 1915. С. 6-20; Известия Самарского общества народных университетов. Самара, 1916. С. 1-29.
23. Саратовский голос. 18 ноября. 1916. С. 4.
24. ОГУГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3720. Л. 13.
25. Там же. Л. 2, 16, 19.
26. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 494. Л. 1-16.
27. Астраханский листок. 18 ноября (1 декабря). 1916. С. 5.
28. Поволжский вестник. 27 июля. 1917. С. 3.
29. Волжский день. № 43. 1916. С. 3; № 256. С. 3.
30. Ученые записки Самарского Университета. Самара, 1918. С. 41.
31. Симбирянин. № 2182. 1914. С. 2; № 2314. 1915. С. 3; № 2227. С. 1.
32. Там же. № 2237. 1915. С. 3; № 81. 1917. С. 3.
33. Свободный ученик: орган общеученической организации в Сызрани. № 1. 1917. С. 1; № 5-6. С. 4.
34. Саратовская жизнь. № 1384. 1914. С. 3; Саратовская почта. № 79. 1914. С. 3; Саратовский вестник. № 59. 1914. С. 3;
35. Саратовская жизнь. № 1570. 1915. С. 3.
36. ОГУГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 489. Л. 1-4; Саратовский голос. 3 января. 1917. С. 4.
37. ОГУГАСО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 184. Л. 8, 18.
38. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 766. Л. 4-18.
39. Отчет Астраханского отделения Императорского Русского музыкального общества за 1914–1915 г. С. 3-4, 60-86.
40. Государственный архив Ярославской области (ГКУЯОГАЯО). Ф. 1541. Оп. 1. Д. 84. Л. 22, 32, 39; Известия Рыбинского отделения Ярославского естественно-исторического общества. Вып. 1. С. 20-21, 36, 38-39, 104.
41. Центральный государственный архив Самарской области (ГБУСОЦГАСО). Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Д. 5. Л. 2; Д. 7. Л. 173-175; Ф.Р.-780. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.
42. Там же. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Ф. Р.-780. Оп. 1. Д. 5. Л. 3; Д. 2. Л. 45-46.

43. Там же. Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 51-52; Д. 6. Л. 1; Д. 10. Л. 11.
44. Там же. Д. 3. Л. 38-40, 8-10, 29-33; Д. 5. Л. 2, 18; Ф.Р.-558. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-3; Д. 3. Л. 1-8; Д. 4. Л. 1-6; Д. 5. Л. 1-12; Д. 6. Л. 1-11; Д. 7. Л. 1-11; Д. 8. Л. 1-10; Д. 9. Л. 1; Д. 10. Л. 1-12; Д. 11. Л. 1-2.
45. Охтович А.Г. Известия Самарского физико-математического кружка. Вып. 1. Самара, 1917. С. 1.
46. Ученые записки Самарского университета. Вып. 1. С. 26.
47. Симбирянин. № 2803. 1917. Л. 3; Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 год. Симбирск, 1916. С. 175.
48. Миронов В.Г. Указатель статей и заметок, опубликованных в трудах СУАК. Вып. 1-33 //Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 4. Саратов, 1996. С. 268-307.

КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ РАБФАКОВ СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ В 1930-Е ГОДЫ XX ВЕКА

© С. В. СОРОКИНА

Самарская государственная академия культуры и искусств,
доцент кафедры философии и политологии,
кандидат исторических наук, e-mail: contry@samtel.ru

Рабфаки являлись школой совершенно нового типа, призванной сыграть важную роль в создании советской интеллигенции. Эти учебные заведения стали школой создания истинного большевика-ленинца. Они стали одной из основных форм обучения рабочих-производственников.

В июне 1929 г. Пленум ЦК утвердил 65%¹ квоту для рабочих и их детей при приеме в высшие учебные технические заведения. В ноябре ее повысили до 70%. В «улучшении» социального состава студенчества важную роль сыграли рабфаки и подготовительные курсы. Данные учебные заведения давали рабочим и крестьянам общеобразовательную подготовку, необходимую для поступления в вузы. Это был новый тип пролетарского учебного заведения, особый тип средней школы.

Желающих поступить на факультет было много. Так, в 1925 г. на 163 места подали 400 заявок². Первые 8 выпусков факультета дали 645 чел., из них 605(93,8%) продолжили образование в высших учебных заведениях³. Если выпуск Самарского рабфака в 1922 г. составлял 32 чел., то в 1928 г. – 146⁴. Самарский вечерний рабфак за 1 триместр 1930–1931 гг. – 150 чел., из них 79% составляли рабочие. Общее число студентов учебно-строительного комбината достигло 2 500 чел.(включая курсы)⁵. На дневном факультете Самарского краевого рабфака обучалось 540 чел., а на вечернем – 200 (1930/31 учебный год). В 1939 г. выпустили 95 чел. Рабфак за 20 лет подготовил в высшую школу 2533 чел., из них не менее 2 тыс. получили высшее образование. В 1938 г. выпуск составил 94 чел., а в 1939 г. готовы были выпустить 95 чел. Через факультет прошли 3000 чел. из рабоче-крестьянской среды⁶.

На открывшемся в Пензе в 1927/28 учебном году рабфаке (I-II курсы) обучались рабочие «от станка» – 80%, а также люди, недавно занятые в сельском хозяйстве⁷. За 8 выпусков Самарского факультета процент рабочих составил 51,6, за период с 1921/22 г. по 1928/29 г. понизился с 14,5 до 3,5⁸. Возможно, снижение их удельного веса было связано с расширением приема в вузы крестьян и служащих. В 1934/35 на вечернем отделении – 196 чел. Из них рабочих – 32%. В 1931 г. на вечерний рабфак при строительном институте приняли 51% рабочих. В 1935 г. на Ульяновском рабфаке по всем курсам из них рабочих – 73%, а на Пензенском 54,1%. В 1936 г. из поступивших 123 чел. в Пензенский рабфак рабочих – 44,7%. В 1937 г. на первом курсе Пензенского строительного рабфака процент рабочих сократился с 47,2 до 31%, а окончивших среднюю школу увеличивается с 24,1 до 48,8%⁹.

Но эти учебные заведения доказывали свое право на существование: они оперативно готовили трудящихся к поступлению в высшую школу. Так, в 1925 г. 7 чел. Самарского

рабфака поступили в Воронежский институт, 3 чел. окончили аспирантуру, 3 – направлены на производство и 1 чел. продолжил учиться в университете с целью переквалификации¹⁰. Самарский краевой рабфак имел целую сеть вечерних курсов: по подготовке рабочих и работниц к поступлению на рабфак, во втузы и вузы, по подготовке батраков и батрачек в Самарский сельскохозяйственный институт. В 1935 г. из студентов, поступивших в строительный институт, окончивших различные подготовительные курсы – 20%¹¹.

За период с 1921/22 по 1928/29 гг. на факультете процент крестьян увеличился с 23 до 51, а в середине 1930-х гг. снизился до 35¹². В 1931 г. на вечернем рабфаке при строительном институте 37% крестьян. В 1939 г. на Ульяновском факультете их 55,4%¹³. В эти годы происходит неуклонное снижение доли крестьян-студентов, но в последующие – удельный вес увеличивается, хотя и не достигает прежнего показателя. К 1935 г. процент служащих составил на Пензенском рабфаке 32,5%, на Ульяновском – 13,9%, на Пензенском и Самарском – 8,9%¹⁴ и 8,7¹⁵. В 1937 г. на первом курсе Пензенского строительного рабфака процент служащих увеличивается с 18,5 до 26,4%¹⁶. В 1939 г. на Ульяновском факультете их 20,7%¹⁷. За 8 выпусков самарского факультета этот процент составил 13,4.

В 1934/35 г. из учащихся Ульяновского факультета комсомольцев – 17,5%, беспартийных – 74,1%¹⁸. В этом же году на Пензенском рабфаке было коммунистов 5,2% и комсомольцев – 29,1%, в 1936 г. – 3,2% и 15,4%, в 1937 г. – 0,75% и 11,3%, в 1938 г. – 1,4% и 16,2%. В 1937 г. на первом курсе Пензенского строительного рабфака заметно сокращение комсомольцев: на первом курсе их 20,3%, на втором – 22%, на третьем – 25,8%, а на 4 курсе 25,5%¹⁹. За 8 выпусков Самарского факультета коммунистов насчитывалось 37%, комсомольцев – 32%²⁰. В 1939 г. на Ульяновском факультете комсомольцев – 70,5%²¹.

На вечернем строительном рабфаке г. Самары в 1931 г. 78% составляли лица, достигшие 2130 лет²². В 1934 г. основной процент студентов приходился на возрастную группу от 18-19 лет (38%), 30% – до 22-х лет и 22,5% – от 23 до 25 лет²³. В 1934/35 г. на Самарском рабфаке возрастная группа от 18-22 лет составляла 66%, а возраст от 23-29 лет – 34%²⁴. Возрастной состав в 1935 г. учащихся Пензенского рабфака до 25 лет – 75,4%, более 26 лет – 24,5%²⁵; в 1936 г. большинство – молодые люди от 18-22 лет – 55,5% и до 18 лет – 32%; 26-30 лет – 9,5%, 31-35 лет – 3%. Тогда как, в 1937 г. на первом курсе преобладали студенты – 44,1-64,8%, в возрасте от 20 до 25 лет.

Национальный состав в 1935 г. на Пензенском рабфаке – 96,3% русских, 0,9% евреев, 0,3% мордвы, прочие – 2,5%²⁶, а на Ульяновском русских – 97,5%, евреев – 0,8%, украинцев – 1,7%²⁷. В 1937 г. на первом курсе Пензенского строительного рабфака процент русских на всех курсах варьировался от 93,3% до 96,8%²⁸. Из 90 чел., поступивших в 1939/40 г. на Ульяновский факультет, было представлено русских – 86,6%, чувашей и мордвы по 1,7%, прочие 10%. Основной контингент учащихся составили молодые люди 18-25 лет – 81,8%²⁹.

В 1931 г. на 10 рабфаках края обучалось 601 чел. В 1935 г. на Пензенском рабфаке из 502 чел. 27% – женщины³⁰. В 1934/35 г. из учащихся Ульяновского факультета женщин – 40,8%. В 1937 г. на первом курсе строительного рабфака – 27,7% женщин, на втором – 31,6%, третьем – 29,9%, на четвертом – 31%. В 1939 г. на Ульяновском факультете – 37,2%³¹. Из 8 выпусков Самарского рабфака 15% были женщины³².

По выпускам из трех рабфаков лидировал Оренбургский – 190 чел. Характерно, что в Ульяновском преобладали крестьяне, а вот в Пензенском и Оренбургском – рабочие. Большинство – коммунисты (45,8%), а вот доля беспартийных была невелика (14,7%)³³. Более подробно рассмотрим ситуацию на примере Ульяновского рабфака.

Анализ социального состава свидетельствует о том, что в 1936 г. на I курсе рабочих больше (35,3), чем на 3 курсе (24,8%). Это происходит за счет увеличения количества крестьян. Укажем, что доля крестьян понижается с 61,6% до 43,4%, а рабочих повышается с 24,8% до 35,3%. Доля же служащих сокращается с 16,7% до 12,8%.

Удельный вес женщин среди студентов был стабильным. Как видно в целом он понижается с 22,6% до 20,7%, тогда как по всему факультету – 25,3%. Только на 2 курсе треть учащихся – женщины.

На всех курсах доля комсомольцев превышает 30%, хотя на 3 курсе самый большой показатель 37,6%. Процент беспартийных высок на 1 курсе (67,3%), но к 3 курсу происходит незначительное снижение до 61,6%. Незначительное количество коммунистов объясняется тем, что на факультете училась, в основном, рабочая молодежь. По факультету та же картина.

Среди студентов Ульяновского рабфака основной удельный вес приходился на возраст 18-22 года, который понижается с 82,7% до 56%. Это связано с увеличением числа поступивших школьников с 4,5% до 35,3% и учащихся в возрасте 31 года (0,7%).

По национальному составу преобладают русские, но их процент понижается с 93,9% до 89,3%. Это произошло за счет повышения доли украинцев, мордвы и чуваш. Так, доля мордвы повышается с 2,2% до 3,3%. Но этот показатель низок по сравнению с русскими.

Успеваемость студентов обсуждали совместно преподаватели и лучшие рабфаковцы. В 1930/31 г. на вечернем Самарском индустриальном рабфаке она была 95%³⁴, а на строительном – 78%. В 1932/33 г. из 528 чел. Самарского индустриального рабфака (вечернее отделение) получивших «отлично» – 2,6%, «хорошо» – 22,4%, «удовлетворительно» – 66,3% и 8,7% не сдали экзамен; на дневном «удовлетворительно» получили 91,4%, не сдали экзамен 8,7%. В 1934 г. на вечернем отделении Ульяновского факультета рабфака отсея 9,5%, а в 1935 г. на дневном отделении отсея – 5%. Посещаемость – 96,1%. Из них прогулы – 3,9%. В 1934/35 г. на первом курсе успеваемость – 82,2%³⁵. В 1934/35 г. полностью выполнена программа по математике, физике, химии. В 1935 г. успеваемость на Самарском рабфаке за третью четверть составила 94,3%, а за первый семестр – 93%, а на Ульяновском – 95%³⁶. В 1935/36 г. на Пензенском рабочем факультете успеваемость на 1 курсе – 81%, а в целом на рабфаке – 80,8%. Отмечалась низкая успеваемость на 2 и 3 курсах. Так, например, на всех курсах не успевали по русскому языку. Весеннюю сессию из 376 студентов строительного рабфака сдавало 197 чел. Из них 50,4% учащихся успешно закончили учебный год, на второй год оставлено 13,6%, на осень – 30%, не явились – 3%, неуспевающих было 3%. В 1936 г. на вечернем рабфаке г. Пензы средняя успеваемость – 84,25%, из них получивших оценку «отлично» – 2%, «хорошо» – 19,6%, «удовлетворительно» – 58,3%, не сдали 15,8%, не аттестованы 4,3%³⁷.

В 1934/35 г. процент выбывших по 4 курсам Ульяновского вечернего рабфака – 33,1%³⁸. В 1935 г. на рабфаке индустриального института получивших «отлично» было 5%, «хорошо» – 40,7%, «удовлетворительно» – 50,7%, «неудовлетворительно» – 3,6%. В этом учебном заведении успеваемость составила 96,4%³⁹. Из 127 учащихся в 1939/40 г. отличные знания показали 2,6%, «хорошо» – 45,6%, «удовлетворительно» – 51,8%. В 1936/37 г. успеваемость на дневном рабфаке составила 90,7%. Сдавших на «отлично» – 2,3%, «хорошо» – 22,9%, «удовлетворительно» – 65,5%, «неудовлетворительно» – 9,3%⁴⁰. В 1939/40 г. успеваемость студентов на 3 курсе Пензенского строительного рабфака – 77%, на 4 курсе – 97,4%, всего по рабфаку – 87,2%⁴¹.

Отсев учащихся был очень высокий. В 1930 г. годовая потеря рабочих факультетов страны составила 1/7 часть всех учащихся. Так, по вечерним факультетам процент отчисленных достиг 17,6%, а по дневным – 10,7%⁴². Основная причина была в том, что рабочие факультеты переживали период становления. Кроме того, имелась несогласованность часов занятий и работы, а также плохое бытовое положение учащихся: недостаточная обеспеченность общежитиями, питанием и пр. К тому же, отсев связывался с переездом студента в другой город в связи со сменой работы. Следует отметить, что среди рабочих процент отсева был несколько ниже, а среди крестьян выше. За 1930/31 уч. год отсев по Самарскому рабфаку составил 30%⁴³. Руководство факультета прибегало к повторным наборам студентов. Так, в 1934 г. отсев учащихся по дневному отделению был

7,5%, а по вечернему – 26%. Из 155 чел. выбывших 76 чел. покидало рабфак по уважительным причинам: болезнь, служба в армии, а 49 – по неуважительным (из-за низкой успеваемости). В 1940 г. рабочие факультеты закрыли в связи с ростом выпуска учащихся 10 классов. Самарский краевой рабочий факультет просуществовал до начала войны. В 1927/28 г. по РСФСР в школах рабочей и сельской молодежи и школах взрослых (включая учащихся рабфаков) обучалось 109,8 тыс., а в 1940/41 г. – 353,8 тыс. чел.⁴⁴.

На 1931 г. на территории РСФСР действовало 354 рабфака с 92196 чел., а в 1934 г. их уже 441 с 171433 учащимися⁴⁵. За период 1927–1932 гг. в Средневолжском крае количество учащихся на рабочих факультетах увеличилось с 400 до 8 000 чел.⁴⁶. Край имел 7 дневных рабфаков с 3 000 учащихся и 10 вечерних с 2 000. В 1936 г. в Куйбышевской области было 3 рабфака с 1303 учащимися⁴⁷. В 1940/41 г. только по городу Куйбышеву 4,1 тыс. студентов обучалась без отрыва от производства⁴⁸. Рабочие факультеты выполнили стоявшую перед ними задачу – улучшить количественный и социальный состав вузов и техникумов, создав все условия для обучения рабочих и крестьян. Установлено, что именно рабфаки давали вузам и втузам значительную часть (60%) абитуриентов. Установлено, что система рабфаков в Средневолжском крае достаточно быстро разрасталась. В частности, приводятся данные, что в 1927–1928 гг. в крае их было всего три, а к 1931–1932 гг. количество выросло до 24. В начале 1933–1934 уч. года разбухшая сеть рабфаков подверглась реорганизации: «карликовые», не имевшие базы для существования, объединили с более крупными или закрыли. В социальном составе учащихся рабфаков выявлены определенные особенности. В частности, установлено, что в Самарском рабфаке преобладали крестьяне и батраки, а в Пензенском и Ульяновском – рабочие. Рабочие факультеты выполнили стоявшую перед ними задачу – улучшить количественный и социальный состав вузов и техникумов, создав все условия для обучения рабочих и крестьян.

Примечания

1. Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании: Сб. док. М.-Л., 1947. С. 60.
2. Козлов И. Самарский рабфак // Коммуна. 10 октября. 1935. С. 5.
3. Советское студенчество зарождалось так // Волж. комсомолец. 29 марта. 1929. С. 3.
4. ЦГАСО. Ф. 113. Оп. 17. Д. 7. Л. 229.
5. Там же. Ф. 2343. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
6. Там же. Ф. 113. Оп. 17. Д. 7. Л. 258, Л. 248.
7. Пензенская область за 50 лет Советской власти. Саратов-Пенза, 1967. С. 174.
8. ЦГАСО. Ф. 113. Оп. 15. Д. 7. Л. 216-217.
9. ГАПО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 111. Л. 1, 41.
10. ЦГАСО. Ф. 113. Оп. 17. Д. 7. Л. 81об.
11. Там же. Ф. 2343. Оп. 1. Д. 1. Л. 145.
12. Там же. Ф. 113. Оп. 17. Д. 7. Л. 217.
13. ГАУО. Ф. 526. Оп. 10. Д. 407. Л. 3.
14. ГАПО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.
15. ЦГАСО. Ф. 113. Оп. 15. Д. 4. Л. 1.
16. ГАПО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 111. Л. 41.
17. ГАУО. Ф. 526. Оп. 10. Д. 407. Л. 3.
18. ГАПО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.
19. Там же. Ф. 547. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.
20. ЦГАСО. Ф. 113. Оп. 17. Д. 7. Л. 217.
21. ГАУО. Ф. 526. Оп. 10. Д. 407. Л. 3.
22. ЦГАСО. Ф. 2321. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
23. Цвиллиховский А. Итоги приема на рабфак // Коммунист. 31 августа. 1924. С. 2.
24. ЦГАСО. Ф. 113. Оп. 15. Д. 4. Л. 1.
25. ГАПО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.
26. Там же. Д. 111. Л. 1.
27. ГАУО. Ф. 526. Оп. 10. Д. 149. Л. 1.

28. ГАПО. Ф. 547. Оп 1 Д 111. Л. 41.
29. ГАУО. Ф. 526. Оп. 10. Д. 407. Л. 3.
30. ГАПО. Ф. 547. Оп 1 Д 111. Л. 1.
31. ГАУО. Ф. 526. Оп. 10. Д. 407. Л. 41.
32. ЦГАСО. Ф. 113. Оп. 15. Д. 7. Л. 217.
33. СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 526. Л. 9.
34. ЦГАСО. Ф. 113. Оп. 17. Д. 7. Л. 207.
35. Там же. Д. 407. Л. 1.
36. ГАУО. Ф. 526. Оп. 10. Д. 407. Л. 1.
37. ГАПО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 41. Л. 19.
38. ГАУО. Ф. 526. Оп. 10. Д. 407. Л. 59.
39. ЦГАСО. Ф. 2343. Оп. 1. Д. 2. Л. 150.
40. ГАУО. Ф. 526. Оп. 10. Д. 261. Л. 27.
41. ГАПО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 179. Л. 187.
42. Подготовка кадров в СССР 1927–1931 гг. М.-Л., 1933. С. 57.
43. ЦГАСО. Ф. 113. Оп. 17. Д. 7. Л. 212.
44. Культурное строительство в РСФСР. М., 1958. С. 6.
45. Народное хозяйство и культурное строительство РСФСР. //Сб. док. М., 1935. С. 285.
46. Тизанов С. Пути культурной революции в Среднем Поволжье. Самара-М., 1931. С. 17.
47. Кадры тяжелой промышленности в цифрах. М., 1936. С. 83.
48. Народное хозяйство Куйбышевской области и г. Куйбышева //Стат. сб. Куйбышев, 1957. С. 174.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ В 1928–1937 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ)

© С. Г. ФИЛАТОВ

Филиал Российского государственного социального университета в г. Пензе,
доцент кафедры экономики, управления и природопользования,
кандидат исторических наук,
e-mail: filatov_sg@mail.ru

Эффективность работы пищевых предприятий во многом определялась тем, насколько высоким было качество вырабатываемых изделий. Первая и вторая пятилетка стали для Поволжья, как и для всей страны, тем периодом, когда создавались и совершенствовались основные механизмы контроля качества пищевой продукции.

В конце 1920-х годов неоднократно поднимался вопрос о качестве хлеба. В октябре 1928 г. состоялось совещание инвалидов артелей Ульяновска, на котором намечалась серия мероприятий по искоренению недостатков производства¹; производственное совещание на Кузнецком хлебозаводе ЦРК предложило администрации улучшить хранение муки²; на объединенном собрании пайщиков ЦРК пекарен №1, №2, №3 г. Пензы 22 апреля 1929 г. подчеркивалось, что «хлеб плохого качества получался вследствие чересчур большой перегрузки пекарен и плохих условий, в которых они находились»³.

На предприятиях цензового мукомолья, несмотря на регулярно проводимые конкурсы на лучшее качество продукции⁴, процент брака был также высок. На техническом совещании руководителей Сызранской мельницы №4 «Хлебоцентра» 22 марта 1929 г., при обсуждении причин выработки нестандартной муки (9 из 15 вагонов муки, выработанной за несколько дней марта, оказались нестандартными), говорилось об остановках мельницы и плохом качестве мешков⁵. Большое количество нестандартной продукции (более 6%) наблюдалось и на крупяных предприятиях Средне-Волжского края⁶. Производственная конференция предприятий пищевкусовой промышленности г. Пензы (6 января 1929 г.) отмечала, что «Союзкартофель» доставлял на колбасную фабрику крахмал чрезвычайно

плохого качества, который лишь портил колбасные изделия. Низкое качество продукции кишечных заводов (остатки шляма, дыры и неправильный калибраж), объяснялось тем, что для местной торговли оставался лишь тот товар, который не шел на экспорт⁷.

Система «Союзмясо» терпела колоссальные материальные убытки из-за недостаточного внимания к содержанию скота на базах и сырьевых цехах мясокомбинатов: скот целыми днями стоял в грязи без воды и корма, отчего терял много веса, не хватало остывочных отделений, не было холодильников⁸. Поэтому вопросы борьбы с непроизводительными потерями поднимались как на краевом, так и на союзном уровне. 27 февраля 1930 г. обществом «Техника массам» в Самаре было созвано совещание по вопросу организации 10-дневника по борьбе с потерями на промышленных предприятиях⁹. В 1930 г. при ВНИИ мясного хозяйства был организован штаб по борьбе с потерями¹⁰.

Резолюцией Всесоюзного совещания работников мукомольно-крупяной промышленности (10-17 марта 1930 г.) «О качестве продукции за 1929/30 г. и стандартах на 1930/31 г.» предусматривалось усиление теххимического контроля путем оборудования каждого предприятия производительностью не менее 50 тонн в сутки химико-бактериологической лабораторией¹¹. В резолюции пищевой секции Всесоюзной конференции по качеству продукции (12 октября 1930 г.) рекомендовалось: организовать на всех предприятиях технический контроль; укрепить контрольно-бракеражный аппарат путем организации сквозных бригад, производственного буксира и рабочего контроля; добиться своевременной сдачи сырья и доставки его на предприятия; усилить научно-исследовательскую работу в сфере контроля за качеством¹².

10 сентября 1930 г. в Пензе состоялось межсоюзное совещание, посвященное вопросам качества продукции городских промышленных предприятий, которое постановило создать ассортиментно-контрольные и контрольно-лабораторные пункты¹³. После этого совещания на бисквитной фабрике была организована ударная бригада по борьбе за качество продукции, в задачу которой входило изыскание способов сокращения брака; дирекцией возлагалась персональная ответственность за толщину печенья на мастеров – при браке на их счет записывалась разница от снижения стоимости¹⁴. Однако эти меры не способствовали снижению брака, который рос из-за отсутствия достаточного количества пара в производственных печах, низкого качества теста, недостаточной квалификации браковщиц – в продаваемом бисквите регулярно находили проволоку, веревку, паклю¹⁵.

С 20 октября по 20 ноября 1931 г. на предприятиях «Союзпромхлебопечения» проводился Всесоюзный смотр по улучшению качества хлеба. В результате по ходу месячника был значительно повышен стандарт хлеба: по Самаре – с 40,3 до 62,5%, по Сызрани – с 26 до 50,5%¹⁶. С 1 ноября по 1 декабря месячник по улучшению качества продукции проводился по Средне-Волжскому крахмалотресту, почти на всех предприятиях которого функционировали заводские лаборатории¹⁷. Что касается лабораторий, занимающихся исследованием качества продукции, то в целом по Поволжью ощущалась их острая нехватка¹⁸. Имеющиеся лаборатории, как, например, на Пензенском дрожжевом заводе, Пролетарском рафинадном заводе, Ульяновском мясокомбинате, были недостаточно оборудованы, в лаборатории бисквитной фабрики отсутствовал микроскоп, не имелось электрической тяги для вытяжных шкафов¹⁹.

На Всесоюзных съездах профсоюзов работников мясорыбной, консервной и маслобойной промышленности и мукомольно-хлебопекарной и кондитерской промышленности (1931–1932 гг.) низкое качество продукции списывалось на невысокий технический уровень предприятий, на плохое качество сырья, слабую трудовую дисциплину и недостаточную квалификацию рабочих и технического персонала²⁰.

После XVII конференции ВКП(б) (30.01-4.02.1932 г.), где А.И. Микоян отметил в качестве одной из главных проблем пищевой промышленности несоблюдение государственных стандартов при выработке продукции, на предприятиях Поволжья вопросам

качества и соблюдения стандартов уделялось особое внимание при заключении коллективных договоров²¹.

В постановлении Средне-Волжского крайисполкома от 11 января 1932 г. «О работе краевого треста Союзпромхлебопечение» предлагалось в 15-дневный срок разработать мероприятия по улучшению качества печеного хлеба, создав фонд для премирования за соблюдение стандартов, высокое качество хлеба²². В резолюции I-ой Средне-Волжской краевой конференции работников товарного мукомолья и хлебопекарной промышленности (10-12 февраля 1932 г.), отмечавшей резкий рост нестандартности по влажности крупного помола (причинами которой были: дефекты зерна урожая 1931 г., несоблюдение правил складирования хлебозаготовительными пунктами, плохая организация ими просушки зерна, слабая организация теххимконтроля), предлагалось создать на всех мельничных предприятиях и пекарнях ячейки улучшения качества продукции; оплату труда работников поставить в зависимость от качества муки и выпекаемого хлеба, выпускать муку только в маркированном виде, организовать контроль за работой бракеров со стороны всех выпекающих организаций²³. 28 апреля 1932 г. вышло постановление Президиума Центросоюза СССР и Правления «Союзпромхлебопечение» «О мероприятиях по борьбе с хищением хлеба и злоупотреблениями в деле хлебоснабжения», учреждавшее институт государственных контролеров, на которых возлагались постоянное наблюдение за выполнением установленных норм припека, контроль за качеством поступающего сырья и выпеченных хлебных товаров²⁴.

Ужесточалась ответственность цеховых мастеров мясокомбинатов за выработку некачественной продукции: так, за несоблюдение элементарных правил организации технологического процесса и порчу больших партий колбасы, в судебные органы передавались дела на мастеров Пензенского, Сорочинского и Ульяновского комбинатов²⁵. Высоким был уровень потерь по крахмалотресту: по Ноксинскому и Шемышейскому заводам он составлял почти 50%²⁶. В связи с подобными фактами предполагалось пересмотреть нормы потерь по разным отраслям²⁷.

В первый год второй пятилетки продолжали фиксироваться случаи отступления от утвержденной рецептуры на бисквитной и макаронной фабриках²⁸; на мельницах и маслобойных заводах – случаи нарушений при хранении сырья²⁹. На предприятиях мукомолья велась также борьба с металлическими примесями в зерне, готовой продукции и отходах³⁰.

В конце 1933 г. партией и правительством принимаются решения, на длительный срок определившие государственный подход к проблеме качественных показателей работы пищевых предприятий: 8 декабря был издан закон об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции³¹; 22 декабря вышло постановление ЦК ВКП(б) «О работе предприятий пищевой промышленности», обязывавшее «все обкомы и крайкомы в кратчайший срок улучшить работу на пищевых предприятиях и добиться выпуска пищевыми фабриками и заводами Наркомснаба высококачественной продукции»³².

29 декабря 1933 г. на объединенном заседании президиумов ЦК пищевых профсоюзов приняли постановление, в котором намечались конкретные мероприятия по реализации решения ЦК ВКП(б) от 22 декабря: в каждом цехе и смене к 1 февраля 1934 г. необходимо было выбрать общественного инспектора труда; в цеховые, сменные и индивидуальные соцдоговора предлагалось включать обязательства по повышению качества продукции³³.

В начале апреля 1934 г. ударники пищевых предприятий Белоруссии и Сталинграда предложили организовать Всесоюзный смотр выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 22 декабря 1933 г. Эта инициатива была поддержана НКСнабом, приказом которого от 9 апреля 1934 г. официально объявлялся смотр всех предприятий Советского Союза по санитарии, гигиене и качеству. Для премирования лучших предприятий, ударников и организаторов смотра выделялось 750 тыс. руб.³⁴.

Смотр вскрыл огромное количество недостатков: в цехах Пензенского мальтозного завода, Самарского мясокомбината, Саранского квашзавода и маслозавода, Сызранского

хлебозавода, районных маслозаводов обнаруживали «непролазную грязь» (в лаборатории Сызранского «Маслопрома», например, разбирались и чистились велосипеды), нарушения в хранении продукции, отсутствие дезинфекции помещений³⁵. На директоров и мастеров 3 маслозаводов Средне-Волжского края за безобразное состояние помещения были наложены штрафы³⁶. Со значительными трудностями при осмотре предприятий сталкивались санитарные врачи: так, в Сергиевском отделении «Маслопрома» санврач не был допущен дирекцией на производство³⁷.

В Нижнее-Волжском крае в ходе смотра наибольшее количество нареканий вызывали рыбозаводы: имелись случаи, когда рыба при приеме не промывалась проточной водой³⁸.

Первые результаты смотра на государственном уровне были отмечены в постановлении бюро Комиссии Советского контроля при СНК СССР от 26 июня 1934 г. «Об антисанитарном состоянии пищевых предприятий, порче продуктов питания и сырья», в котором констатировалось крайне неудовлетворительное качество продукции кондитерских фабрик страны и ставилась задача координации работы санитарных инспекций³⁹. Во исполнение этой задачи постановлением ЦК ВКП(б) от 5 августа 1934 г. «О мероприятиях по улучшению качества рыбных и консервных продуктов» при СНК СССР создавалась Всесоюзная государственная санитарная инспекция⁴⁰.

На Пензенской бисквитной и Самарской кондитерской фабриках на протяжении всего 1934 г. регулярно наблюдались случаи отступления от установленных стандартов⁴¹. Для изжития подобных фактов вышло распоряжение по Управлению кондитерской промышленности НКСнаба РСФСР от 11 августа 1934 г. «О маркировке продукции»⁴². Годом ранее, в Средне-Волжском крае решение об оказании практической помощи артелям промысловой кооперации в деле маркировки и бракеража продукции было принято на заседании президиума крайпищепромсоюза⁴³. По поволжским заводам плодоовощной промышленности вся выпускаемая продукция сопровождалась анализом-паспортом, удостоверявшим ее качество⁴⁴.

Ряд пищевых предприятий Поволжья во время смотра и по его результатам был отмечен на союзно-республиканском и краевом уровне за успехи в борьбе за качество продукции, за лучшую организацию производственного процесса. Так, Богатовский маслозавод занял третье место на Всесоюзном конкурсе по санитарии⁴⁵. Приказом по НКСнабу РСФСР от 23 мая 1934 г. за выполнение условий конкурса по борьбе с потерями Жигулевский завод премировался на сумму в 1000 руб.⁴⁶. На III съезде потребкооперации за лучшее качество хлеба премировались по Самарскому хлебозаводу №1: директор – суммой в 300 руб., председатель ФЗК, технорук, заведующий лабораторией – по 250 руб., ударники – на общую сумму 1250 руб.⁴⁷. Самарская макаронная фабрика по итогам 1934 г. была занесена смотровой комиссией на красную доску⁴⁸. Пензенский мельзавод №35 признавался комиссией лидером края в борьбе за чистоту и порядок на производстве⁴⁹. Коллектив мельзавода №35 за хорошее санитарное состояние предприятия был на Всесоюзной конференции ударников мукомолья (22 декабря 1934 г.), подводившей итоги смотра, премирован на сумму 5000 руб.⁵⁰.

С конца 1934 г. в центре внимания проверяющих организаций снова были предприятия хлебопечения. Многочисленные производственные недостатки мешали нормальной выпечке хлеба на Самарском хлебозаводе №8: бездействовали автоматические весы, в результате чего мука выдавалась со складов «на глазок», в неисправном состоянии находился подъемник⁵¹. Требования к качеству хлеба, выпекаемого поволжскими предприятиями значительно повысились после ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) и выхода постановления СНК СССР от 7 декабря 1934 г. об отмене карточной системы⁵².

В 1935–1936 гг. в Москве и Куйбышеве созывались отраслевые конференции директоров пищевых предприятий, главных инженеров и заведующих теххимическим контролем, а также совещания рабочих-стахановцев⁵³. Их результатом стало значительное

увеличение количества химико-бактериологических лабораторий, на крупных предприятиях обязательным было присутствие инспектора по качеству⁵⁴.

Несмотря на положительные сдвиги в организации контроля за качеством продукции, на пищевых предприятиях на протяжении 1935–1937 гг. постоянно фиксировались различные нарушения. Имелись эпизоды, когда в погоне за учетом выработки (поскольку при расчете зарплаты ключевым был фактор отработанного времени) работники шли на существенные нарушения технологического процесса, что снижало качество продукции. На Казанском птицекомбинате, например, рост брака меланжа объяснялся проверяющими тем, что время от разбивки яйца до отправки меланжа в холодильник своевольно было увеличено со стандартных 20 минут до 50-70⁵⁵.

В хлебопечении, как и прежде, наблюдались случаи брака, связанные с технологическими недостатками⁵⁶, слабой работой заводских лабораторий и, как следствием, наличием в изделиях «начинок»: веревок, монет, пуговиц⁵⁷, нарушениями при транспортировке и разгрузке хлеба⁵⁸. Некоторая доля вины за низкое качество выпекаемого хлеба лежала на мельницах, корпуса которых были заражены амбарными вредителями, что сказывалось на качестве муки. Большое количество дефектной муки получалось также из-за слабой организации теххимконтроля мельничными лабораториями⁵⁹. Систематический анализ продукции по всем мельницам затруднялся недостатком оборудования: так, по Куйбышевскому областному тресту сельхозмукомолья имелось лишь 3 лаборатории и всего 72 магнитных аппарата, при необходимых 270, из-за чего имелись случаи попадания в муку металла⁶⁰.

Похожие примеры наблюдались и в других отраслях: на Нижнеломовском ликероводочном заводе в результате очистки смолки в посудном отделении водка и наливки загрязнялись посторонними примесями⁶¹; на созванном Главпивпромом РСФСР совещании с хозяйственным активом предприятий (27-30 марта 1937 г.), представитель Жигулевского завода говорил, что «из-за вредительских действий лаборатории в бутылки попадали бумажки, окурки, даже один раз попала мышь (причем мышонок умер до того, как попал в бутылку)»⁶²; на совещании у наркома пищевой промышленности РСФСР А.Е. Бадаева с работниками кондитерской промышленности по вопросу выполнения плана 1937 г. директор Куйбышевской фабрики признавал: «В нашу продукцию попадало много посторонних веществ, как: стекло, гвозди, стружки, что являлось результатом вредительской работы»⁶³; проверочная комиссия Куйбышевского горкома ВКП(б) в апреле 1937 г. обнаружила в производственном цехе колбасного завода вместе с мясом, подлежащим переработке в колбасные изделия, утильное мясо (существовала вероятность попадания последнего в готовую продукцию)⁶⁴.

В связи с частыми фактами попадания посторонних предметов в колбасные фабрикатy 10 мая 1937 г. вышло директивное распоряжение А.И. Микояна, запрещающее всем рабочим «иметь при себе во время работы металлические деньги, зеркальца, куски стекла и предметы из пластмасс, чтобы избежать случаев попадания этих предметов в колбасный фарш вследствие недобросовестного или неосторожного обращения с ними»⁶⁵. Однако и во второй половине 1937 г. проверочными комиссиями вскрывались подобные эпизоды: на Пензенском мясокомбинате, например, «в варильный котел попала кошка, в леднике нашли дохлых крыс, в форме оказалась иголка, в перцемолке обнаружены 5-копеечная монета и ржавый гвоздь»⁶⁶. Кроме этого, по Куйбышевскому и Пензенскому мясотрестам имелись большие потери живого скота на базе предубойного содержания⁶⁷.

Значительные потери наблюдались не только в мясной отрасли: на 60% выше предельных норм, например, были потери сахара при рафинировке по Пролетарскому рафинадному заводу – 1,61% вместо 0,99%⁶⁸. Большие потери имелись по Куйбышевскому тресту «Маслопром», где в их результате, брак казеина превышал 20%⁶⁹. На Ульяновском плодovinзаводе за 1937 г. вторично переработали 6 тонн варенья, 13 тонн томатопюре, 40 тыс. литров яблочного сидра⁷⁰.

Похожие недостатки будут характерны для советской пищевой промышленности и в дальнейшем. Тем не менее, за рассматриваемый период удалось добиться значительного улучшения качества выпускаемых изделий за счет внедрения более эффективных технологий производства, ужесточения административных взысканий и увеличения материальной ответственности за выпуск бракованной продукции, введения поощрений за снижение брака.

В целом можно сделать вывод, что созданная в ходе первых двух пятилеток система контроля качества пищевой продукции была достаточно эффективна, что определило ее функционирование и в послевоенные годы.

Примечания

1. За доброкачественный хлеб //Пролетарский путь. 26 октября. 1928.
2. Изучаем недостатки производства //Трудовой путь. 17 января. 1929.
3. ГАПО. Ф.Р-974. Оп. 1. Д. 49. Л. 16.
4. Скориков Т. Узнаем лучшую мельницу в области //Средне-Волжская коммуна. 13 октября. 1928.
5. Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.Р-552. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
6. ЦГАСО. Ф.Р-2181. Оп. 1. Д. 29. Л. 13 а.
7. ГАПО. Ф.Р-974. Оп. 1. Д. 93. Л. 39; Д. 125. Л. 13.
8. ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 107. Л. 8; ГАУО. Ф.Р-1192. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-5; ЦГАСО. Ф.Р-1174. Оп. 1. Д. 10. Л. 71
9. ГАРФ. Ф.Р-5576. Оп. 1. Д. 54. Л. 9.
10. Самарский филиал РГАНТД. Ф.Р-623. Оп. 2-6. Д. 2. Л. 40.
11. РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 295. Л. 212.
12. ГАРФ. Ф.Р-5451. Оп. 14. Д. 264. Л. 83.
13. Быков Е. Недоброкачественный товар бьет рабочего по карману //Трудовая правда. 15 сентября. 1930.
14. За высокое качество бисквита //Трудовая правда. 4 января. 1931.
15. ГАПО. Ф.Р-812. Оп. 1. Д. 48. Л. 15; ЦГАСО. Ф.Р-925. Оп. 1. Д. 34. Л. 44; Улучшить качество продукции //Сталинский бисквитчик. 23 февраля. 1931.
16. ГАРФ. Ф.Р-5471. Оп. 17. Д. 255. Л. 14.
17. ГАПО. Ф.Р-1121. Оп. 1. Д. 5. Л. 91.
18. Рытиков Н. Мобилизуем массы на борьбу за качество //За индустриализацию Средней Волги. № 4-5. 1930. С. 3.
19. ГАПО. Ф.Р-974. Оп. 1. Д. 109. Л. 76; ГАУО. Ф.Р-1192. Оп. 1. Д. 30. Л. 48; ЦГАСО. Ф.Р-751. Оп. 12. Д. 47. Л. 70; Бертенева З. Химлаборатория //Красный бисквитчик. 7 октября. 1931.
20. ГАРФ. Ф.Р-5471. Оп. 17. Д. 4. Л. 18; Ф.Р-7687. Оп. 1. Д. 1. Л. 23; Ф.Р-7860. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.
21. Ильин С. Колдоговорная кампания – важнейшее звено в борьбе за пятилетку в четыре года //Коммунист. № 1-2. 1932. С. 35.
22. Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.Р-218. Оп. 1. Д. 17. Л. 80.
23. СОГАСПИ. Ф. 9497. Оп. 2. Д. 279. Л. 112-113.
24. ГАРФ. Ф.Р-5471. Оп. 17. Д. 467. Л. 7.
25. ГАПО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 2. Л. 15; ГАУО. Ф.Р-1192. Оп. 1. Д. 30. Л. 50; Губители продукции //Мясной фронт. 27 января. 1933.
26. Хозинский В. За высокий выход крахмала из картофеля, против потерь //За пищевую индустрию. 14 февраля. 1933.
27. Рапопорт А. За пересмотр норм потерь, за строгий учет выходов //За пищевую индустрию. 3 января. 1933.
28. ГАПО. Ф.Р-606. Оп. 1. Д. 55. Л. 139; Ф.Р-1175. Оп. 1. Д. 4. Л. 52; Циммерман Х.И. Поднять рабочие массы на борьбу за улучшение качества продукции //Коммунист. № 16-17. 1933. С. 24.
29. ЦГАРМ. Ф.Р-231. Оп. 1. Д. 24. Л. 19; Треугольник мельницы №5 занимается очковитирательством //Волжская коммуна. 20 июля. 1933.
30. ГАПО. Ф.Р-913. Оп. 2. Д. 2. Л. 120.
31. СЗ СССР. 1933. № 73. Ст. 442.

32. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. М., 1985. С. 100–101.
33. ГАРФ. Ф.Р-5471. Оп. 17. Д. 582. Л. 1–2.
34. За боевую реализацию решения ЦК ВКП(б) о пищевой промышленности //Красный Октябрь. 28 июня. 1934.
35. ГАПО. Ф.Р-453. Оп. 1. Д. 1768. Л. 20; СОГАСПИ. Ф. 9362. Оп. 2. Д. 11. Л. 38–39; Д. 12. Л. 1; Вержбицкий Н. Высококачественные, здоровые продукты – трудящимся //Волжская коммуна. 8 июня. 1934; Грязь и мухи на сепараторном пункте //Власть труда. 14 июля. 1934; Маслозавод – образец антисанитарии //Колхозная стройка. 20 июля. 1934; На квашзаводе не знают об обращении ЦК партии //Красная Мордовия. 10 августа. 1934.
36. СОГАСПИ. Ф. 9362. Оп. 2. Д. 12. Л. 26.
37. Расправа с санитарным врачом //Волжская коммуна. 28 июля. 1934.
38. ГАРФ. Ф.Р-7687. Оп. 1. Д. 104. Л. 6.
39. ГАРФ. Ф.Р-7511. Оп. 1. Д. 71. Л. 5–7.
40. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 949. Л. 56.
41. ГАРФ. Ф.А-182. Оп. 1. Д. 1498. Л. 11; Сухов М. О прянике, твердом как камень //Волжская коммуна. 15 ноября. 1934; Юдина Л. Бисквитная все еще в прорыве //Рабочая Пенза. 5 августа. 1934.
42. ГАРФ. Ф.А-182. Оп. 1. Д. 1498. Л. 4.
43. ЦГАСО. Ф.Р-3821. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
44. СОГАСПИ. Ф. 9362. Оп. 2. Д. 12. Л. 28.
45. Передовой завод и его люди //Волжская коммуна. 26 июля. 1934.
46. СОГАСПИ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 438. Л. 31.
47. Резолюции третьего съезда потребкооперации Средне-Волжского края. М.-Самара, 1934. С. 25.
48. РГАЭ. Ф.9192. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.
49. Столяров А. Вести из цехов //Рабочая Пенза. 30 ноября. 1934.
50. ГАРФ. Ф.Р-5471. Оп. 17. Д. 582. Л. 3(об.); Оп. 22. Д. 5. Л. 1.
51. Поставщик брака //Волжская коммуна. 5 декабря. 1934.
52. Сучков Ф.И. Добиться высокого качества выпечки хлеба //Рабочая Пенза. 15 декабря. 1934.
53. РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 5. Д. 11. Л. 25, 42, 46.
54. Пищевая промышленность СССР. М., 1967. С. 289.
55. ЦГАИПДРТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.
56. Демина Г., Дмитриев И. Это не «мелочи» //Рабочая Пенза. 12 мая. 1937.
57. Гурьянов П. «Экспонаты» из треста хлебопечения //Волжская коммуна. 4 марта. 1937; Орлов Б. Кабак в пекарне //Сталинский клич. 6 июня. 1937.
58. Завьялов И.К. О делах на хлебозаводе //Рабочая Пенза. 3 февраля. 1937; Зинин М.И. Не возьми сырого хлеба – не получишь никакого //Красный Октябрь. 16 апреля. 1935.
59. РГАЭ. Ф. 8565. Оп. 1. Д. 280. Л. 17, 27; ГАПО. Ф.Р-1376. Оп. 1. Д. 15. Л. 7; ГАУО. Ф.Р-2401. Оп. 1. Д. 1. Л. 101; ЦГАСО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 5. Л. 62; Сызранский филиал ЦГАСО. Ф.Р-389. Оп. 1. Д. 35. Л. 4; За качество муки //На хлебном фронте. 18 июля. 1935.
60. ЦГАСО. Ф.Р-4052. Оп. 1. Д. 1. Л. 147.
61. ГАПО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 15. Л. 18–20.
62. ГАРФ. Ф.А-190. Оп. 1. Д. 3. Л. 52–54.
63. ГАРФ. Ф.А-182. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
64. СОГАСПИ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 125. Л. 3.
65. ГАПО. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2; ГАУО. Ф.Р-1192. Оп. 1. Д. 86. Л. 13.
66. ГАПО. Ф.Р-1375. Оп. 2. Д. 3. Л. 21.
67. ГАРФ. Ф.А-135. Оп. 1. Д. 30. Л. 51.
68. Морейнис Я.И. Беречь социалистическую собственность //Сахар. № 3. 1937. С. 2.
69. ГАРФ. Ф.А-139. Оп. 1. Д. 207. Л. 7.
70. ГАУО. Ф.Р-2344. Оп. 3. Д. 11. Л. 4.

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИЯ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ РАСКУЛАЧЕННЫХ КРЕСТЬЯН ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ*

© В. А. ВЛАСОВ

Пензенский государственный университет,
профессор кафедры истории, права и методики правового обучения,
кандидат исторических наук,
e-mail: vlasov.penza@mail.ru

© А. В. ТИШКИНА

Пензенский государственный университет,
доцент кафедры истории, права и методики правового обучения,
кандидат исторических наук,
e-mail: madam.tishckina2010@yandex.ru

Обращаясь к изучению имущественного состава раскулаченных крестьян Пензенского края, необходимо выделить, какие источники дохода позволили причислить те или иные семьи к кулацким со всеми вытекающими последствиями. Поэтому под имущественным положением в данном случае мы понимаем основной источник дохода, исключая наличие в хозяйстве другого имущества, например, домов и надворных построек. Так, в изучаемый период особенно престижно было иметь дом под железной крышей, на этот факт обращалось внимание в процессе переписи имущества, из-за этого часто и проводилось раскулачивание, конфискация, но законным основанием это служить не могло. В документах раскулаченных крестьян указываются другие мотивы, о которых и пойдет речь.

Наши подсчеты производились по документам крестьян, лишенных избирательных прав. Они хранятся в Государственном архиве Пензенской области. На каждого главу хозяйства заведено отдельное дело, содержащее данные о поле, возрасте, имущественном положении, роде занятий, судимостях и других характеристиках. При этом раздел об имуществе включает сведения с дореволюционного периода до начала 1930-х годов. Все это позволяет обобщить материалы по проблеме. Всего в нашем распоряжении около 7 тыс. дел пензенских крестьян-лишенцев¹.

Итак, в ходе обработки материалов были выделены следующие категории крестьян, встречающиеся в документах: торговцы, владельцы сложной сельскохозяйственной техники, землевладельцы (свыше 50 десятин), мельники, кузнецы, арендаторы, владельцы предприятий (заводов, мастерских), держатели постоянных дворов (чайных, столовых и тому подобных заведений), пасечники, шинкари, лесопромышленники.

При этом самым многочисленным среди раскулаченных крестьян является слой торговцев – 3662 главы семьи, что составляет 53% от общего количества (6992-х семей). При этом размах торговли не учитывался: торговля по патенту в собственном магазине или продажа хлеба на рынке. Не играл роли и период: до или после революции 1917 г., в течение, какого времени.

Нами отмечен случай, когда крестьянин-бедняк утратил все имущество и в течение нескольких месяцев продавал по деревням мыло с лотка поштучно. Затем во время половодья он потерял весь товар, а впоследствии был причислен к категории торговцев со всеми вытекающими последствиями. Правда, в 1930 г. сельсовет принял решение о его восстановлении в правах².

*Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № П567 «Раскулачивание крестьянских хозяйств (на примере Пензенского края).

Еще один пример. Крестьянин из с. Казеевка Наровчатского района, 58 лет, русский, неграмотный. До 1917 г. имел 10 десятин земли, 3 лошади, 3 коровы, 15 голов мелкого скота. В 1931 г. имел 6 десятин земли и лошадь. Торговал сельхозпродуктами. Вычищен из колхоза как кулак-торговец. Утвержден к высылке в сентябре 1931 г. Семья из 5-ти человек, все трудоспособны.

Следующая группа – владельцы сложной сельскохозяйственной техники – 2460 чел., что составляет 36% от общего количества. Сложная сельхозтехника в крестьянских хозяйствах применялась в основном для обработки и переработки продуктов. Чаще всего в документах упоминаются молотилки, маслобойки, крупорушки, просодранки, шерстечесалки и тому подобное. При этом если на этих предприятиях применялся механический двигатель или наемный труд, хозяйство причислялось к «кулацкому». Если подобные предприятия работали на силе ветра или воды, то налоговое обложение зависело от доходности. Особое внимание властей привлекали хозяйства, систематически отдающие в наем сложные сельхозмашины с механическим двигателем (еще один признак кулацкого хозяйства).

Например, крестьянин из д. Поливаново Башмаковского района, 55 лет, русский. Владел маслобойкой, просорушкой и другой техникой (технический двигатель), арендовал 10 га земли, лошадь, корову, 4 овцы. Избирательных прав лишен в 1927 г. как предприниматель. Привлекался к суду и штрафовался в 1928 г. за несдачу гарнцевого сбора. Имущество отчуждалось по ст. 61 УК РСФСР весной и осенью 1929 г. Семья раскулачена в феврале 1930 г. по II категории, сам хозяин арестован органами ОГПУ как неблагонадежный. В семье 9 человек, из них трудоспособных – 2.

В особую группу решено выделить мельников – 998 чел. Как видно, это было доходное предприятие при любой власти. Упоминаются водяные, ветряные, паровые мельницы, «с нефтяным двигателем». В документах встречаются случаи владения мельницей на двоих, троих человек. При этом раскулачивание производилось для каждого владельца. Хозяйства, имеющие ветряную или водяную мельницы с двумя или более поставами, независимо от того, обложены ли эти хозяйства в индивидуальном порядке или нет, однозначно считались кулацкими.

Например, мельник из села Воскресеновка Пензенского р-на, русский. Участник гражданской войны, до 1923 г. служил в РККА. Избирательных прав лишен как предприниматель. Решение о выселении относится к 1930 г. В семье 6 человек.

Следующая по численности группа – крупные землевладельцы (свыше 50 десятин) – 900 чел., что составляет 13% от общего количества. Среди землевладельцев встречаются бывшие помещики (72 чел.) и помещицы (9 чел.). Как видно из нижеследующих примеров, к 1930-м годам их хозяйство уже мало походило на помещичье. Среди крупных землевладельцев встречаются также хуторяне (16 чел.) и отрубники (12 чел.). Как видно, их хозяйство также было доходным, что позволяло использовать наемных работников и организовывать сельскохозяйственные предприятия.

Например, купчиха, помещица из села Городище, 48 л., русская, образование высшее. До революции имела 500 десятин земли. Избирательных прав лишена в 1918 г. Имущество отчуждено в 1931 г. за неуплату налогов. Выселена по II категории в марте 1931 г.

Крестьянин, владелец хутора, 58 лет, русский, грамотный, в колхозе не состоял, кулак, лишен избирательных прав в 1929 г. как бывший землевладелец. На службе в советских учреждениях работал непрерывно до 1929 г. До 1917 г. имел хутор на 200 десятин земли, 20 лошадей, 25 коров, несколько голов мелкого скота, молотилку, жатку, 7 годовых и 15–20 сезонных работников. В 1931 г. не имел ничего. Раскулачен. Арестован 2.04.1933 г., выселен из г. Пензы в майскую операцию 1933 г.

Следующая группа раскулаченных – арендаторы (706 чел.), что составляет 10% от общего количества. 1 февраля 1930 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и борьбе с кулачеством»³. В нем отменялся закон,

разрешающий аренду земли и применение наемного труда. Хозяйства, арендующие пахотную землю в размерах, превышающих трудовую норму, а также арендующие промышленные сады и огороды, при условии, если в этих хозяйствах систематически применялся наемный труд, считались кулацкими. Исключение составляла сдача помещений под медпункт, школу, детские ясли и т. п., если арендная плата не превышала 500 руб. (не «кабальные условия»). Кабальность сделок устанавливалась в каждом отдельном случае районной налоговой комиссией.

Для Пензенской губернии было характерно значительное распространение арендных отношений. В 1927 г. до 20% хозяйств сдавали в аренду свои земельные наделы. В большинстве случаев это было характерно для беднейшей части населения, вынужденной сдавать землю за низкую арендную плату⁴. Подобный пример представлен ниже. Как видно, в данном случае все закончилось для крестьянина не так плачевно.

Бедняк из с. Васильевка Пензенского района, 39 лет, русский, был зачислен сельсоветом в категорию зажиточных. Лишен избирательных прав в 1929–1930 гг. за аренду земли, восстановлен в декабре 1933 г. Имущество конфисковано за неуплату налогов и задатков на трактора. Семья 7 чел.

Следующая группа среди раскулаченных – владельцы предприятий промышленного типа, ремесленники – 572 чел. или 8,1%. Чаще всего среди подобных предприятий в делах крестьян упоминается кожевенный завод. Весь перечень заведений достаточно разнообразен и дает возможность представить полную картину развития производства в сельской местности. Среди крестьян есть владельцы заводов (по убыванию): кирпичных, маслозаводов, крахмальных, дегтярных, «салотопенных», винокуренных, конезаводов, красильных, заводов по обжиганию угля, мыловаренных, колбасных, пенькопрядильных, канатных, свечных, паточных, овчинных. В тексте также упоминается об организованном производстве веревок, мочала, рогож, а также пекарном предприятии. Среди раскулаченных много кузнецов – 62 чел. К этому перечню можно добавить владельцев мастерских: бондарных, слесарных, сапожных, шорных, валяльных, колесных, шапочных.

Кроме того, довольно значительную группу составляют пасечники – 134 чел. Их также можно отнести к предпринимательской прослойке, получающей доход и использующей, в зависимости от количества ульев, наемную рабочую силу. Следовательно, они также подлежали раскулачиванию. Сложно было отличить кустаря от эксплуататора, в этом случае предписывалось обратить внимание на применение систематической скупки сырья для предприятия и продажу продукции на частном рынке.

Следует подчеркнуть, что использование наемного труда являлось одним из главных оснований для причисления к кулакам. Такие крестьяне рассматривались как эксплуататоры. Исключением являлись «особые обстоятельства»: использование одного работника в случае болезни, мобилизации, избрания на важную общественную должность, ухода на сезонные работы. Не считался нарушением найм пастуха, нянь для ухода за детьми, сезонных работников по трудовому договору при освоении целины. Наемный труд в Пензенской губернии находил главное применение в сельхозработах и пастушестве. По неполным данным, в губернии насчитывалось около 15000 батраков. Главным поставщиком рабочей силы являлась беднота.

Хотя признаки кулацких хозяйств были сформулированы в Постановлении СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде»⁵, впоследствии их перечень неоднократно дополнялся, а с 1931 г. это право было предоставлено облисполкомам. Таким путем к 1931 г. в число признаков кулацких хозяйств было включено получение дохода от занятия извозом, содержание постоянного двора, чайного заведения, ростовщичество и другие «нетрудовые доходы», в том числе в качестве служителей религиозных культов.

В Пензенском крае, как видно из документов, были достаточно распространены постоянные дворы, чайные, столовые, питейные заведения. По количеству владельцев это

была довольно значимая группа среди раскулаченных – 149 чел. или 3% от общего количества. Характерно, что встречается и особая категория шинкарей, с которыми боролись правительства во все времена. Их насчитывается 14 человек. «Нетрудовые доходы» в виде ростовщичества получали 53 человека.

«Служителями религиозного культа» в делах крестьян назван 41 человек. Основная масса священнослужителей относилась к «лишенцам», не имевшим права голоса на выборах в Советы, а часто и приравнивалась к кулакам. К началу 1931 г. было закрыто около 80% всех сельских храмов страны, значительная часть духовенства попала в разряд «раскулаченных»⁶. Множественные примеры подтверждают это положение.

Мулла из с. Могилки Камешкирского района, 1896 г.р., татарин, грамотный. До 1917 г. имел 4 десятины земли, лошадь, корову, 5 голов мелкого скота, 1 годового и 2 сезонных работников. Избирательных прав лишен в 1928 г. как служитель культа и обложен индивидуальным сельскохозяйственным налогом. Арестован в марте 1931 г. и выслан. Семья 5 чел., трудоспособных – 2.

Следующая по численности группа среди раскулаченных – лесопромышленники. Судя документам, это была крупная отрасль производства, также получившая достаточное развитие в Пензенском крае. Наиболее часто встречаются владельцы лесопильных заводов, предприятий по заготовке и сплаву леса по рекам, торговцы лесоматериалами. В документах они названы лесопромышленниками – 133 человека или 2% от общего количества.

К примеру, лесопромышленник из с. Алферьевка Пензенского района, 51 год, русский, грамотный, крупный торговец скотом. Состоял в колхозе с 1929 г. Трижды лишен избирательных прав. До 1917 г. имел 200 десятин земли, 20 лошадей, 8 коров, 1000 голов мелкого скота, половину конной молотилки, лесную пристань, 5 годовых и 50 сезонных работников. Арестован в марте 1931 г. Выслан с семьей из 10 человек, трудоспособных – 5.

Этот пример также показывает, что среди раскулаченных Пензенских крестьян встречаются случаи, когда сразу несколько кулацких признаков определяются в хозяйстве. И это естественно, поскольку владелец лесной пристани, мельницы, кузницы или другого предприятия занимается также торговлей произведенной продукцией, а также является эксплуататором, нанимая работников. Поэтому результаты наших подсчетов скорее отражают соотношение различных кулацких групп, чем показывают их абсолютное количество.

То есть, можно утверждать, что среди раскулаченных пензенских крестьян основную массу составляют торговцы (более половины). При этом торговля и эксплуатация являлись сопутствующими явлениями при большинстве других кулацких признаках: наличии предприятия, крупного землевладения и других. Поэтому в конкретных хозяйствах они тесно переплетались между собой.

Еще одно обстоятельство, отчетливо проявившееся в документах: подобные источники дохода существовали в изученных хозяйствах преимущественно в дореволюционный период, реже – в период НЭПа. Причем, если хозяйство утрачивало прежние источники доходов в результате, например, самораскулачивания, оно все равно подвергалось раскулачиванию как сохранившее возможность пользоваться доходами прошлых лет.

Часто причинами отнесения крестьянского хозяйства к «кулацкому» становились неуплата индивидуального налога, отказ от выполнения «твердого задания», нежелание вступить в колхоз. Основная роль во многих случаях отводилась не конкретным экономическим признакам, а «социальному лицу хозяйства и степени зависимости от него окружающего населения». Характерно, что в таких обстоятельствах определить можно было только «исключительно при помощи общественности»⁷. Во внимание принимались родственные связи, неосторожные высказывания или личная неприязнь членов местных органов власти. Таким образом, признаки кулацких хозяйств являлись основным, но не единственным основанием для раскулачивания крестьян.

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.Р-889. Оп. 1. Д. 1-6626.
2. Там же. Д. 4914. Л. 1.
3. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. № 9. 1930. Ст. 105.
4. ГАПО. Ф.П-54. Д. 175. Л. 13-15.
5. Собрание законов и распоряжений ... № 34. 1929. Ст. 301.
6. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: 1927–1939. Документы и материалы: В 5-ти томах. Т. 3. М., 1999-2001. С. 18-19.
7. Признаки кулацких хозяйств, установленные законом о СХН на 1931 год. Псков, 1931. С. 5-6.

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ МОБИЛИЗАЦИЙ ЛОШАДЕЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

© А. В. ЛОСЯКОВ

Пензенский государственный университет,
аспирант кафедры новейшей истории России и краеведения,
e-mail: losyakov_1987@mail.ru

В период Гражданской войны, когда лошади были просто необходимы Красной Армии, военно-конская повинность была введена декретом Совнаркома 26 июля 1918 г. для успешного формирования армии и обеспечения ее в кратчайшие сроки лошадьми, повозками, упряжью. Но свое широкое распространение мобилизация лошадей получила еще задолго до Гражданской войны. Она активно применялась государством еще в 1876 г. и ее целью была поставка лошадей населением при приведении армии в полный боевой состав. Переход к строительству Красной армии на основе всеобщей воинской повинности, развертывание, новых многочисленных частей и дивизий требовали большого количества лошадей, которые были в то время основой подвижности войск. Для обеспечения боевых действий необходимо было доставлять много боеприпасов, вооружения, продовольствия и обмундирования. В условиях Гражданской войны, железная дорога была перегружена, а другие средства доставки практически отсутствовали, гужевого транспорт выполнял основные задания по обеспечению боевых действий войск¹. Большое количество лошадей использовалось в то время для нужд промышленности, сельского хозяйства и государственных учреждений. Наконец, по мере создания кавалерийских частей, соединений, а затем и объединений Красной армии требовались специальные лошади. Набор лошадей производился по мере необходимости².

За мобилизованных лошадей устанавливалась оплата в твердых ценах в зависимости от качества лошади. Сами лошади делились на 4 категории: верховые, артиллерийские, обозные и кавалерийские. Обозные в свою очередь, делились на лошадей 1-го и 2-го разряда³. Лошади, годные под запряжку тяжелых орудий, оценивались в 1800 руб., хорошая верховая лошадь – 1200руб., упряжная 2-го разряда – в 500 руб. Закупка лошадей началась в сентябре 1918 г. в десяти губерниях: Московской, Петроградской, Нижегородской, Владимирской, Пермской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, Пензенской, Вятской. Правительство разъясняло (постановление от 29 декабря 1918 г.), что мобилизация лошадей производится в тех хозяйствах, где имеется более одной лошади. Единственную лошадь могли взять лишь в исключительном случае, когда ее заменяли другой, например изъятый в кулацком хозяйстве, но не отвечающий требованиям строевой службы⁴. Но в реальности не всегда крестьянам доставалась лошадь взамен изъятый.

Общее заведывание учетно-конским делом в республике принадлежало мобилизационному управлению Всероссийского главного штаба и осуществлялось через местные

комиссариаты по военным делам. Окружные военные комиссариаты вели строгий подсчет наличия лошадей в округе и контролировали правильность составления учетными учреждениями ведомостей. Помимо этого обязанностями окружных военных комиссариатов являлись: а) полное и обстоятельное в интересах укомплектования армии ознакомление с условиями и характером коневодства и коневладения в губерниях округа; б) объединение, направление и проверка деятельности губернских комиссариатов по учету лошадей; в) общее руководство и наблюдение за срочным исполнением в округе местными учреждениями работ по своевременному осмотру, как при первоначальном введении нового конского состава, так и при ежегодных осенних и весенних осмотрах лошадей 6-летнего возраста; г) командирование на места хорошо знакомых с лошадьми и правилами конского учета лиц.

Для учета лошадей и руководства общей постановкой учетного дела в Пензенской губернии была образована при губернском военном комиссариате учетно-конская комиссия, в состав которой входили: 1) Председатель, непосредственно ведающий учетно-конским делом в губернии, и члены комиссии; 2) представитель от губернского отделения животноводства комиссариата по земледелию; 3) заведующий отделом по военно-конской повинности мобилизационного управления губернского комиссариата; 4) один или два ветеринарных врача от ветеринарной части губернского комиссариата местного Совдепа; 5) представитель комиссариата внутренних дел; 6) представитель от местного органа центрально-статистического управления⁵. При первоначальном осмотре и приеме на учет лошадей требовались следующие донесения от учетно-конских комиссий: ведомости о наличии лошадей и коневладельцев в учетном районе и сведения об условиях и характере местного коневодства. Волостные и районные военные комиссариаты должны были предоставлять в начале апреля и в начале октября сведения уездным комиссариатам, а те, в свою очередь, не позднее 15 апреля и 15 октября – в губернские и окружные «учетно-конские ведомости» и учетные ведомости коневладельцев. Окружные военные комиссариаты представляли сводку цифровых данных, взятых из уездных учетно-конских ведомостей и учетных ведомостей коневладельцев, в мобилизационное управление Всероссийского главного штаба и в центрально-статистическое управление к 1 мая и к 1 ноября⁶. Лошадей осматривали на специально назначенных сгонных пунктах, где ставили на учет и там же определяли их годность по мобилизации, категорию и назначали цену. О дне приезда комиссий в волость с указанием времени и места сгона лошадей заблаговременно сообщалось населению волостными советами. Они также занимались размещением прибывающих членов комиссии, доставлением подвод по сходным ценам для их разъездов по волости с одного сгонного пункта на другой и из одной волости в другую и принимали меры, чтобы все лошади волости были доставлены в указанные дни на сгонные пункты. За не постановку лошади на учет в указанный срок без уважительной причины, лошадь у виновного отбиралась, и, кроме того, на него налагался денежный штраф до 5000 руб.⁷.

Тяжелое положение на фронте и с мобилизацией лошадей в Пензенской губернии вынудило руководство губвоенкомата издавать жесткие распоряжения, в которых невзирая даже на период уборочной страды приказывалось отбирать с каждой волости по 10 лошадей⁸. Отсутствие достаточного опыта и четкой организации самого процесса изъятия лошадей вызывало вполне понятное недовольство крестьян, не желавших лишиться главной основы жизнеобеспечения. Так, в августе 1918 г. в Нижнем Ломове из-за мобилизации лошадей произошли крестьянские волнения. Для нейтрализации этих «волнений» военком даже был вынужден объявить в уезде военное положение⁹. В Пензенской губернии изъятие лошадей иногда превосходило изъятия в других губерниях; это отмечалось в докладах Пензенского Губернского военного комиссара Серебренникова: «На Пензенскую губернию мобилизаций лошадей по военно-конской повинности приходится больше, чем на соседние губернии»¹⁰. Но это не означало, что в Пензенской губернии лошадей было больше.

Поэтому и население часто пыталось уклониться от учета лошадей. В отчете центрально-статистического управления указывалось, что «иногда целые волости не представляли лошадей». Уездные военные комиссариаты в сведениях о характере коневодства не давали такие данные, как общее число коневладельцев и приведших лошадей, число дворов и безлошадных, недовод лошадей»¹¹. За 1918 г. Пензенской губернией было выдано 3670 лошадей, что объяснялось низкой (почти в 2 раза) закупочной ценой и использованием части денег на зарплату сотрудникам военкоматов, которые несколько месяцев не получали зарплату. Низкая закупочная цена на лошадей вынуждала население продавать их перед мобилизацией. Поэтому в период мобилизации конского состава военное руководство запрещало свободную продажу и покупку лошадей на рынке. Но население часто не исполняло это распоряжение¹². Об этом упоминалось и в телеграмме начальника Всероссийского главного штаба Раттэля: «В некоторых губерниях ведется массовая закупка лошадей на мясо по спекулятивным ценам агентами Центрозакупа, что крайне мешает планомерному проведению поставки лошадей по военно-конской повинности; сама система закупки через подставных порождает бешеную спекуляцию, что создает благоприятные условия воровским комбинациям вплоть до перекупки лошадей уже мобилизованных»¹³. Отреагировав на данную телеграмму, Пензенский губисполком 28 ноября 1918 г. принял следующие меры: покупка лошадей в губернии производилась только контрагентами от Губернского военного комиссариата по выданным им мандатам. Контрагенты, прибыв в город или селение, должны были предъявить свои мандаты местным уездным или волостным исполкомам. Зарегистрировавшись в этих учреждениях, они приступали к закупке лошадей с указанием в каком районе или местности будет производиться закупка. После совершения покупки лошадей контрагенты докладывали учреждениям, выдававшим разрешительные документы, у кого и где были куплены лошади, а те, в свою очередь уведомляли Губернский военный комиссариат. Каждому контрагенту вменялось иметь при себе именные пронумерованные листы от Губернского военкомата, куда заносилось число закупочных лошадей с расписками учреждений¹⁴.

Зимой 1918–1919 гг. Пензенской губернии были даны наряды еще на 8 тысяч лошадей, 750 повозок и саней¹⁵. К марту 1919 г. Орловская губерния поставила 10020 лошадей, Воронежская – 13626, Курская – 14445, Московская – 10200¹⁶. Потребности армии к весне 1919 г. составляли 600 тыс. лошадей, а правительством России было закуплено всего лишь 233 тыс. лошадей¹⁷. Нежелание населения отдавать лошадей было связано в том числе, и с ужасным обслуживанием уже мобилизованных лошадей.

Для сбора мобилизованных лошадей в сентябре в Пензенской губернии были образованы 1-й и 2-й Пензенские губернские конные запасы. 1-й конный запас размещался в Пензе в Артиллерийских казармах, 2-й на станции Белинская. Заведующими конских запасов назначались офицеры-кавалеристы¹⁸. Р.Ю. Поляков достаточно подробно рассмотрел вопрос обслуживания мобилизованных лошадей. Он отмечал, что уборщиками к ним часто приставлялись дети 10-12 лет, которые не обеспечивали должного ухода. Персонал 1-го конского запаса занимался должностным подлогом, меняя бирки на лошадях. Приходили мобилизованные сытые лошади, а бирки с них перевешивали на истощенных старых, которые в скором времени отправлялись на фронт. Руководство этого запаса использовало свое служебное положение в личных целях, приказывая подавать мобилизованных лошадей на дом для перемещения по городу. Воздух в конюшнях был спертый, оставаться там человеку более 5 минут было трудно из-за едких аммиачных испарений. Среди лошадей развивалась мытная болезнь. Кормили лошадей в 2 раза меньше нормы. От недоедания и без воды лошади съедали доски, столбы, гривы, хвосты, что являлось причиной воспаления кишечного тракта и большого падежа. Больных и здоровых лошадей кормили вместе. И в декабре 1918 г. около 20% лошадей 1-го конозапаса были заражены сапом, мытом и чесоткой. Губвоенкому анонимно писали, что в частях происходит, но на это руководство закрывало глаза. Такое отношение отмечалось во всех частях Пензенского гарнизона¹⁹.

Кроме того, в декабре 1918 г. в Пензенской губернии была объявлена повозочная повинность. Из наряда в 1318 повозок мобилизована было только 481 повозка. И только зимой 1918–1919 гг. после нескольких мобилизаций еще 495 повозок²⁰.

Естественно, население, зная об этом, старалось либо как можно выгоднее продать лошадь, либо не предоставлять ее на сборный пункт. О ходе учета конского состава в Пензенской губернии можно узнать из сведений о деятельности Пензенской Губернской учетно-конской комиссии 1919 г.: «В уездах Инсарском, Рузаевском, Краснослободском в настоящее время производится сводка и подсчет лошадей. В Чембарском уезде, по донесению увоенкома, учет лошадей производится плохо, граждане некоторых волостей отказываются выводить лошадей, мотивы отказа полевые работы и невозможный прогон молодняка на сгонные пункты по засеянным полям. В других уездах учет производится нормально»²¹. В протоколе Саранской учетно-конской комиссии отмечался случай непривода лошадей целым селением (с. Белозерье Кривозерьевской волости). Причина навязывалась та же, что коневладельцы перегонять лошадей отказались²².

В Пензенской губернии в виду национального фактора была проблема и с убоем лошадей, так как достаточное количество населения губернии были мусульманами, лошади попросту шли на мясо. Такие же проблемы возникали и в других губерниях с большим количеством мусульманского населения. Поэтому убой лошадей населением был постановлен на контроль Центрозакупа. По инструкции Центрозакупа убой лошадей разрешался в возрасте их не моложе 15 лет и только негодных к работе, а кобыл только холостых²³.

Таким образом, государство, понимая, что изъятие лошадей покупкой по твердым ценам являлось абсолютно невыгодным для крестьян и плачевно отражалось на крестьянском хозяйстве, перешло с весны 1919 г. к добровольной закупке лошадей по рыночным ценам. В 1920 г. военно-конская повинность объявлялась еще дважды по 7-8 лошадей на волость с оплатой по рыночным ценам²⁴. Причины невыполнения запланированных заданий по военно-конской повинности крылись не только в нежелании крестьянского населения отдавать лошадей. Лошади требовались и для различных советских учреждений вместо изъятых у них лошадей кавалерийского и артиллерийского образца. Существовало пять запасных армий, трудовые армии и продармия, требовавшие также большого количества лошадей. Кроме того, для выполнения топливно-гузевой повинности за годы войны было мобилизовано 4 млн. 160 тыс. лошадей. В итоге непопулярный процесс изъятия лошадей, усугубленный слабой предварительной подготовленностью и недостаточной организованностью, сопровождался не только малой результативностью, но и открытым противостоянием самого крестьянского населения²⁵.

Несмотря на то, что в 1919–1920 гг. государство перешло к закупке лошадей уже по рыночным ценам, а саму по себе военно-конскую повинность с ее тяжелыми условиями, когда цены диктовались государством, можно отнести к 1918 – началу 1919 гг., она нанесла большой ущерб крестьянскому хозяйству. По данным Пензенского военного комиссариата в некоторых уездах без лошади практически каждая вторая крестьянская семья обрекалась на выживание²⁶. Лошади на тот момент являлись не только транспортным средством, но и основным орудием труда в обработке полей. Не случайно на заседании пленума ЦК РКП(б) 17 июля 1920 г. на обсуждение было поставлено «предложение председателя ВЦИК М.И. Калинина о замене смертной казни за дезертирство в некоторых случаях конфискацией лошадей»²⁷. За три года гражданской войны у населения по стране было мобилизовано 792937 лошадей, 66058 повозок, 37247 саней, 54935 комплектов упряжи²⁸. В Пензенской губернии по приблизительным данным Пензенского военного комиссариата около 12 тыс. лошадей²⁹. Но за этими сухими цифрами стояли страдания крестьян и голодающие семьи.

Из всего вышеизложенного следует, что интересы крестьян и военно-мобилизационная политика советского государства не совпадали, что являлось причиной

появления массового недовольства и даже фактов противодействия крестьян периода Гражданской войны.

Примечания

1. Овечкин В.В. Изъятие лошадей у населения для Красной армии в годы гражданской войны //Вопросы истории. № 8. 1999. С. 114.
2. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ). 1917–1921 гг. № 55.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 1159. Оп. 4. Д. 39. Л. 2.
4. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» М., 1988. С. 199-200.
5. ГАПО. Ф. 1159. Оп. 4. Д. 39. Л. 2.
6. Там же.
7. Там же. Д. 162. Л. 52.
8. Там же. Ф. 659. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
9. Поляков Р.Ю. Военно-мобилизационная работа местных органов военного управления в 1918 – начале 1919 гг. (по материалам Пензенской губернии) //Дисс... канд. ист. наук. Пенза, 2003. С. 123-124.
10. ГАПО. Ф. 1159. Оп. 4. Д. 39. Л. 2.
11. Там же.
12. Поляков Р.Ю. Указ. соч.
13. ГАПО. Ф. 1159. Оп. 4. Д. 39. Л. 2.
14. Там же.
15. Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 25889. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.
16. Кабанов В.В. Указ. соч.
17. Овечкин В.В. Указ. соч. С. 122.
18. Поляков Р.Ю. Указ. соч.
19. Там же.
20. РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.
21. ГАПО Ф. 1159. Оп. 4. Д. 162. Л. 52.
22. Там же. 4. Д. 39. Л. 2.
23. Народное продовольствие. № 7-8. Февраль. 1919.
24. Кабанов В.В. Указ. соч.
25. Овечкин В.В. Указ. соч. С. 123.
26. ГАПО. Ф. 1159. Оп. 4. Д. 39. Л. 2.
27. Овечкин В.В. Указ. соч. С. 123.
28. Там же.
29. РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СТАРТ» Г. ЗАРЕЧНЫЙ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГОДОВ

© О. В. ЯГОВ

Пензенский государственный университет,
декан историко-филологического факультета, профессор кафедры новейшей истории
России и краеведения, доктор исторических наук,
e-mail: yagovdom@mail.ru

© О. А. СУХОВА

Пензенский государственный университет,
зав. кафедрой новейшей истории России и краеведения,
профессор, доктор исторических наук,
e-mail: savtemp@yandex.ru

Итогом первого кризиса времен холодной войны становится принятие руководством СССР масштабной программы по разработке и производству оружия массового поражения. В условиях формирования биполярной системы международных отношений залогом национальной безопасности стала концепция «ядерного сдерживания» или «ядерного устрашения». Советский Союз стремился восстановить нарушенное равновесие и обеспечить военно-стратегический паритет с США по количеству ядерных зарядов. Для этого в кратчайшие сроки было необходимо увеличить производство ядерных боеприпасов и сопутствующего оборудования.

К этому времени в СССР уже функционировало серийное производство ядерных боеприпасов (ЯБП) на заводе «Авангард» в Арзамасе-16, но оно было предназначено для изготовления небольшого количества специзделий (20-30 штук в год) и только в виде авиационных бомб. Более крупные подобные производства были созданы на комбинате «Электрохимприбор» в г. Свердловск-45 и приборостроительном заводе в г. Златоуст-36. В середине 1950-х гг. начал осуществляться переход от первых опытных образцов атомного оружия к крупномасштабной программе формирования советского ядерного оружейного комплекса.

В рамках данной программы распоряжением Совмина СССР от 1 октября 1954 г. и приказом министра среднего машиностроения В.А. Малышева от 7 октября 1954 г. было намечено строительство в лесном массиве на правобережной террасе р. Суры близ г. Пензы приборного завода в системе Минсредмаша СССР с условным названием «завод 1134». Проектное задание на строительство разрабатывалось московским филиалом «Ленгипростроя» и было утверждено в октябре 1955 г. В дальнейшем единым генпроектировщиком завода и города стал ленинградский проектный институт «Ленгипрострой». В 1955 г. начала поступать проектная документация; в поселке Селикса приступили к строительству жилья для строителей и ряда энергосубъектов.

На новом предприятии планировалось создать конвейерное крупное производство ядерных боеприпасов. Такие производства на всех предприятиях носили кодовое название – «второе производство». Согласно утвержденному заданию, номенклатура производства будущего завода включала в себя 37 приборов и узлов пяти различных типов, заметно отличавшихся друг от друга по габаритам, конструктивным и технологическим особенностям: блоки автоматики, бароприборы, радиодатчики, электромеханические приборы, кабели и жгуты. Проектная численность работающих на заводе составляла 3759 чел., общие площади цехов и служб – 39,4 тыс. м², в том числе производственные площади – 22312 кв. м¹.

Выполнение всех строительного-монтажных работ на объекте обеспечивалось отделом капитального строительства в составе дирекции строящегося предприятия, а с началом производственной деятельности – в составе действовавшего завода.

Отдел выполнял огромный объем работ, начиная с обеспечения строительства необходимой документацией, исправления ошибок в ней, обеспечения строительства оборудованием и закрепленной приказом министра определенной номенклатурой материалов по утвержденному перечню, составления титульных списков на объекты промышленного строительства, соцкультбыта, жилого фонда, их выполнения совместно с управлением строительства. Первое время отделом капитального строительства руководил Лев Николаевич Дятлов, работавший на объекте с марта 1955 г. В дальнейшем в связи с ростом объемов строительства в штатное расписание ППЗ была введена должность заместителя директора по капитальному строительству и 1 сентября 1959 г. им был назначен Иван Михайлович Тихомиров. В разные годы эту должность занимали: А.Н. Афанасьев (1962–1966); Ю.В. Волков (1966–1975); Н.Е. Карпов (1975–1976); А.М. Легошин (1976–1997). Длительный период заместителем директора по капитальному строительству был Александр Матвеевич Легошин. За четыре с лишним пятилетки его работы в дирекции завода объем освоенных капитальных вложений вырос вдвое, основные фонды завода и города утроились, а по введенной полезной площади жилой фонд города увеличился в два раза. В книге воспоминаний М.В. Проценко так охарактеризовал своего заместителя: «Трудно переоценить его личный вклад в развитие производства, наращивание мощностей предприятия. Его отличают такие черты, как чувство высокой ответственности за порученное дело, принципиальность, требовательность к себе и подчиненным»².

На протяжении всего периода своего существования градообразующее предприятие носило разные названия: приборный завод № 1134 (п/я 46), ППЗ (п/я А-1209), ПО «Старт». В феврале 1955 г. была создана дирекция строящегося завода. И.о. директора завода был назначен Ю.П. Любовин. В августе директором назначается М.В. Проценко, а Ю.П. Любовин стал главным инженером. Под их руководством с 30 июня 1958 г. началась устойчивая производственная деятельность завода и уже в конце июня 1958 г. заказчику были сданы первые изделия специального назначения – блоки импульсов БИ-1 и завод вступил в число действующих предприятий Министерства среднего машиностроения. Численность работающих на заводе составила 705 чел.³.

1957 г. проходит на предприятии как предпусковой. Выделяется пусковой комплекс, на котором сосредотачиваются усилия, как строителей, так и эксплуатационников, ведущих монтаж и пуско-наладочные работы. С приближением начала производственной деятельности была разработана и утверждена структура предприятия в составе шести основных цехов, пяти – вспомогательных, а также одиннадцати отделов. В декабре того же года создается первый цех. Его начальником был назначен Александр Семенович Великанов, опытный руководитель и прекрасный организатор производства.

В конце июня 1958 г. были сданы ОТК и заказчику первые приборы – блоки импульсов типа БИ-1. Эта первая победа особенно дорога коллективу предприятия. 30 июня (М.В. Проценко упоминает дату – 1 июля) 1958 г. можно – день начала устойчивой производственной деятельности предприятия – принято считать днем рождения завода⁴. До конца года было сдано еще шесть приборов. Годовой план был выполнен по объему на 121%. В последующие три года интенсивно возводились важнейшие производственные объекты. В частности, были сданы в эксплуатацию корпуса, в которых разместились механообрабатывающие цеха № 2, 6, 7, сборочные – № 8 и 9, цех по производству литья и пластмассовых деталей, а также цеха покрытий, деревообрабатывающий, инструментальный, ремонтно-механический. Построены заводоуправление, здание ЦЗЛ и технологической службы, необходимые энергетические и вспомогательные объекты. В 1959 г. был организован цех чувствительных элементов и штамповки № 6. Серьезным достижением завода стало освоение серийного производства и выпуск в декабре 1960 г. первой

партии радиодатчиков типа ВР-11ФМ типа «Вибратор» разработки Московского КБ «Кулон» Минрадиопрома. Главным конструктором разработки являлся Е.Н. Геништа. Новый 1961 г. практически все работники участка комплексной настройки сборочного цеха № 8 во главе с начальником цеха В.И. Новиком встречали на рабочих местах. В эту ночь были сданы ОТК и заказчику первые десять приборов ВР-11ФМ. Задание министерства было выполнено строго в установленный срок.

Специфика радиоприборного производства требовала большого количества специалистов данного профиля, которых остро не хватало. Для выхода из создавшегося положения министерство добилось специальной для завода разнарядки на выпускников вузов и техникумов. В итоге на завод были направлены молодые специалисты из Горького, Ленинграда, Львова, Рязани и других городов, которые в дальнейшем составили основной костяк инженерных сил радиотехнического производства.

3 ноября 1961 г. на базе производственных участков цеха № 8 был создан цех по изготовлению радиоаппаратуры – цех № 9. Начальником цеха был назначен В.И. Новик. В 1963 г. цех возглавил А.С. Воробьев, выпускник Горьковского политехнического института. Это означало, что на заводе и в отрасли в исключительно сжатые сроки (до ноября 1961 г.) было создано собственное современное радиотехническое производство – цех сборки радиоприборов № 9. В дальнейшем цех № 9 стал на заводе самым крупным коллективом с числом работающих свыше 1300 чел. Цех по праву стал ведущим по изготовлению радиоаппаратуры не только на заводе, но и в министерстве. При этом по качеству изготовления приборы, выпускаемые цехом, считались одними из лучших.

В середине 1960-х гг. возникает новое направление радиотехнического производства: осваивается обширная номенклатура бортовой и наземной аппаратуры радиотелеметрических систем спецконтроля (РТС СК). Впоследствии были освоены десятки приборов разработки ВНИИЭФ и ВНИИА: радиоприемные и радиопередающие устройства, датчики, устройства регистрации и выдачи информации и пр. С 1974 г. на предприятии началось освоение второго поколения РТС СК разработки НИИИС. В это же время освоен выпуск аппаратуры тестерного типа.

Особая роль в становлении и развитии Пензенского приборостроительного завода принадлежит М.В. Проценко. Михаил Васильевич родился в 1914 г. в г. Шахты Ростовской области. Окончив Новочеркасский индустриальный институт (в 1938 г.) и получив квалификацию «инженер-электромеханик», он начинает свою трудовую деятельность на комбинате «Североникель» (г. Мончегорск Мурманской области). Организаторские способности Михаила Васильевича нашли свое достойное применение в суровые годы военного лихолетья и в восстановительный период: он возглавлял ведущие производства ряда предприятий страны, был директором строившихся заводов в г. Лесном Свердловской области (1950–1954 гг.), в г. Костроме (1954–1955 гг.).

Обладая огромным и разносторонним опытом работы в строительстве, промышленности и организации производства, Михаил Васильевич принимает на себя всю ответственность за создание нового секретного объекта и города для его работников. Под его руководством в кратчайшие сроки, но с соблюдением всех требований к качеству выполняемых работ был построен крупный промышленный комплекс, современный благоустроенный город. Он смог создать первоклассный коллектив единомышленников, успешно и творчески решавший самые сложные производственные задачи, в срок и качественно выполнявший все правительственные задания.

Михаил Васильевич внес большой вклад в организацию делового сотрудничества и взаимодействия предприятий Министерства в решении общих для отрасли задач. Талантливый руководитель, человек дела, высокого чувства ответственности и принципиальности, уважавший людей труда, он постоянно находился на передовом рубеже всех проблем города Заречного и Пензенской области в целом. Неоднократно избирался членом Пензенского обкома КПСС, членом бюро ГК КПСС, был депутатом городского со-

вета. Его личный вклад в создание завода и города, его отношение к людям стали надежным основанием постоянного роста его авторитета. Михаил Васильевич пользовался заслуженным уважением в коллективе завода, среди жителей города, своих коллег в атомной отрасли. Его трудовые заслуги были отмечены правительством страны: Михаил Васильевич был дважды награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», а также орденом Октябрьской Революции и 10 медалями⁵.

К концу 1961 г. строительство завода в объеме проекта было завершено. В эксплуатацию сданы объекты общей площадью 54 тыс. м². Создан современный приборостроительный завод, на котором работало свыше 4000 чел. К этому времени был освоен выпуск 31 наименования электромеханических устройств, бароприборов, блоков автоматики и других изделий⁶.

В числе первых работников завода, внесших большой вклад в его создание и дальнейшее развитие были заместители директора: И.М. Тихомиров и И.Ф. Костюков; главные специалисты: Ю.Е. Седаков, И.Л. Улицкий, Б.А. Панов; начальники цехов: А.С. Великанов, Ф.А. Иванушкин, Д.М. Крылов, П.И. Лисов, Н.Н. Бербечук; начальники отделов: В.Н. Маринин, В.А. Барышников, П.С. Чегулов; ведущие специалисты, руководители бюро и участков, мастера: Ю.М. Сафронов, М.И. Матвеев, Б.В. Велного, Г.Н. Закаталов, Л.П. Шутов, А.В. Остроухов, Е.Н. Пахомова, Г.Н. Тарасюк, Л.М. Кавалерова, Е.А. Шмагин, В.С. Волков, А.Е. Сарычев, Н.И. Мельников, К.И. Дружинин, Б.А. Тонкошкурков, А.М. Синцов, С.Н. Никулин, И.М. Михно, Р.Н. Убоженко; рабочие: В.И. Голов, В.М. Майоров, К.В. Моосковцев, Н.М. Ризин, Н.П. Шкаев, Н.А. Шияев, В.В. Лушников, А.П. Киселев, Г.М. Терехин, Ф.К. Благов, В.Т. Лысов, Е.С. Курков.

Начало строительства промышленной площадки по сборке и разборке ядерных боеприпасов и ядерных зарядов относится к 1961 г. За два последующих года в эксплуатацию был введен ряд производственных и складских корпусов. Кадровая проблема решалась путем откомандирования на ППЗ опытных руководителей с действовавших предприятий отрасли и организации обучения собственных рабочих и ИТР. В 1961 г. были заложены первые здания. И к марту 1963 г. первый сборочный корпус – здание № 207 – был передан производству. Комплекс второго производства представлял собой громадную территорию, более десятка основных и четырех десятков вспомогательных зданий и инженерных сооружений. Каждый сборочный корпус превышал по своей площади и объему четырехэтажный дом: «Это миницех со своей энергетикой, мощными электромостовыми кранами, кондиционированным климатом в сборочных залах, складами, комплекточными, могучей вентиляцией, бытовыми и административными помещениями»⁷.

По согласованию с начальником Шестого главного управления В.И. Алферовым все производственные цеха и складские помещения второго производства были оборудованы подъездными путями (железнодорожными и автомобильными) и получали и отправляли грузы непосредственно сами, что создавало благоприятные условия для производственно-хозяйственной деятельности объекта.

В августе 1961 г. был создан первый сборочно-снаряжательный цех. Он получил порядковый номер № 16, а с 1974 г. – № 66. На должность начальника этого цеха был назначен А.Я. Титов. Александр Яковлевич родился в 1915 г. в г. Лысково Нижегородской губернии. В 1949 г. ему довелось принять участие в сборке ядерного заряда для первой атомной бомбы. В 1961 г. он был переведен в Пензу-19 на п/я 46, где шло строительство Базы оборудования. В должности начальника сборочно-снарядительного цеха А.Я. Титов проработал до 1967 г. «В 1965 г. заводу было поручено оснащение первого в СССР подземного стартового комплекса межконтинентальных баллистических ракет, – вспоминает М.В. Проценко. – Полигонные испытания выявили недостатки, требовавшие срочной доработки готовой продукции на заводе. И здесь в полной мере проявились организаторские способности А.Я. Титова, сумевшего использовать резервы производственных мощностей цеха и мобилизовать коллектив на ударную работу»⁸. За успешную

производственную деятельность А.Я. Титов награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» (дважды).

В октябре 1962 г. руководством было принято решение о создании на предприятии военно-сборочной бригады (ВСБ) как самостоятельного структурного подразделения. На ВСБ возлагались задачи по сборке и проверке контрольно-серийных изделий, отправке их на полигоны Министерства обороны и проведение испытаний в комплексе с носителями. Штатный состав был определен в количестве 40 офицеров⁹. Начальником бригады в марте 1963 г. стал полковник, участник Великой Отечественной войны, выпускник Краснознаменной ордена Ленина военно-воздушной инженерной академии им. профессора Жуковского, лауреат Ленинской премии Н.Н. Литвинов. Николай Николаевич родился в 1926 г. в г. Георгиевске Ставропольского края. В 1963 г. он прибыл в в/ч 25452 (Пенза-19) и был назначен начальником военно-сборочной бригады и Базы оборудования (2-е производство). Свыше 20 лет Николай Николаевич являлся фактическим организатором становления и развития 2-го производства на предприятии. Под его непосредственным руководством были построены, оснащены и введены в строй все его производственные мощности (более 10 основных сборочных корпусов, более 40 вспомогательных зданий и сооружений), подобраны и обучены высококвалифицированные кадры. В числе его заслуг – организация четкой системы соблюдения и контроля выполнения правил общей техники безопасности и спецбезопасности, трудовой дисциплины, режима труда и отдыха рабочих, благодаря чему за всю историю 2-го производства при высокой степени особой опасности технологических операций на предприятии не было ни одного чрезвычайного происшествия. За особые заслуги в деле защиты Отечества в 1966 г. он был награжден орденом «Знак Почета», а в 1971 г. за успешное выполнение заданий пятилетнего плана по выпуску специальной продукции и внедрение передовых технологий – орденом Ленина.

В 1962 г. прибыла первая группа из 10 молодых специалистов, окончивших химикотехнологические институты в городах Казани и Куйбышеве по специальности «производство боеприпасов» и группа молодых специалистов-техников, закончивших техникумы в городах Чапаевске и Дзержинске¹⁰. С комбината «Электроприбор» (г. Лесной) прибыли опытные специалисты А.Я. Титов, М.И. Толкачев, Ю.Б. Тананин, М.А. Мартынов. Внесли свой вклад в становление и развитие производства ЯБП военнослужащие, прикомандированные к Минсредмашу в составе военно-сборочной бригады (руководитель ВСБ – начальник производства Н.Н. Литвинов, руководители групп – офицеры А.П. Шустиков, Д.С. Секерин, А.Г. Першин, Ю.А. Кондрашов).

Первым специзделием, самостоятельно собранным на предприятии, стала ядерная боеголовка разработки ВНИИТФ (г. Снежинск) к первой баллистической ракете с подводным стартом (декабрь 1963 г.). Это были ядерные боеголовки для баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок, аналогичные американским ракетам «Поларис». В дальнейшем боеголовками завода оснащались самые совершенные, мощные и сложные наземные ракетные комплексы, некоторые из которых до сих пор стоят на боевом дежурстве.

Первая партия изделий РА-3, как и последующие, могла быть принята заказчиком (армией) на вооружение только после контрольно-серийных испытаний вместе с ракетой-носителем в реальных боевых условиях. По воспоминаниям Ю.А. Кондрашова и А.М. Воробьева, «С того памятного времени – сборки первого изделия для КСИ – и до сегодняшнего дня личным составом военно-сборочной бригады было освоено более 60 типов специзделий и проведены испытания более 400 контрольно-серийных изделий. Пришлось объездить всю территорию Советского Союза: Крайний Север, юг, Дальний Восток и Камчатку, Европейскую часть Союза. Это и полигоны, и войсковые части – практически все виды Вооруженных Сил. Работы по подготовке специзделий проводились как в помещениях, так и на аэродромах и стартовых площадках в любую погоду и в любое время суток и года». Первые контрольно-серийные испытания проходили на Северном флоте. На одном из отдаленных от Североморска причалов изделие в контейнере

было погружено на эсминец, на борту которого расположилась и комиссия. В Кольском заливе предполагалась стыковка контейнера с ракетой-носителем и ее загрузка в подводную лодку. По воспоминаниям Л.Н. Дмитриевского, начальника отдела СКБ, «1 декабря 1964 г. эсминец вышел из бухты вслед за лодкой, которая шла в надводном положении. Оба корабля взяли курс на выход из Кольского залива в Баренцево море... Ждали пуска. Но все произошло неожиданно. Из воды выскочило белое тело ракеты, она удалилась от поверхности моря на 12-15 метров, раздался громкий хлопок и заработал двигатель. Ракета уверенно набрала скорость и высоту и скрылась за облаками.

К вечеру этого же дня с места «финиша» ракеты были получены зафиксированные в момент взрыва параметры, которые оказались полностью соответствующими норме. Партия серийных изделий РА-3, выпущенных заводом, была этим испытанием защищена»¹¹.

В 1965 г. строительство второй площадки в объеме проекта было завершено. Был сформирован второй сборочно-снаряжательный цех № 15 (с 1974 г. – № 65). Первоначально общая численность работающих на данном производстве составляла около 200 чел., а уже в начале 1970-х гг. коллектив насчитывал более 500 работающих.

После завершения формирования сборочного производства ЯБП по условиям режима и охраны завод стал относиться к объектам первой категории. Заречный получил статус закрытого города.

Представители заказчика предъявляли высокие требования к качеству продукции. Внешний мониторинг производственного процесса осуществлялся постоянно. Необходимость жесткого контроля объяснялась важностью тех задач, для которых выпускалась военная техника на предприятии.

С начала производственной деятельности завода и до середины 1960-х гг. конструкторская группа в составе Л.И. Барсуковой, А.В. Кабатова, С.С. Седаковой входила в состав технологического отдела. В мае 1960 г. был образован отдел главного конструктора (ОГК). Начальником ОГК был назначен С.К. Баюшев, прошедший школу Горьковского автозавода и КБ – разработчика РФЯЦ-ВНИИЭФ. В ОГК были созданы первые конструкторские группы по тематическим направлениям производства: барометрических приборов (руководитель Д.П. Петров), электроприборов (руководитель А.В. Кабатов), радиоприборов (руководитель В.Н. Иевлев).

В июне 1961 г. приказом по министерству на базе ОГК было создано серийное конструкторское бюро. Начальником СКБ – главным конструктором завода был назначен Ю.Е. Седаков. Под его руководством были заложены основы системы бездефектной отработки КД, проведены первые инициативные разработки контрольно-измерительной аппаратуры, приборов аппаратуры ТСО, радиоприборов нового класса – РД и «Янтарь», создан экспериментальный цех, начато внедрение работ по созданию системы надежности.

В 1965 г. был успешно запущен в серийное производство радиодатчик АРД, а разработка и освоение всего комплекса ЯБП «27», где функционировал этот РД, были отмечены Государственной премией СССР. Среди удостоенных звания лауреата Государственной премии были главный конструктор СКБ Ю.Е. Седаков и начальник сборочного цеха А.С. Воробьев.

В общей сложности, за годы семилетки (1959–1965 гг.) объем производства по заводу вырос более чем в 20 раз, а выработка на 1 работающего – в 4 раза. На предприятии велась работа по освоению ускоренных методов производства продукции. В частности, было апробировано бескалькировочное размножение путем черчения на прозрачной бумаге марки Д, что снижало затраты труда на разработку документации. В результате производительность ИТР возросла на 15%.

В 1963 г. коллектив п/я 46 плановые показатели по выпуску валовой продукции выполнили на 104,4%, по товарной продукции на 107,7%, производительность труда возросла до 107%, себестоимость была снижена на 7%. В подразделениях предприятия проводилась большая работа по повышению качества выпускаемой продукции, по внедре-

нию передового метода – бездефектной сдачи готовой продукции с первого предъявления. Повысилась требовательность аппарата ОТК, его техническая подготовленность.

Примечания

1. Проценко М.В. Дело, которому я служил. Воспоминания /редакторы-составители И.М. Проценко, О.М. Проценко. Заречный, 2008. С. 133.
2. Там же. С. 135.
3. Ордена Трудового Красного Знамени Федеральный научно-производственный центр федеральное государственное унитарное предприятие «Производственное объединение «Старт» /Под общ. ред. Ю.В. Денисова. Заречный, 2008. С. 24.
4. Энциклопедия города Заречного. Заречный, 2008. С. 415.
5. Там же. С. 426.
6. Проценко М. В. Дело, которому я служил. Воспоминания..... С. 136.
7. Там же. С. 167.
8. Там же. С. 136.
9. Ордена Трудового Красного Знамени Федеральное государственное унитарное предприятие федеральный научно-производственный центр «Производственное объединение «Старт» имени М. В. Проценко». Страницы истории 1954-2010 годы. Заречный, 2010. С. 104.
10. Сборочное производство ядерных боеприпасов /Ордена Трудового Красного Знамени Федеральное государственное унитарное предприятие «Производственное объединение «Старт» /Под общ. ред. Ю.В. Денисова. Заречный, 2008. С. 97.
11. Проценко М. В. Дело, которому я служил. Воспоминания ..... С. 171-172.

РАЗДЕЛ V. ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОВ ИСТОРИИ

© М. И. ЕФРЕМКИН

Пензенский государственный университет,
доцент кафедры философии и политологии, кандидат философских наук,
e-mail: vladimir-efremkin@yandex.ru

Отрицание наличия объективных законов в историческом процессе довольно широко представлено в общественной науке. Так, например, А. Шопенгауэр утверждал, что исторический факт является фикцией, а история представляет собой совокупность «бесчисленных единичностей», организуемых только сознанием историка¹. Г. Риккерт считал, что «понятие исторической науки и науки, формулирующей законы взаимно исключают друг друга»². В русской историографии эту позицию активно отстаивал Н.И. Кареев³. К. Поппер считал, что события в истории неповторимы и потому законов исторического развития не может быть⁴. Такой подход основан на противопоставлении природы и общества и потому не учитывает специфики законов исторического процесса. История общества – это история деятельности преследующего свои цели человека, поэтому законы истории – это законы человеческой деятельности. Диалектическое единство законов и деятельности создает необходимые и достаточные основания для функционирования механизма действия законов общества, исследование которого является обязательной частью исторического познания, поскольку знание механизма действия позволяет определить границы объяснительных возможностей закона в научном познании.

До середины 60-х годов XX в. термин «механизм действия закона» употреблялся довольно редко, но в 70-е годы ему был придан категориальный статус и он стал рассматриваться как важное научное понятие. Понимание механизма действия законов истории связано с исследованием двух важных методологических проблем: 1) проблемы тождества и различия сущности закона и механизма его действия; 2) проблемы правомерности включения «субъективного» в механизм действия закона.

При рассмотрении первой проблемы ряд авторов пытается доказать, что сущность закона и механизм его действия неразделимы. Так, например, Л.И. Греков считает неправомерным относить механизм действия закона к проявлению его сущности и утверждает, что «механизм действия закона – это понятие, в котором выражена структура закона, «устройство его сущности», схема движения от этой сущности к формам ее проявления»⁵.

Эта точка зрения не достаточно убедительна и справедливо подвергается критике ее оппонентами. Действительно, как бы ни были близки сущность закона и механизм его действия, но, ни содержательно, ни функционально они полностью не совпадают, о чем красноречиво свидетельствует гегелевский анализ сущности. Гегель показывает, что сущность и формы ее проявления не совпадают. Он выделяет в характеристике сущности субстратные и субстанциальные определения, выражающие разные степени ее активности. Как основание явления сущность обладает прочной непосредственностью, или субстратом. Сущность как соотнесенный субстрат есть определенная сущность, которая по своему существу имеет в себе самой форму. Определения формы находятся в сущности, которая лежит в их основании как неопределенное, безразличное к ним в своем определении. Они имеют, в сущности, свою рефлексию в себя. Эти рефлексированные определения формы должны были удерживаться в самих себе и быть самостоятельными. Но эта самостоятельность ведет к их распадению, которое вместе с тем есть основание их устойчивости, позволяющее найти свою самостоятельность в ином⁶. *Субстрат*, по Гегелю, «это пассивная субстанция, которая предположила себя»⁷. Субстанцию Гегель рас-

смачивает «как окончательное единство сущности и бытия», «она не нерелефированное непосредственное и не нечто абстрактное, находящееся позади существования и явления, а есть сама непосредственная действительность»⁸. Эта субстанция, когда в нее положено действие, ведет себя как причина, поскольку она в определенной причинности восстановила себя из действия посредством отрицания самой себя. Как непосредственное эта субстанция действует по существу своему как полагающее, поэтому причинность уже не имеет здесь никакого субстрата, которому она была присуща, она сама есть субстанция⁹.

Деятельная субстанция воздействует на пассивную субстанцию, совершая над ней насилие, в котором благодаря своей мощи осуществляет свою власть. Такое насилие не только возможно, но и необходимо, по мнению Гегеля, так как в совершаемом насилии деятельная субстанция обнаруживает и себя, и иное. Подвергаясь насилию, пассивная субстанция получает лишь должное, а теряет при этом свою непосредственность, чуждую ей субстанциальность. В результате пассивная субстанция, с одной стороны, сохраняется и полагается активной субстанцией, а с другой стороны, сливается с собой, делается первоначальным и причиной благодаря себе самой¹⁰. Взаимодействие выступает как взаимная причинность обуславливающих друг друга субстанций. Каждая из них по отношению к другой в одно и то же время и активная, и пассивная субстанция, и потому всякое различие между ними снято, ибо «субстанции есть субстанции лишь постольку, поскольку они тождество активного и пассивного»¹¹.

Гегелевское учение о субстрате как пассивной субстанции и субстанции как деятельной, активной причине позволяет по-новому взглянуть на проблему взаимоотношения сущности закона и механизма его действия. Субстрат по отношению к сущности общественного закона выступает как ее непосредственное материальное основание, а субстанция как деятельное проявление сущности в многообразии являющегося мира, ибо «явление есть сущность в ее существовании»¹². Сущность сначала имеет видимость внутри себя самой. Когда же сущность является себе, она становится реальной видимостью, так как каждый момент видимости обладает существованием. Поэтому явление представляет собой единство видимости и существования. Явление имеет две стороны: существенное существование и несущественное существование, которые начинают соотноситься друг с другом. Существенное существование выступает в форме закона¹³. «Закон, следовательно, – утверждает Гегель, – это *существенное* явление». «Царство законов – это *спокойное* содержание явления; явление есть то же самое содержание, но представленное в беспокойной смене и как рефлексия в иное»¹⁴. Следовательно, царство законов и мир явлений совпадают, но явление богаче закона, который содержит в себе только пребывающее покоящееся, в то время как явление есть «по сравнению с законом целокупность, ибо оно содержит закон, но кое-что еще, а именно момент движущей самое себя формы»¹⁵.

В законе диалектически соединены два определения содержания, связанные между собой. Существенным единством обеих сторон закона, по мнению Гегеля, была бы их отрицательность, т.е. то обстоятельство, что одна сторона содержит в себе свою другую сторону. Однако это существенное единство еще не выступило в законе. Сущность закона – «это лишь *положительная* существенность явления»¹⁶. Здесь все устойчиво, спокойно, внутренне непротиворечиво.

Механизм действия закона есть «его отрицательная существенность, согласно которой определения содержания суть моменты формы, переходят, как таковые, в свое иное...»¹⁷. В механизме действия закон приобретает недостающий ему момент отрицательной формы, момент перехода в иное. Этот момент изменчивости находит свое выражение в возникновении новых форм бытия, имеющих реальность самостоятельного существования. В механизме действия закон реализуется и его содержание становится тождественным самому себе, так как «каждая сторона содержит в самой себе свою дру-

гую сторону и тем самым поистине тождественна и с ней, и с собой»¹⁸. Сущность закона реализуется в механизме его действия и иного способа перевести себя из «пассивной субстанции» в стадию реального существования у закона просто нет. В механизме действия сущность переходит в существование, а до этого она выступала как основание вещи, будучи тождественной самой себе, а теперь она переходит в иное. Получив существование, сущность дала своей новой форме стихию самостоятельной устойчивости¹⁹.

По мнению К. Маркса, общие и необходимые тенденции капитала следует отличать от форм их проявления. «Законы капиталистического производства проявляются во внешнем движении капиталов, действуют как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного капиталиста в виде движущих мотивов его деятельности»²⁰. Именно деятельный характер активной субстанции приводит в движение объективные связи сущности социального закона и наделяет явление существенным существованием. Поэтому совершенно оправданной и правомерной является точка зрения, отстаивающая необходимость различения сущности закона и механизма его действия, ибо только четкое отделение друг от друга этих понятий, уяснение их особенностей и специфики создает необходимые основания для научного понимания принципа и характера существования социальных законов в многообразной человеческой деятельности.

По вопросу о правомерности включения «субъективного» в механизм действия законов общества определились две полярные точки зрения. Ряд авторов считает неправомерным включение «субъективного» в механизм действия социальной закономерности на том основании, что это ведет к снижению объективности законов общества. Так, например, Л.И. Греков убежден, что включение субъективного фактора в механизм действия порождает вопрос, как можно «вмонтировать» в объективный механизм субъективный фактор, т.е. сознательную целесообразную деятельность. Кроме того, такое включение субъективного в объективное, по его убеждению, обязательно ведет к субъективизации действия законов общественного развития²¹. Включение субъективного фактора в механизм действия общественных законов, по его представлениям, приводит к ошибочному утверждению, что объективность законов общества всегда относительна, что абсолютная объективность законов существует лишь в границах определенного отрезка времени, по отношению к определенному социальному субъекту и на определенной стадии развития. Отрицание абсолютной объективности социальных законов ведет к отрицанию объективности законов вообще, пишет он в другой работе²².

Общественные законы, по мнению Л.И. Грекова, безразличны к целенаправлению, они прокладывают себе дорогу через социальные связи, которые объективно воссоздаются деятельностью людей независимо от того, чем они руководствуются, понимают ли общественные последствия своих действий, как организованы, насколько активны и настойчивы. Специфика законов общества видится им в том, что они осуществляются людьми и если бы люди ничего не делали, то не было бы никаких законов. Но из этого вовсе не следует, убеждает нас Л.И. Греков, что в социально-философских исследованиях мы не можем отделить друг от друга неразрывно связанные в реальном процессе такие его компоненты как социальные законы и целенаправленную деятельность людей. Он считает, что вопрос о механизме действия социальных законов «относится к той группе социально-философских проблем, исследование которых нужно осуществлять, лишь отвлекаясь от деятельности людей, от того, что в обществе действуют наделенные сознанием люди... Мы полагаем, что такое отвлечение не только правомерно и возможно, но даже необходимо, когда ставится цель (и она, безусловно, правомерна и необходима) логически проследить связи, образующие содержание того или иного закона, выявить главные составляющие элементы закона как такового»²³. При исследовании механизма действия законов общественного развития, делает вывод Л.И. Греков, привлечение категорий, характеризующих деятельность людей, не является необходимым, требуется только выделить из богатейшего спектра явлений человеческой деятельности объективные многооб-

разные отношения и формы, в которых проявляются различные стороны социальных законов, только это дает возможность исследовать механизм действия законов безотносительно к субъективному фактору, независимо от того, познан закон или нет²⁴.

Вызывает серьезные возражения позиция Л.И. Грекова по поводу неправомерного отождествления объективности законов общества и законов природы. Действительно, законы общественного развития соответствуют всем критериям закона, в том числе и признаку объективности, но их специфика состоит в том, что они являются продуктами человеческой деятельности и вне деятельности и помимо деятельности они существовать не могут. Социальные законы образуют объективную основу функционирования общества, от которой люди не могут отказаться, и вынуждены действовать в соответствии с требованиями общественной закономерности, с ней соотносить свои цели, устремления и ориентиры. В связи с этим при определении объективности законов общества необходимо исходить из того факта, что они являются законами человеческой деятельности, представляющей собой единство материальных и духовных факторов, в которой постоянно происходят переходы объективного в субъективное, идеального в материальное, поэтому сам механизм действия законов общественного развития не может быть отгорожен непроницаемой стеной от деятельности людей и происходящих в ней изменений, ибо вне деятельности он превращается в пустую, ничего незначащую абстракцию.

Другая точка зрения отстаивает правомерность и обязательность включения целенаправленной человеческой деятельности в механизм действия законов общественного развития. По мнению Г.Е. Глезермана, «особенность общественной жизни состоит в том, что деятельность людей непосредственно вплетена в способ действия законов общественного развития; она отнюдь не является внешним по отношению к ним фактором»²⁵. Проблема в данном случае заключается не в отыскании оснований для отказа вхождению целенаправленной деятельности в механизм действия законов общества, а в исследовании способов и форм включения в него элементов целеполагания, ибо именно эта процедура имеет первостепенное значение для определения места, роли и функций законов в историческом исследовании. В механизм действия законов входят не сами духовные компоненты, а их объективированные формы, ставшие необходимым фактором действий субъектов, им они вынуждены подчиняться вопреки своим субъективным желаниям, поскольку эти объективированные компоненты соответствуют требованиям законов общественного развития. Раскрытие природы объективного содержания действия законов общества необходимо для создания работающей теоретической модели, способной эффективно содействовать достижению объективной истины в социальном познании.

Анализ механизма действия общественных законов предполагает установление места и роли потребностей и интересов в человеческой деятельности, в структуре общественных отношений. Человеческая деятельность и общественные отношения диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены, они являются сторонами единого исторического процесса: деятельность порождает конкретные общественные отношения и в то же время сама имеет их в качестве необходимого условия своего функционирования и развития. В основе деятельности лежат объективные потребности. Потребность – это необходимость для субъекта некоторой совокупности конкретных условий внешнего мира, требующихся для его жизнедеятельности. Потребность рождается из деятельности, формируется на основе объективных законов, поэтому каждое поколение людей получает от своих предшественников сложившуюся систему потребностей и способов их удовлетворения. Добиваясь удовлетворения постоянно действующих потребностей, люди вынуждены совершенствовать и развивать свою материальную деятельность и неизбежно приходят к необходимости совершенствования конкретных общественных отношений, ибо развившаяся и ушедшая вперед социально-практическая деятельность начинает испытывать затруднения в дальнейшем движении вперед вследствие консервативности существующих общественных отношений. Обновленные общественные отношения открывают новые перспективы в функ-

ционировании и развитии различных форм деятельности и создают социально-необходимую предпосылку функционирования и развития общества как социального организма. Усложнившаяся деятельность в свою очередь неизбежно ведет к воспроизводству и расширению конкретно-исторических потребностей. Так, например, рост городов и формирование класса горожан сопровождался бегством крепостных от своих феодалов. Крестьяне приходили в город и занимали в цеховой организации место, которое определялось объективной потребностью в их труде. Растущая потребность производства в рабочих руках вынуждала цеховую организацию использовать труд беглых крестьян, хотя это, в конечном счете, подрывало основы цехового строя. Так под давлением разнообразных общественных потребностей зарождались и укреплялись буржуазные отношения, обеспечившие переход от феодального способа производства к капиталистическому.

Организация общественной жизни во многом зависит от сложившейся системы потребностей, диалектически связанных с исторически определенными формами человеческой деятельности, свойственными ей объективными законами и действующей системы общественных отношений и связей. Диалектика взаимодействия потребностей и общественных отношений такова, что для удовлетворения актуальной потребности требуются исторически конкретные общественные отношения, изменение которых неизбежно приводит не только к воспроизводству сложившихся потребностей, но и к появлению новых расширенных и усложнившихся потребностей, закономерно связанных с новыми условиями бытия общества. Обогащенные потребности требуют для своего удовлетворения совершенствования социально-практической деятельности, актуализации свойственных ей законов, что, в конечном счете, приводит к возникновению новых, более совершенных общественных отношений. Вместе с тем производство и воспроизводство общественных потребностей само по себе является важнейшей социальной потребностью, лежащей в основе социальной активности субъекта исторического действия. Потребность занимает исторически определенное место в цепи социальной детерминации, отражая своим содержанием объективную общественную закономерность и направление общественного движения, усложнение и совершенствование человеческой деятельности. Потребность через необходимость связана с законом и потому в деятельности людей выступает как проявление общественной закономерности. Люди своими действиями могут ускорять или замедлять развитие общественных процессов в зависимости от того, насколько глубоко и адекватно поняты и последовательно используются требования присущих им законов и условий их действия. Требования общественных законов обнаруживаются в системе общественных потребностей и способах их удовлетворения и потому условия удовлетворения потребности есть вместе с тем и условия действия закона.

Потребность всегда адекватна таким условиям, возможности которых в ее непосредственном удовлетворении значительно ограничены. Она не располагает в полной мере средствами, достаточными для разрешения содержащегося в ней противоречия и овладения предметом потребности и потому она на деле оказывается возможностью абстрактной. Для превращения абстрактной возможности в конкретную требуется качественное преобразование наличных условий, обеспечивающее субъекта необходимыми средствами для разрешения сложившегося противоречия. Соединение потребности со средствами своего удовлетворения приводит к формированию интереса, который переводит побуждение в реальное действие по овладению предметом потребности. «Ничто не осуществляется поэтому помимо интереса», – писал Гегель²⁶.

Интерес есть объективное отношение субъекта к условиям своей жизнедеятельности, побуждающее его бороться за сохранение и развитие благоприятных условий своего бытия, и устранение неблагоприятных. Если потребность ориентирована прежде всего на предмет своего вождения, то интерес направлен на социальные условия, отношения, институты, от которых зависит овладение предметом потребности. В интересе заключен момент отрицания условий, не обеспечивающих удовлетворение потребности, поэтому в

нем постоянно присутствует сопоставление человека с человеком, одной социальной группы с другой. Интересы отражают сложившееся в обществе неравенство в удовлетворении потребностей, социальное положение индивидов, их отношение к экономическому и социально-политическому строю. Они являются исходным звеном детерминации, с которого начинается отражение потребности и ее преобразование в актуальный побудительный фактор человеческой деятельности.

Таким образом, способ и характер удовлетворения интереса, объем его реализации определяется конкретными историческими условиями бытия социальных субъектов, соотношением классовых сил в данный момент и в данном месте, особенности исторической обстановки, социально-политический опыт и культурные традиции страны. Вместе с тем следует иметь в виду, что интересы, будучи объективными, не выступают по отношению к деятельности людей неким внешним регулятором, определяющим и направляющим людей к определенной цели. Они существуют и выражаются только в деятельности и через деятельность, характеризуя уровень ее развития. Интересы являются внутренними детерминантами деятельности, они зависят от деятельности, формируются в ходе ее становления и развития. Содержание интереса обуславливается, прежде всего, объективной необходимостью соответствующей потребности, лежащей в основе данного вида человеческой деятельности, поэтому социальные субъекты могут реализовать свои материальные и духовные интересы, только вступая в разнообразные общественные отношения, участвуя в общественном разделении труда, социальном общении. Побуждая людей к взаимодействию, интересы, с одной стороны, активно направляют их совместную деятельность на получение необходимого совокупного результата, а с другой – принуждают субъектов помимо их воли приводить в движение сложную систему социально-исторических связей, составляющих содержание объективных общественных законов.

Механизм действия общественных законов включает в себя интересы, потому что для реализации того или иного закона необходима заинтересованность субъектов в позитивных результатах данного вида практической деятельности. Так, например, законы товарного производства не могут нормально функционировать, если у производителя отсутствует практический интерес в изготовлении того или иного товара, а следовательно, в осуществлении конкретного вида деятельности. А интересы производителя, как известно, определяются конкретными формами организации производства, обмена и потребления. При этом могут иметь место противоречия между интересами действующих субъектов и тогда механизм действия законов товарного производства начинает давать сбои, в результате чего возникает или дефицит товаров, или их перепроизводство, а в экономике назревает кризис. Чтобы обеспечить эффективные действия этих законов, необходимо ликвидировать или максимально смягчить противоречия, возникшие между классами, наладить деятельность, соответствующую требованиям данных законов. Если взять в качестве примера закон пропорционального развития народного хозяйства, то здесь может иметь место противоречие между интересами поступательного развития народного хозяйства, воплощенными в фонде накопления, и интересами населения, удовлетворение которых обеспечивает фонд потребления. Перекося в сочетании этих интересов, например, недооценка значимости роста фонда накопления может, в конечном счете, привести к замедлению развития народного хозяйства вследствие морального и физического старения основных фондов. К таким же негативным последствиям может привести и недооценка значения роста фонда потребления, итогом которого станет снижение уровня потребления в обществе и ослабление заинтересованности населения в повышении экономической эффективности производства. Следовательно, при отсутствии у субъектов истории стойкого интереса к определенным видам деятельности функционирование соответствующих общественных законов может быть существенно затруднено или станет вообще невозможным, так как прекратится взаимодействие связей и отношений, составляющих содержание данного закона.

Общественные интересы, опираясь на потребности людей, в конечном счете выражают объективные социальные законы. Благодаря этому интересы преобразуют действия законов в цели и стремления людей, принуждая их действовать в соответствии с требованиями законов. Поскольку материальные интересы различных социальных групп могут не совпадать и даже быть противоположными, постольку в сфере интересов всегда имеются стороны и тенденции, тормозящие действие объективных социальных законов, в противовес сторонам и тенденциям, способствующим их функционированию. При господстве частной собственности противоречия и конфликты в сфере интересов серьезно осложняют функционирование механизм действия экономических законов и являются одним из источников стихийности общественного развития. По мере познания экономических законов и возрастанию общности интересов стихийность общественных процессов снижается, и люди вполне осознанно стремятся к созданию условий для реализации требований закона и тем самым содействуют единству действия законов общества и действий масс, реализующих эти законы. Экономические законы действуют эффективнее, если их требования сочетаются с потребностями и интересами людей и тем самым открываются возможности для воздействия на объективные процессы развития общества.

Таким образом, интересы, формируясь на основе объективных общественных законов, сами в то же время становятся важнейшим звеном механизма действия законов развития общества, своеобразными приводными ремнями от объективных законов к целенаправленной деятельности людей, ибо интересы возникают не только как выражение зависимости субъекта от системы общественных отношений, но и как стремление изменить эти отношения и создать более благоприятные условия для удовлетворения объективных общественных потребностей.

Примечания

1. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. II. М., 1901. С. 452-460.
2. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1903. С. 225.
3. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. 1. М., 1883. С. 105.
4. Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. №8. 1982. С. 72.
5. Общественная практика и общественные отношения. М., 1989. С. 154.
6. Гегель. Наука логики. Т. 2. М., 1971. С. 75.
7. Там же. С. 219.
8. Там же. С. 204.
9. Там же. С. 217-218.
10. Там же. С. 219-220.
11. Там же. С. 222.
12. Там же. С. 134.
13. Там же. С. 135.
14. Там же. С. 140.
15. Там же.
16. Там же. С. 141.
17. Там же.
18. Там же. С. 148.
19. Там же. С. 111.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 326.
21. Греков Л.И. К вопросу о механизме действия и использования законов общества // Вопросы философии. №3. 1982. С.83.
22. Общественная практика и общественные отношения..... С. 154-155.
23. Там же. С. 162.
24. Там же. С. 163.
25. Глезерман Г.Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979. С. 179.
26. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. С.32.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ

© Д. Р. ЗАЙНУТДИНОВ

ЧОУ ВПО Институт социальных и гуманитарных знаний,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
руководитель Центра правового просвещения ИСГЗ,
e-mail: knight_1988@mail.ru

В историческом пути развития политической и правовой мысли в первую очередь выделяется процесс идейной борьбы, шедший одновременно с этапами познания природы права и государства, трансформаций представлений о свободе, о должном государственном и общественном устройстве, о правах и свободах человека. Профессор В.С. Нерсисянц отмечал: «В ней (во всемирной истории политических и правовых учений – Д.З.) сконцентрирован громадный политико-правовой опыт прошлых поколений, отражены основные направления, вехи и итоги предшествующих исследований проблем свободы, права, законодательства, политики, государства»¹. В свою очередь история политических и правовых учений Российского государства, также является важной составляющей духовной культуры нашего народа.

Подходя к изучению антибольшевистского лагеря, и в частности белого движения, с позиции развития политико-правовой мысли особо выделяются возникшие в ней новые направления и течения. Эволюция политических и правовых учений в антибольшевистском лагере, а также формирование самой «белой» идеи как идеологической вариации, представляется отдельным этапом в истории требующим специального исследования.

Непосредственное влияние на формирование политико-правовой мысли данного периода оказали выдающиеся правоведы, юристы, философы бывшей Российской империи и впоследствии составившие интеллектуальный массив антибольшевистского лагеря и белого движения. К ним можно отнести: И.А. Ильина, И.В. Гессена, Н.Н. Алексеева, П.И. Новгородцева, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкого, Г.К. Гинса, В.В. Шульгина, А.В. Кривошеина, А.В. Карташева, М.М. Винавера, С.А. Котляревского, В.Д. Набокова, Н.Н. Чебышева, С.Н. Прокоповича. Приведенный список является далеко не исчерпывающим.

Идеологи антибольшевистского лагеря и белого движения правоведы, юристы, философы глубоко изучали проблемы права и государства, базируясь на доктринальных основах первостепенствующих в то время идеологий консерватизма, монархизма, либерализма, демократии и социализма. Независимо от поддерживаемых ими различных доктрин, объединяло одно – стремление к воспитанию качественно нового правосознания у русского народа, основанного на понимании и осознании права как высшего источника свободы личности.

О естественном праве много говорилось в дореволюционной и революционной России, и оно приобрело еще больший смысл в период Гражданской войны. Неоспоримый факт, что политико-правовая мысль антибольшевистского лагеря и белого движения, независимо от привязанности к какой-либо идеологии, естественное право, ставила на ступень выше права положительного (позитивного права). При этом утверждение и совершенствование механизмов гарантии и защиты, естественных прав, а также достижение признания властью их главенствования и неотъемлемости, ставилось идеологами в качестве основной цели, для осуществления которой требовалось время. Вышесказанное подтверждается философско-правовой мыслью И.А. Ильина: «Создать естественное право есть идеал, который еще далеко не осуществлен; отмена правовых норм, допускающих рабство, пытки, телесное наказание, крепостное состояние, бесправное положение женщины и т. д., свидетельствует о том, что дальнейшая работа здесь необходима, и возможна»².

Идеологи антибольшевистского лагеря и белого движения также уделяли особое внимание и проблематике положительного права. Его развитие виделось в реформировании правовой системы Российского государства, с привнесением в нее социально-правовых норм направленных на охрану прав человека. Однако положительное право могло строиться лишь на основе фундаментальных принципов доктрины естественного права. Здесь можно вновь вернуться к высказываниям И.А. Ильина: «... в составе положительного права, установленного и применяемого властью, могут быть морально-нравственные нормы, и притом, чем больше их, тем положительное право совершеннее. [...] естественное право является *идеалом* положительного права»³; «... основная задача положительного права состоит в том, чтобы *принять в себя содержание естественного права*, развернуть его в виде ряда *правил внешнего поведения*, приспособленных к условиям данной жизни и к потребностям данного времени, придать этим правилам *смысловую форму и словестное закрепление* и, далее, *проникнуть в сознание и к воле людей* в качестве *авторитетного связующего веления*»⁴. Опять-таки все свидетельствует о том, что естественное право заняло главенствующее место в политико-правовых и философско-правовых работах в периоды дореволюционной России, Гражданской войны и последующей эмиграции.

Доказательством того, что правоведами, философами и юристами антибольшевистского лагеря и белого движения больше внимания уделялось проблемам естественного права, и ему отдавалась главенствующая роль по отношению к положительному, являются исследования в аспекте соотношения с правом определенных духовных категорий – морали, нравственности, религии. Наш современник специалист в области философии права, политических и правовых учений В.С. Нерсисянц, замечает в отношении одного из «белых» теоретиков Е.Н. Трубецкого: «В подходе Трубецкого присутствует мысль о гармонизации позитивного права с естественным правом, причем естественное право «звучит как призыв к усовершенствованию», играет роль движущего начала в истории. Идея естественного права, по толкованию Трубецкого, дает человеку силу подняться над его исторической средой и спасает его от рабского преклонения перед существующим»⁵. Так согласно естественно-правовым воззрениям некоторых «белых» идеологов, в частности Е.Н. Трубецкого, нормы положительного права, не являются результатом деятельности государства (хотя и выражаются в официальных документах – нормативно-правовых актах), а наоборот, государство выступает продуктом права.

Преобладание теоретических положений естественного права в политико-правовых учениях антибольшевистского лагеря и белого движения обусловлено, прежде всего, влиянием определенных периодов общественных потрясений: Русско-японская война, Первая русская революция, Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война, «большевизация» страны. Именно в данные периоды ценность естественного права становится очевидна. Его нормы – это начала разумности, добродетели и справедливости, которые, безусловно, доминируют над доктриной положительного права, являясь для него идеалом.

В целом, в область естественного права, помимо объективных общих характеристик присущих праву, также входят моральные, этические и нравственные. Как отмечает профессор А.В. Мелехин: «В результате такого смешения естественное право представляет собой симбиоз различных социальных норм, образующих ценностно-содержательный и нравственно-правовой комплекс»⁶. О факторе главенствования естественного права, а также о его нравственно-правовой ценности пишет и Е.Н. Трубецкой: «Естественное право есть синоним *нравственного должного в праве*»⁷; «Естественное право вообще не заключает в себе никаких раз навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи»⁸. Следовательно, комплекс вышеупомянутых явлений в естественном праве, таких как мораль и нравственность, при всем

том, что в нем толкование свободы и справедливости идет не как характерных формально-правовых понятий, а как фактически-содержательных моральных феноменов или смешанных морально-правовых явлений, не умоляет его значения, но лишь наоборот придает естественному праву существенную весомость и черту абсолютности.

Значимость теории естественного права отмечали многие философы, принадлежавшие к антибольшевистскому лагерю и белому движению, в том числе П.И. Новгородцев являвшийся сторонником его «возрождения». Этот ученый в своих трудах уделял много внимания автономии личности, исследуя такие категории естественного права, как свобода и равенство, он признавал их ее неотъемлемыми составляющими. От данных убеждений он не отступил и после Октябрьской революции. Анализируя политико-правовые учения П.И. Новгородцева, профессор В.С. Нерцесянц отмечает следующее: «Абсолютный нравственный идеал (т.е. естественное право в трактовке Новгородцева) применительно к позитивному праву играет ту же роль критерия и ориентира нравственного целеполагания и прогресса, как и в отношении к историческим формам государства. С учетом этого П.И. Новгородцев подчеркивал, что для внедрения в современную позитивистскую юриспруденцию нравственных идеалов «требуется именно возрождение естественного права с его априорной методикой, с идеальными стремлениями, с признанием самостоятельного значения за нравственным началом и нормативным рассмотрением»⁹.

Особое место в учениях П.И. Новгородцева занимает теория правового государства, которую он теснейшим образом связывает с естественно-правовой теорией, что описано в труде «Об общественном идеале»: «С давних пор теория правового государства вдохновляется идеей естественного права как представлением об общечеловеческой справедливости, осуществляемой в положительном праве. Идеальное преобразование общественных форм должно, согласно этой теории, дать высшее торжество идее права, идее планомерного и справедливого регулирования жизни. Совершенное правовое государство в идее должно обнять всех граждан нормами идеального естественного права, и постепенное приближение к этому идеалу возможно именно потому, что есть такие нормы всепокоряющей справедливости, которые объединяют всех, которые уже теперь возвышаются над разнообразием положений и лиц и, пусть даже весьма несовершенно и частично, но все же руководят и прогрессом государственного строительства, и развитием права, и отправлением правосудия»¹⁰. И опять таки: приоритет и доминирование естественного права над положительным П.И. Новгородцев признавал, как и многие теоретики антибольшевистского лагеря и белого движения. Он видел в нем абсолютный идеал для положительного. В отношении требования реформы положительного права говорил, что это есть исконное проявление философской мысли, выраженной в философии права.

Нельзя пройти мимо политико-правовых учений С.А. Котляревского, который в своих воззрениях как типичный представитель естественно-правовой школы в ее рамках также развивал теорию правового государства. Так кандидат юридических наук, Н.В. Кроткова в своем диссертационном исследовании «Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского» отмечает: «Котляревский – автор оригинальной теории правового государства, согласно которой власть и право являются равноправными субстанциями в организации любого государства. Правовое государство, утверждает он, есть и всегда будет представлять собой относительно неустойчивый баланс права и силы, конфликт которых до конца не разрешим. Основные гарантии существования правового государства Котляревский усматривает в наличии зрелого общественного правосознания, крепости идеальных и религиозных ценностей народа. [...] Посредством естественного права государство через личность связывается с вечными ценностями, которые и побуждают его к ограничению своей власти. Котляревский утверждает, что только в правовом государстве власть и право могут найти необходимое для общества равновесие»¹¹. В свете сказанного стоит отметить, что в труде «Конституционное государство»¹² Котляревский приходит к выводу о невозможности воплощения в жизнь идей естественного права при образовании социали-

стического государства, что и доказал послереволюционный период. С точки зрения Н.В. Кротковой о том, что «Котляревский – автор оригинальной теории правового государства» невозможно не согласиться.

Следует коснуться еще одного правоведа Н.Н. Алексева (также приверженца естественного направления в праве) и обратиться к его высказыванию в отношении непринятия российским обществом и государством начал естественно-правовой теории: «Учения естественного права совершенно чужды нашей истории, а с ними чужды и представления о государстве как о торговой компании, основанной множеством независимых и несвязанных собственников»¹³; «Экономический индивидуализм никогда не имел выдающихся защитников в России, так же как здесь не были популярны и широко распространены индивидуалистические учения о естественных правах человека и гражданина. Для психологии русского человека характерно было скорее воззрение, согласно которому личность неразрывно связана с обществом и находит оправдание только в отправлении некоторой социальной миссии, в общем деле». Таким образом, большевизм в противоположность западному марксизму не пытался связать себя с индивидуализмом. Отсюда резкое отрицание им либеральных и демократических учреждений Запада, недоверие к буржуазным правам личности и к европейскому парламентаризму. Сказанным и объясняется острая вражда большевиков к классической западной социал-демократии ко всему тому, что на русском языке называется меньшевизмом»¹⁴. Непринятие российским народом, как выражается Н.Н. Алексеев, «буржуазных прав личности», а точнее непонимание смысла и основ естественного права, на чем они и строились, в историческом срезе послужили одной из причин провала политики либерализации и демократизации проводимой, как антибольшевистскими, так и «белыми» правительствами. Внедренные доктринальные положения естественно-правовой теории в программы антибольшевистских и «белых» правительств, в первую очередь базировались на индивидуализме, а не на коллективизме как у большевиков; каждый отдельно взятый человек понимался как свободная личность, обладающая определенными правами, в то время как большевики обобщали народ, вручая права лишь единой массе, классам.

Посредством укрепления в положительном праве норм естественного права (что являлось целью идеологов антибольшевистского лагеря и белого движения) для российского государства открывался путь всецелой демократизации, реформирования, эволюции и стабилизации (применительно к послевоенному периоду). Как было сказано выше, политико-правовые учения признающие главенствование естественного права над положительным, занимают основное место среди учений теоретиков антибольшевистского лагеря и белого движения.

Нельзя не ценить колоссальную работу в области юриспруденции, политологии, философии, проводимую антибольшевистскими и «белыми» идеологами во имя будущей Великой России, которая должна была воспрянуть после краха большевизма. Идеологи антибольшевистского лагеря и белого движения и в эмиграции продолжали свои исследования, сделав огромный вклад не только в отечественную, но и в мировую политико-правовую мысль, что невозможно опровергнуть.

Примечания

1. История политических и правовых учений /Под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. IX.
2. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве /Иван Ильин. М., 2006. С. 97.
3. Там же. С. 122.
4. Там же. С. 244 (О сущности правосознания).
5. История политических и правовых учений .....С. 842.
6. Мелехин А. В. Теория государства и права: Учебн. /А. В. Мелехин. М., 2007. С. 214.
7. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. Москва, 1917. С. 60.
8. Там же. С. 67.

9. История политических и правовых учений..... С. 846.
10. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 283-284.
11. Кроткова Н.В. Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского //Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
12. Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 2004. 392 с.
13. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 166.
14. Там же. С. 146-147.

**КАК ПОССОРИЛИСЬ ЛЕОНИД ВИТАЛЬЕВИЧ
И НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ
(ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ Л. В. СОБИНОВА И Н. П. КАРАБЧЕВСКОГО)**

© Д. Н. КОВАЛЕВА

Саратовский государственный университет им. Ю.А. Гагарина,
кандидат исторических наук, доцент,
e-mail: dasha1109@mail.ru

История взаимоотношений великого певца и знаменитого адвоката интересна и уникальна, так как представляет образец не просто человеческих, дружеских отношений, но и показывает, как исторические события влияют на судьбы отдельно взятых людей.

Николай Платонович Карабчевский, один из самых знаменитых адвокатов в Российской империи, был очень разносторонним человеком. Уникальный присяжный поверенный, занимающийся самыми разнообразными делами, выигрывал практически все процессы, за которые брался. Николай Платонович мог с полной уверенностью сказать, что ни один из его подзащитных не был казнен. И здесь было чем гордиться, ведь он защищал Ольгу Палем¹, братьев Скитских², Григория Гершуни³, Егора Созонова⁴.

Бьющий фонтан духовной и душевной энергии Карабчевского не дал ему замкнуться в профессиональную исключительно сферу. Он должен был иметь аудиторию более широкую, чем самый вместительный судебный зал и поэтому он был не только адвокат, но писатель-художник⁵, театрал и меломан.

Любовь к театру, широкие связи в мире искусства и материальное состояние позволили знаменитому адвокату создать артистический салон. В доме Николая Платоновича Карабчевского часто собирались люди творческих профессий. Для адвокатского сословия широкие связи с миром искусства не были редкостью: Д.В. Стасов по четвергам устраивал музыкальные вечера с участием М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, А.Г. Рубинштейна, М.А. Балакирева; Ф.Н. Плевако время от времени устраивал и концерты, и обеды, на которых присутствовали В.И. Суриков, М.А. Врубель, К.А. Коровин, К.С. Станиславский, Ф.И. Шаляпин, М.Н. Ермолова; ежемесячные обеды в московском ресторане «Эрмитаж» устраивал В.И. Танеев.

В доме Карабчевского проходили балы, благотворительные вечера, театрализованные представления с участием самых выдающихся музыкантов, певцов, актеров, в числе гостей были также государственные и общественные деятели. В подготовке вечеров Николаю Платоновичу помогала его жена – Ольга Константиновна Варгунина, «создавшая наиболее популярный в Петербурге «артистический салон»⁶. В число знакомых Н.П. Карабчевского входили Л.В. Собинов, М.Г. Савина, В.Ф. Комиссаржевская.

Николай Платонович поддерживал дружеские отношения с Леонидом Витальевичем Собиновым, ласково называя его «Ленечкой»⁷, «милый, дорогой Леонид Витальевич»⁸. «Любимому певцу Л.В. Собинову» посвящен романс, автор слов Карабчевский, музыка – Д.В. Сиротина⁹:

Я снился сам себе красавцем молодым.
Вернулись для счастья годы;
Свободен и могуч, тобой одной любим
И счастье как поток меня несло привольно.
Я целый мир забыл, что бы невольно, не вспомнить, о былом,
Я полон, я полон, был тобой.

Промчался быстро сон! Настало пробужденье:

Где молодость? Увы!

Где мощь, краса и сила?

В горячке сна безумного виденья?

Все лживо? Даже то, даже то, что ты меня, что ты меня любила¹⁰.

Как видно из писем Собинова он часто обедает в доме у Карабчевских¹¹, когда приезжает в Петербург.

Карабчевский устроил в своем доме 31 января 1909 г. «благотворительный хотя и негласный концерт»¹² с участием великого тенора¹³.

В 1910-х гг. артистическая деятельность Собинова постепенно перемещается на берега Невы. Неудивительно, что 6 января 1911 г. юбилейный концерт в честь 20-летия творческой деятельности Собинова состоялся в Петербурге в зале Дворянского собрания. Юбилей отмечался торжественно и пышно. В первой части вечера Леонид Витальевич порадовал поклонников, исполнив любимые партии и романсы: «Любовная песнь Зигмунда» из оперы «Валькирия» и «Прощание Лознгрина» Р. Вагнера, речитатив и арию Эрнесто из оперы «Дон Паскуале» Г. Доницетти, романсы Вильгельма из оперы А. Тома «Миньон», «Грузинскую песнь» М.А. Балакирева, романсы и трио для тенора, виолончели и фортепьяно Ю.С. Сахновского и многое другое. Во втором отделении состоялось чествование юбиляра. Поздравительное слово от всей публики произнес Н.П. Карабчевский¹⁴.

Отношения между Карабчевским и Собиновым поддерживались теплые, истинно дружески. И Николай Платонович, и Леонид Витальевич были не прочь иногда подшутить друг над другом, обменяться остротами. Так на вечере в честь премьеры оперы «Орфей»¹⁵, по воспоминаниям Е.И. Тиме, Карабчевский произнес обычный поздравительный тост, шуточно закончив: «Дорогой Ленечка, твое исполнение сегодня, конечно, выше всяких похвал. Но центральная ария меня несколько разочаровала. Ты без конца твердил: «потерял я Эвридику, потерял я Эвридику...» Знаешь, брат, в конце концов, это показалось мне скучноватым». Но Собинов в долгу не остался, и ответил на замечание также шуточно: «Видишь ли, – сказал он, – на днях, когда мы с тобой выходили из ресторана, ты обронил в гардеробе двугривенный. Ты долго возился на полу и все приговаривал: «потерял я двугривенный, потерял я двугривенный...» Так ведь у меня-то Эвридика, а тут всего-навсего двугривенный. Согласись, что это действительно могло показаться скучным...»¹⁶.

Демократические взгляды Собинова, а возможно и дружба с Карабчевским привели Леонида Витальевича в адвокатское сословие: определением Совета присяжных поверенных от 27 мая 1915 г. Собинов был принят в число присяжных поверенных, и ему преподнесли адвокатский значок, который артист с этого времени с гордостью носил.

В письме от 11(24) сентября 1915 г. Собинов просит «дорогого Николая Платоновича» о поддержке его иска к дирекции Императорских театров¹⁷.

14(27) октября 1915 г. состоялось скромное бракосочетание Леонида Витальевича с Ниной Ивановной Мухиной. Свадебное торжество состоялось в ресторане «Медведь», на Большой Конюшенной, 27. Столь важное событие отмечалось в узком кругу петербургских друзей Собинова, среди которых были и Карабчевские¹⁸.

Со временем отношения между Николаем Платоновичем и Леонидом Витальевича очевидно испортились. В своих воспоминаниях, написанных в Копенгагене в 1918 г., Карабчевский следующим образом вспоминает своего друга: «скандальный пример уклонения от своего долга повелся у нас еще с Японской войны, когда знаменитый сладкопе-

вещ-тенор Собинов, облачившись в больничный колпак и халат, прикидывался некоторое время не то сумасшедшим, не то нервно расстроенным, чтобы избежать отправления на фронт. В последнюю войну, нося офицерскую форму, в которой его рекламно воспроизводили в иллюстрированных журналах, как «призванного» жертвовать жизнью «за царя и отечество», тот же сладкопевец преспокойно, распевал в театрах и умирал в роли Ленского почти также реально, как умирали в это время на поле брани»¹⁹. Л.В. Собинов тоже не остался в долгу, написав эпиграмму на Карабчевского, по поводу его кандидатуры в посланники во Францию:

Кто под арест,
Кто в Красный Крест,
А кто посол,
И ты не прочь,
В Париж, хоть вскочь,
Попасть, осел²⁰!

Причина разногласий, очевидно, лежит в другой области, так как Собинова вряд ли можно обвинить в уклонении от воинского долга. Обо всем – по порядку. В 1904 г. Леонид Витальевич получил повестку явиться на призывной пункт. Весной этого года заканчивался срок контракта с дирекцией императорских театров. Новый контракт, в виду демократических взглядов певца, не был заключен. Близкие к дирекции органы печати начали травлю артиста. Появились требования о срочной мобилизации Собинова и об отправке его на фронт, прямо в действующую армию. Но в дело вмешался его величество случай, в середине 1904 г. был убит эсерами министр внутренних дел В.К. Плеве и на его место был назначен П.Д. Святополк-Мирский. Личное знакомство с министром, а также контракт с «Ла Скала» дали возможность Собинову получить отсрочку на год²¹.

8 июля 1905 г. Л.В. Собинов был призван на военную службу в Главное управление военно-учебных заведений. Ему присвоили чин поручика и ... вскоре отправили в отпуск.

С началом Первой мировой войны первого тенора России призвали уже в августе 1914 г., причислив к полку Московского военного округа. Но уже в декабре его перевели в Петербург и по указанию военного министра причислили к так называемому комитету Мраморного дворца по приему пожертвований на нужды войны. Леонид Витальевич прекрасно осознавал, что большую пользу сможет принести своим творчеством, чем с оружием в руках на поле битвы или в штабе, поэтому 1 апреля 1915 г. получает разрешение от военного министра на проведение концертов в пользу армии. В итоге за сезон 1915/16 г. Собинов собрал и передал в казну 200 тысяч рублей. Этим Леонид Витальевич не ограничился, и открыл в своей московской квартире лазарет на восемь коек с полным содержанием больных²². Как видим, знаменитый певец с честью выполнил гражданский долг по защите своей страны.

Эпиграмма, приведенная выше, была написана в 1917 г., воспоминания Карабчевского уже в эмиграции, вполне возможно предположить, что роль черной кошки, пробежавшей между приятелями, выполнили революционные события.

Л.В. Собинов воспринял революционные события 1917 г. с воодушевлением. По воспоминаниям Т.Л. Щепкиной-Куперник: «По середине Невского проспекта шел Собинов. На нем была военная форма, которую он носил как офицер запаса, а грудь украшал красный бант. Собинов шагал, высоко поднимая голову, и пел «Рабочую Марсельезу»:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам не надо золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог...

За Собиновым, чеканя шаг в такт песне, шли студенты, рабочие, много молодежи. Они несли цветы, красные флаги. Как только певец заканчивал куплет, идущие за ним люди молодыми голосами подхватывали припев:

Вставай, подымайся, рабочий народ!

Иди на врага, люд голодный...»²³.

Октябрьскую революцию Л.В. Собинов принял, как принял и новую власть.

Николай Платонович очень прохладно отнесся к Февральской революции, Октябрьскую – не принял вовсе.

1917 год стал переломным периодом не только в жизни страны, но и в судьбах многих, очень многих людей. К этому времени Николай Платонович Карабчевский много добился, достиг всего, о чем может мечтать адвокат: признания в обществе и сословии, достойного материального положения, хорошей семьи. Но история внесла свои коррективы.

После проведенных на фронте новогодних каникул Карабчевский окупился в повседневную жизнь. А предчувствия были самыми мрачными.

7(20) февраля 1917 г. госпожа Карабчевская, большая поклонница Италии и всего итальянского, организовала большой обед в честь гостившей в Петрограде итальянской военной делегации. По мнению итальянских военных, летом 1917 г. война завершится, причем Германия будет вынуждена принять условия мира²⁴.

26 февраля(11 марта) 1917 г., в самый канун революции, состоялся юбилейный бенефис драматического артиста Юрия Михайловича Юрьева. В Императорском театре с большим размахом был поставлен лермонтовский «Маскарад», в постановке В.Э. Мейерхольда, декорации изготовлены художником А.Я. Головиным.

На следующий день чета Карабчевских отправилась в Мариинский театр, несмотря на предупреждение о возможной стрельбе на улицах города. При этом публики было значительно меньше. Впрочем, поход в театр удался, но напряжение витало в воздухе.

Дальнейшие революционные события, свидетелем которых стал Н.П. Карабчевский, разворачивались стремительно: «в какие-нибудь три дня, Петроград стал неузнаваемым. Это была уже не щеголеватая когда-то столица, а базарная, загрязненная площадь, на которой отныне должна была пойти бойкая торговля судьбами России»²⁵.

3(16) марта в доме Карабчевского состоялось полуофициальное заседание Совета присяжных поверенных. Инициатором выступил А.Ф. Керенский, ставший министром юстиции во Временном правительстве. По свидетельству Б.С. Утевского, Николай Платонович, мягко сказать, был не в восторге от подобных изменений: «Боже мой, до чего мы дожили! Керенский – министр...»²⁶. На собрании обсуждался кадровый вопрос в министерстве, главою которого был теперь Керенский: директором департамента Министерства Юстиции по личному составу стал А.А. Демьянов, двумя товарищами министра стали Н.В. Тесленко и М.В. Беренштам, прокурором Петроградской Судебной Палаты был выбран П.Н. Переверзев. Карабчевскому Керенский предложил место сенатора уголовного кассационного департамента, но Николай Платонович предпочел «остаться тем, кто он есть, – адвокатом»²⁷.

Карабчевский, тем не менее, принял назначение на должность «председателя чрезвычайной комиссии по расследованию германских зверств и нарушения правил и обычаев ведения войны», с условием, что эта должность не должна иметь сенаторского статуса, так как Николай Платонович хотел оставаться присяжным поверенным. Из-за этого назначения, летом 1917 г. Карабчевский отправляется в скандинавские страны для опроса бывших военнопленных относительно условий их пребывания в плену. К сожалению, Николай Платонович больше не вернулся на Родину, так как Октябрьской революции он принять не смог.

Октябрьская революция застала его в Копенгагене, где заседала комиссия по расследованию случаев проявленной германцами во время войны жестокости. Карабчевский уже не мог вернуться в Россию и с этого времени началась его беженская жизнь на чужбине.

Таким образом, интересным является сам факт дружеских отношений между Леонидом Витальевичем Собиновым и Николаем Платоновичем Карабчевским. Также их пример еще раз иллюстрирует те глубокие изменения происшедшие в России в 1917 г., когда

политические обстоятельства разделили не только всю страну на два лагеря, но и отразились на жизни конкретных людей.

Примечания

1. Ольга Палем убила возлюбленного в состоянии сильного душевного волнения – аффекта.
2. Дело Скитских: братьев Петра и Степана Скитских обвиняли в убийстве своего начальника, секретаря консистории А.Я. Комарова. Дело разбиралось трижды. И только на третьем суде Н.П. Карабчевский добился выезда суда на место преступления. В результате предоставленная предварительным следствием картина преступления была поставлена под сомнение, да и показания некоторых свидетелей обвинения явно расходились с действительностью.
3. Дело Гершуни или о так называемой Боевой организации. СПб., 1906. Официальное название – Дело о Боевой организации партии социалистов-революционеров. Суду было предано 5 человек: Г.А. Гершуни, М.М. Мельников, Л.А. Ремянникова, А.И. Вейценфельд и Е.К. Григорьев. Все обвинялись в принадлежности к Боевой организации и в покушениях на Д.С. Сипягина, К.П. Победоносцева, харьковского губернатора И.М. Оболенского и уфимского – Н.М. Богдановича.
4. Дело об убийстве министра внутренних дел статс-секретаря В.К. Плеве.
5. Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. (Записки русского еврея). Париж, 1933. С. 73.
6. РГАЛИ. Ф. 2247 (А.С. Вознесенский). Оп. 1. № 39. Л. 93.
7. Л.В. Собинов. В 2-х тт. Т. 2. М., 1970. Статьи, речи, высказывания. Письма к Л.В. Собинову. Воспоминания о Л.В. Собинове. С. 175.
8. РГАЛИ. Ф. 864 (Л.В. Собинов). Оп. 1. № 531. Л. 1.
9. Музыкальный отдел РГБ.
10. Там же. Л. 2-5.
11. Собинов Л.В. Т. I. Письма. М., 1970. С. 227, 426, 500.
12. Там же. С. 501.
13. Там же. С. 502.
14. Поплавский Г.В. Собинов в Петербурге–Петрограде–Ленинграде. Л., 1990. С. 170.
15. Премьера «Орфея и Эвридики» К. Глюка состоялась в Мариинском театре 21 декабря 1911 г.
16. Тиме Е.И. Дороги искусства. М.-Л., 1962. С. 46.
17. РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. № 260. Л. 1.
18. Поплавский Г.В. Указ. соч. С. 214.
19. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Ч. 2. Берлин, 1925. С. 24-25.
20. РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. № 173. Л. 32. Впервые опубликовано: Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. М., 2006. С. 133.
21. Поплавский Г.В. Указ. соч. С. 89-90.
22. Там же. С. 211-212.
23. Там же. С. 219.
24. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели... Ч. 2. С. 113.
25. Там же. С. 118.
26. Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 202-203.
27. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели... Ч. 2. С. 121; Карачевцев С.В. Указ. соч. С. 9.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1825–1880-Х ГОДОВ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX ВЕКА

© А. О. КОПТЕЛОВ

Гуманитарный университет (г. Екатеринбург),
магистрант юридического факультета,
e-mail: kopartol30@yandex.ru

История органов политического сыска России стала привлекать внимание зарубежных исследователей уже в XIX столетии. В западной исторической науке появляются ра-

боты, посвященные Третьему отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпусу жандармов, в том числе и труды немецких авторов.

Следует отметить, что представления немецких исследований о России указанного периода, основаны на восприятии Российской империи XIX столетия как полицейско-государственного образования, которое проникало во все сферы общественной жизни. В качестве способов управления использовались: регламентация, дача указаний, поощрение, оказание содействия. При этом разделение властей отсутствовало, а глава государства единолично осуществлял государственно-властные полномочия, объединяя в себе все три ветви власти¹.

Соответственно, важнейшую роль при этом играла имперская полицейская система, которая понималась в тот период как административное управление и выступала в качестве главного государственного инструмента обеспечения «всеобщего блага»².

Поскольку со временем полицейское государство из блага для общества превращались в его бич, у подданных все более возрастало желание стать полноправными гражданами и поставить формальные рамки полномочиям верховной власти. Распространение получила идея правового государства (Rechtsstaat), возникло представление о том, что в противоположность абсолютистскому государству власть государства должна всеобъемлюще определяться законами, чтобы защищать граждан (подданных) от произвола³.

Часть немецких ученых старалась примирить эти противоположные точки зрения. Особую роль в этом принадлежит работам Р. Моля⁴, согласно которому задачей правового государства является обеспечение возможности каждому отдельному лицу достигать поставленных им разумных целей посредством установленного государством порядка и в его рамках. Защита от несправедливости должна осуществляться системой органов юстиции, а обеспечение помощи и безопасности должно находиться в компетенции полицейских органов. Только государство, достигшее таких целей, может, согласно Р. Молю, называться правовым.

Таким образом, немецкая традиция приводила ее к пониманию неизбежности перехода от полицейского государства к либеральному государству конституционно типа. При этом немецкие исследователи исходили из того, что процесс развития должен проходить с опорой на традиции, основываясь на преемственности в социальной и культурной жизни, приверженности к существующим и устоявшимся социальным системам и нормам, признании ценности идеалов прошлого, неприятию революций и радикальных реформ. Немецкие исследователи считали, что и Россия идет по такому пути общественно-политического развития, а Николай I сделал лишь первые шаги в этом направлении.

Об императоре Николае I и его высокопоставленных приближенных пишет в 1833–1862 гг. баварский посол в России Оттон де Брэ в своих мемуарах⁵, опубликованных в одном из периодических изданиях России в начале XX в.

«Обладая огромной и несомненной энергией, император Николай до такой степени преисполнен сознанием своей власти, что ему трудно представить себе, чтобы какие бы то ни было люди или события могли оказать ему сопротивление».

В подобных условиях, отмечает де Брэ, «быть приближенным к такому монарху равносильно необходимости отказаться, до известной степени, от своей собственной личности, от своего я... Сообразно с этим в высших сановниках... можно наблюдать только различные степени проявления покорности и услужливости».

В своих воспоминаниях де Брэ дает сравнительную характеристику двух руководителей политической полиции Российской империи – А.Х. Бенкендорфа и А.Ф. Орлова. Немецкий дипломат сравнивает шефов жандармов путем выявления их главных достоинств и недостатков, определяет степень близости к царю каждого из них, которая позволяла им, так или иначе, влиять на российского самодержца и проводимую им политику.

Коснулся немецкий дипломат и личности начальника Третьего отделения Л.В. Дубельта. «Орлов по свойственной ему лени и нелюбви к труду, – вспоминал де Брэ, – бо-

лее чем кто-либо нуждался в помощнике, который отличается ловкостью, деятельностью и знанием дела». Именно Дубельт идеально отвечал всем этим требованиям.

Упоминает о российской тайной полиции в своих мемуарах и небезызвестный «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, служивший при Петербургском дворе в качестве прусского посла в начале 1850-х гг. Бисмарк в своих воспоминаниях характеризует столичную знать через призму их отношения к немецким государствам. Особо он выделяет А.Ф. Орлова, руководителя Третьего отделения и Шефа жандармов, который, по словам Бисмарка, выделялся среди других русских аристократов «своим характером, изысканной учтивостью и безупречным отношением к нам»⁶.

Политическую полицию Российской империи затрагиваемого периода упоминает в своей работе о революционном движении России еще один немецкий автор – А. Тун⁷. Он с сочувствием описывает борьбу революционеров и их предшественников с Третьим отделением и Корпусом жандармов. Политическую полицию Тун характеризует весьма негативно, широко используя такие эпитеты как «шпионы III-го отделения», «полицейский произвол», «административная расправа» и др. Он недвусмысленно указывал, что общественное движение в России указанного периода было представлено «горсткой» отчаянных, смелых и небезразличных к судьбе своей страны «героев», которые противостояли «самодержавному режиму» в лице его органов политического сыска.

Политической полиции Российской империи уделено внимание и в опубликованном в 1966 г. справочнике по истории государственных учреждений России XVIII – начала XX вв. известного немецкого ученого Эрика Амбургера⁸. Однако в нем деятельность органов политического сыска Российской империи сводится к противостоянию абстрактному «обществу». Тем не менее, в указанном издании Амбургер излагает основные факты по возникновению и деятельности Третьего отделения и Корпуса жандармов, дает краткие биографические сведения о руководителях ведомства политического сыска.

Третье отделение упоминает в своей работе и немецкий исследователь Николаус Катцер⁹, который в своем очерке о Николае I пишет о том, что именно этот российский император стал создателем централизованной тайной полиции после издания им указа о создании Третьего отделения Собственной Е.И.В. канцелярии в качестве центрального органа политического сыска. Именно оно должно было информировать царя «обо всех без исключения событиях в государстве», «о подозрительных и вредных личностях», о деятельности иностранцев в пределах Российской империи.

Катцер делает вывод о том, что учрежденное Николаем Павловичем Третье отделение стало сколь эффективным органом надзора за обществом и государственным аппаратом, столь и противоречивым ведомством, «компетенция которого была описана весьма неопределенно».

В своей работе немецкий исследователь касается и цензурного «террора», осуществляемого Третьим отделением, а также борьбы последнего с революционными кружками, приведшей к их окончательному разгрому. В результате «общество» и государственная власть, утверждает немецкий историк, постепенно и неуклонно вступали в противоречие друг с другом. Именно это, по мнению немецкого исследователя, оказало губительное воздействие на Россию, поскольку впоследствии привело не только к свержению монархии радикальным меньшинством, но и к смене государственного строя.

Катцер приходит к выводу о том, что деятельность Третьего отделения и приданного ему Корпуса жандармов, с их вторжением в частную, общественную и государственную жизнь, негативно сказалась на судьбе российского государства и общества, поскольку позволило малочисленному радикальному сегменту общества свергнуть не только самодержавие, но и потрясти основы русской государственности.

Точке зрения о том, что авторитарный режим Николая I стагнировал и перемены могли произойти лишь под воздействием внешних сил либо обстоятельств, способных подвигнуть русское чиновничество, включая полицейских чинов, направить свою дея-

тельность к достижению новых целей, придерживался немецкий историк Ганс-Йоахим Торке¹⁰. В своей монографии о российском чиновничестве в правление Николая I немецкий ученый отразил количественное разрастание имперской администрации без изменения основных свойств бюрократии. Причем в исследовании Торке особо подчеркивается отсутствие у российских бюрократов правового этоса.

«Вследствие отсутствия абстрактной, самодовлеющей идеи государства, чиновники не служили «государству», а сперва заботились о себе и потом уже о царе. Вследствие отождествления бюрократического аппарата и государства, чиновники были неспособны провести различие между частной и казенной собственностью»¹¹.

Немецкий ученый полагает, что перемены в государственном аппарате Российской империи произошли, не ранее начала Великих реформ, когда либеральные воззрения стали проникать в центральную администрацию. Прогрессивным в целом тенденциям российского абсолютизма Торке противопоставляет косную и консервативную русскую бюрократию. Подобное видение немецкого исследователя следует связывать с тем обстоятельством, что Торке строил свое исследование на записках современников тех событий, настроенных крайне враждебно к созданной Николаем I общественно-политической системе и заклеивших ее как антидемократическую в своих не лишенных талантливости произведениях.

Стоит также отметить работу Л. Люиг, касающуюся политических институтов царской России указанного периода¹². Немецкий историк уже в действиях Николая I усматривает «либеральные стремления», которые содействовали благосостоянию и развитию общественной жизни. Главная предъявляемая немецким исследователем «претензия» к дворянскому обществу заключается в пассивности последнего и его нежелании идти навстречу либеральным порывам правительства Николая I.

Краткий анализ работ немецких авторов, посвященных органам политического сыска дореволюционной России второй-третьей четверти XIX в., показывает, что проблемы, касающиеся Третьего отделения и Корпуса жандармов, вызывают серьезный интерес у немецких исследователей, но степень разработки указанных проблем уступают результатам исследований не только отечественных, но даже англоязычных авторов. При этом немецкие ученые рассматривают проблему в рамках представления об эволюционном и ненасильственном переходе от полицейского государства к государству правовому. Такой подход отличается от англоязычной традиции рассмотрения Российской империи указанного периода как авторитарной диктатуры.

Поскольку на современном этапе развития исторической науки намечается определенное сближение «американского» и «немецкого» подходов к изучению сущности самодержавной власти Российской империи XIX – начала XX вв. и с учетом нынешнего состояния отечественной исторической науки, перспективными выглядят подходы к изучению истории нашей страны имперского периода, рассматривающие Россию в качестве равноправного участника общемирового исторического процесса. Российские историки, обладая врожденным знанием «контекста» и чувством родной «почвы» могли бы в тесной кооперации с немецко- и англоязычными авторами более объективно подойти к рассмотрению истории России XIX – начала XX вв., что в перспективе могло бы способствовать формированию общемировой историографии по данной проблематике.

Примечания

1. Wolff H.J., Bachof O., Stober R., Verwaltungsrecht I. Munchen, 1994; Wyduckel D. Princeps Legis Solutus: eine Untersuchung zur frühmodernen Rechtsund Staatslehre. Berlin, 1979.
2. Maurer H. Allgemeines Verwaltungsrecht. 12. Auflage. Muenchen: Beck, 1999.
3. Baeumlin R. Der deutsche Rechtsstaat. 3. Auflage. Stuttgart, 1987.
4. Mohl R. Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. 3. Aufl. Bd. 1-3. Tübingen, 1866; Idem. System der Praventiv-Justiz oder Rechts-Polizei. 3. Aufl. Tübingen, 1866.

5. Брэ О. де. Николай I и его сподвижники. (Воспоминания гр. Оттона де Брэ. 1849–1852) //Русская старина. Т. 109. № 1. 1902. С. 115-139.
6. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. В 3-х т. //Пер. с нем. под ред. А.С. Иерусалимского. Т. 1. М., 1940. С. 159-166.
7. Тун А. История революционного движения в России //Пер. с нем. А.Н. Черновой //Под ред. и с прим. Л.Э. Шишко. Петроград: Тип. П.П. Сойкина, 1917.
8. Amburger E. Geschichte der Behordenorganisation Russlands, von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966; Ерошкин Н.П. Рец. на указ. соч. Э. Амбургера //История СССР. № 1. 1969. С. 198-200.
9. Катцер Н. Николай I //Русские цари. 1547–1917 //Пер. с нем. Ростов н/Д, 1997. С. 397-435.
10. Torke H.J. Das russische Beamtentum in der ersten Hafte der 19. Jahrhundert //Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd. 13. Berlin, 1967.
11. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004 . С. 392.
12. Luig L. Zur Geschichte der Russischen innenministeriums under Nikolaus I. Wiesbaden, 1969.

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ И НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ В ИЗУЧЕНИИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОВИННОСТЕЙ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

© А. В. ЛОСЯКОВ

Пензенский государственный университет,
аспирант кафедры новейшей истории России и краеведения,
e-mail: losyakov_1987@mail.ru

Историография повинностей современного периода, а к нему следует отнести 1990–2010 гг., характеризуется появлением большого количества работ по данной тематике, в том числе и диссертаций. Это связано с политическими процессами, происходящими в нашей стране связанными в частности с «перестройкой» и сменой общественно-политического и экономического курса. В советской литературе тема повинностей периода Гражданской войны была наименее изученной. В основном ее рассматривали с положительной стороны, и достаточно объективный и разносторонний анализ повинностей в советской историографии встречался крайне редко.

Следует выделить основные виды повинностей: трудовая, гужевая, воинская, военно-конская, натуральные повинности (продовольственная разверстка). В некоторых регионах были определенные специфические названия повинностей (рыбные повинности). Иногда у повинностей названия и те обязанности, которые они предполагали, были довольно «оригинальные», например «бельевая» (пошив белья Красной Армии) или «учебная профессионально-техническая повинность» (обязанность учиться). Но все эти повинности следует включить в общую трудовую повинность, что позволит объективней рассмотреть именно основные виды повинностей.

В результате смены политического режима, начался процесс рассекречивания архивных документов, появилась возможность изучить тему повинностей более детально. Начинает уделяться больше внимания повинностям, в том числе и Пензенской губернии периода Гражданской войны, особенно в диссертационных исследованиях. Однако специальных исследований, которые рассматривали бы весь спектр повинностей комплексно практически не было.

Для более объективного анализа следует разделить работы авторов по повинностям, которые они затрагивали в своих работах. Тему трудовой повинности в 1990 г. начинает активно рассматривать И.Б. Берхин на страницах журнала «История СССР». Он оправдывает введение трудовой повинности, называя ее одним из элементов политики «военного коммунизма»¹. В этом же году выходит монография А.Ф. Киселева «Профсоюзы и советское государство». Автор рассмотрел некоторые вопросы по участию профсоюзов в

организации трудовой повинности². Эти две работы были достаточно сдержанны в оценке повинностей и просто подтвердили уже обоснованные факты. В 1997 г. выходит статья А.Г. Сомова, в которой также отмечался вынужденный характер введения трудовой повинности: «Введение трудовой повинности имело своими целями вовлечение непролетарских элементов в общественно-полезный труд и обеспечение промышленных предприятий рабочей силой. ... Как следствие, Советская власть вынуждена была перейти от вольного найма к всеобщей трудовой повинности»³.

Вообще тема трудовой повинности носила более дискуссионный характер, чем остальные повинности, за исключением продовольственной разверстки, которая в историографии представлялась ключевой в политике «военного коммунизма», некоторые авторы оправдывали трудовую повинность, некоторые резко критиковали. Так в 2000-е гг. по периоду «военного коммунизма» вышел целый ряд наиболее полных работ по основным проблемам трудовой повинности. Одной из таких работ стала монография Л.В. Борисовой «Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма». В ней автор обозначает трудовую повинность как «новое крепостное право». Она пишет о том, что насилие, применяемое в процессе трудовой повинности, было вполне закономерным, так как насилие в период правления страной Советами, применялось в различных сферах жизни. Центральным понятием, по которому действовала молодая Советская власть, был «принцип принудительности»⁴. И.Н. Камардин, рассматривая трудовые конфликты в Среднем Поволжье в 1918–1929 гг., также обращался к проблеме повинностей. Он отмечал, что «процесс деклассирования рабочих в годы гражданской войны являлся значительным фактором, способствующим формированию оппозиции Советской власти не только из кадрового состава, но и так называемых трудомобилизованных. Согласно постановлению Совнаркома от 29 декабря 1920 г. предусматривалось привлечение населения независимо от постоянной работы к единовременному или периодическому выполнению трудовых повинностей. Значительный приток новых мало обученных рабочих в производство внес ряд факторов, осложнивших работу. Новое пополнение в большинстве своем составляли выходцы из крестьян, принесшие с собой безразличное отношение к производству, уравниловку, относившиеся к работе на заводе как к временному явлению. Выросло число неквалифицированных рабочих. Процесс распыления пролетарских рядов был характерен для всех регионов страны, но более заметным он оказался в земледельческих губерниях, а также на предприятиях, расположенных в сельской местности и небольших городках»⁵.

В 2004 г. О.В. Теленкова защищает кандидатскую диссертацию по трудовой повинности. Она в своей диссертации рассматривает ход, содержание, формы и методы проведения трудовой повинности Советской властью, начиная с первых дней ее существования. Проанализировав значение политики трудовой повинности в политическом и социально-экономическом положении страны в октябре 1917 – марте 1921 гг. она определяет место, которое занимала всеобщая трудовая повинность в плане социалистического переустройства России, и освещает нормативно-правовую базу, связанную с введением и практикой трудовой повинности. Кроме этого автор посвятил целую главу гужевой повинности как виду трудовой повинности среди крестьянского населения. Теленкова делает вывод о том, что окончательно методы проведения трудовой повинности оформились к 1920 г. Вот, что она отмечает: «Для рабочих и служащих эта повинность проявлялась в милитаризации производства. Ею были охвачены не только оборонные предприятия, но и те, которые еще продолжали работать. Специалисты, при их нехватке в военное время, также объявлялись находящимися на военном положении. Крестьянство в основном выполняло гужевою повинность и использовалось на малоквалифицированных физических работах (сплав леса, заготовка топлива, расчистка снега и т. д.). Это отвлекало производительные силы деревни от главного их труда – выращивание сельскохозяйственной продукции, что сказывалось на продовольственном положении страны. Пере-

вод Красной Армии в Трудовые армии – это пик милитаризации труда в Советской России. В основном трудармейцы выполняли тяжелую физическую работу (шахты, лесоповал и т. д.). Это была практически бесплатная рабочая сила. Но их труд, как и других мобилизованных, оказался неэффективным, в чем убедилось советское руководство в годы гражданской войны. Принуждение в труде породило такое массовое явление, как трудовое дезертирство. Несмотря на жесткие меры, направленные против этого явления, государство не смогло его искоренить. И только переход к свободному рынку труда позволил справиться с этим явлением»⁶. Масштаб проводимых мероприятий в Советской России, не имеет равных в мировой истории. Теленкова называет трудовую повинность грандиозной попыткой на практике реализовать идею всеобщности труда. И высшей точкой в организации трудовой повинности был перевод красноармейцев в категорию трудармейцев. Также она отмечает, что кризис системы принудительного труда проявлялся в том, что даже успешные мобилизации огромных масс населения, не решили проблем. Общая разруха, стремление народа уклониться от трудовой повинности породили безответственное отношение рабочих к труду. За годы гражданской войны воровство приняло огромный размах. Все это способствовало отказу государства от политики трудовой повинности⁷. Следует отметить, что это был первый обширный труд, рассматривающий данную проблему в масштабе всей страны. Тему трудовой повинности уже в 2009 г. также в диссертации продолжает В.В. Цысь. Основной темой его работы становится создание трудовых армий. Он пишет о том, что «милиционная система, внеэкономическое принуждение, всеобщая трудовая повинность в том виде в каком она описывалась в работах приверженцев марксистского учения в предреволюционный период и с учетом тех изменений, которые произошли в идеологии партии большевиков в годы Гражданской войны, послужили одними из важных предпосылок создания трудовых армий, обусловили то первостепенное внимание, которое уделялось трудовым армиям со стороны советского и партийного руководства, те надежды, которые с ними связывались. Еще один фактор, повлиявший на создание трудовых армий – практика милитаризации труда использования внеэкономического принуждения, привлечения отдельных воинских частей для решения экономических задач, которая имела место в годы Первой мировой войны в воюющих державах, в том числе и в России»⁸. Также он указывает двойственную природу, как трудовых армий, так и военного коммунизма. «С одной стороны, представления большевиков о принципах организации вооруженных сил, трудовых отношений, методах борьбы за осуществление собственных программных установок непосредственно влияли на их политику в области государственного строительства. С другой стороны, в форме, в какой они возникли, никто, разумеется, заранее не планировал создавать трудовые армии. В равной степени это относится к милитаризации предприятий, привлечению населения к выполнению трудовых повинностей. Многие, создававшееся в годы Гражданской войны, есть плод импровизации, результат сочетания ряда объективных и субъективных обстоятельств. Соответственно и трудовые армии следует признать экспромтом, обусловленным некоторыми теоретическими положениями большевистской доктрины и опиравшимся на опыт предшествующего периода»⁹.

Проблемой воинской повинности в современной историографии занимался К.В. Стволыгин в своей монографии и диссертации, где рассмотрел политику освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям, а конкретно декрет от 4 января 1919 г., предусматривающий это освобождение, причины его принятия и отмены. Анализируя причины отмены, автор пришел к следующему выводу: «Произошедшие в начале 20-х годов изменения государственной политики освобождения советских граждан от военной службы по религиозным убеждениям были направлены на свертывание практики такого освобождения и взаимосвязаны с отстранением представителей сектантов от участия в ней. Свертывание государственной политики освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям произошло вследствие сложившейся в Совет-

ском государстве политической системы. Главенствующая роль Коммунистической партии во всех сферах государственной и общественной жизни позволяла ей бороться с религиозными убеждениями, в том числе и противоречащими прохождению военной службы, как идеологическими, так и административными методами»¹⁰. Другой диссертацией, в которой затрагивалась уже воинская и военно-конская повинности, стала диссертация Р.Ю. Полякова. Его работа была посвящена полностью Пензенской губернии, и она интересна тем, что автор рассмотрел не только ход мобилизаций в Красную армию в период Гражданской войны, но и состояние дисциплины в ней, хозяйственную и бытовую часть в казармах, а также проблему дезертирства и волнения против мобилизаций в армию. Автор отмечает резко негативное отношение населения к армии: «С первых же шагов военные комиссариаты столкнулись с многочисленными трудностями при организации призывов. Непонимание большинством населения политической ситуации, негативное отношение к власти из-за продовольственной политики повлияли на формирование частей и подразделений, вызывали такие явления как дезертирство и вооруженные волнения. Неоснащенность воинских частей и недостаточное финансирование самым негативным образом сказывались на строительстве армии. Но наряду с минусами Р.Ю. Поляков отмечает и плюсы: «В то же время к началу 1919 г. были разрешены важнейшие проблемы военного строительства: заложены основы массовой регулярной армии, комплектовавшейся на основе всеобщей воинской повинности. Все это повышало боеспособность Вооруженных Сил и являлось залогом достижения победы над вооруженной оппозицией и сепаратистскими настроениями на окраинах государства»¹¹.

Наиболее популярной повинностью, которые исследовали авторы, была и остается продовольственная разверстка как вид натуральной повинности. Ей уделялось много внимания и в советской историографии и в современной. Но в современной историографии введение продовольственной разверстки начинает рассматриваться с более критической точки зрения. В 1991 г. на страницах журнала «Вопросы истории» негативно о введении продразверстки и о методах ее осуществления высказывался Н.Е. Дементьев. Именно продразверстка, по словам Дементьева, настроила крестьян против государства¹². Интересно рассмотреть публикацию Г.Ф. Доброженко, где он отмечал, что крестьяне подчинялись властям до тех пор, пока не исчезла угроза реставрации царских порядков, потом они начали выражать открытое недовольство против трудовых повинностей и продразверстки¹³. Эти две работы, являлись одними из первых в историографии, которые носили явно критический характер. В 1995 г. выходит публикация Т.В. Осиповой «Крестьянский фронт в Гражданской войне». Рассматривая различные восстания против советской власти, автор в первую очередь как основную причину называет продовольственную разверстку, также затрагивает и проблему дезертирства из Красной Армии. Также представляет научный интерес статья, посвященная продразверстке В.В. Журавлева. Он считает, что продразверстка входила в комплекс мер по установлению «однопартийной большевистской диктатуры»¹⁴. Проведение продовольственной разверстки в Пензенской губернии в 1992 г. рассмотрел Г.Ф. Винокуров. Он, главным образом, делал акцент на методах сбора хлеба и чрезвычайного налога, и изменении отношения крестьянства Пензенской губернии к Советской власти¹⁵.

В 2002 г. тщательную работу по изучению продовольственной разверстки в Нижнем Поволжье провел А.А. Васильев. Он рассмотрел практически пошагово введение продовольственной разверстки в данном регионе, а также ее итоги и значение в Гражданской войне, помимо этого и отношение населения к ней. В своей диссертации он придает ей большое значение. По его мнению, с введением продразверстки государственные требования к деревне приобрели определенность. «Объем обязательных поставок продукции государству крестьянство знало заранее, что должно было внести стабильность в отношения крестьянства с государством. Но очень тяжелое бремя разверстки перекрыло эту ее позитивную сторону. Крестьянину чаще всего приходилось сдавать государству не только из-

лишки, но и часть хлеба, необходимого для собственных нужд. Несомненно, продовольственная разверстка сыграла ключевую роль в политической и военной победе большевиков в гражданской войне. Введение этой крайне не популярной меры само по себе не способствовало укреплению союза крестьянства с советской властью, но село не желало возврата к старым порядкам и оказало политическую поддержку большевикам. В целом продовольственная политика, осуществляющаяся Советским государством в 1918–1920 гг., позволила спасти городское население от голода и обеспечить продовольствием Красную Армию. В реализацию продовольственной политики Советского правительства весомый вклад внес регион Нижнего Поволжья»¹⁶. Также интересна диссертация А.В. Тишкиной. Она в своей работе рассматривает продовольственную политику в трех губерниях Поволжья: Самарской, Симбирской и Пензенской. Помимо методов проведения данной политики и ее масштабов, рассматриваются и некоторые выступления против данной политики, а также выделяется отдельный параграф, посвященный продовольственной разверстке. Автор проводит связь между наступлением голода и осуществлением разверстки в губерниях Среднего Поволжья. «Именно ее осуществление происходило без учета местных хозяйственных особенностей не только губерний, но и уездов, волостей. При отсутствии верных статистических данных о состоянии урожаев на уровне страны и губернии, в условиях «пестроты» урожаев особое значение приобретала поуездная и поволостная раскладка разверстки. Для губерний размер разверсток оказался значительно завышен, а в первую заготовительную кампанию – просто нереален. Неравная раскладка разверстки на уровне губерний, сел и волостей Среднего Поволжья усугубили ее отрицательное влияние на крестьянское хозяйство в этом регионе. В целом оно выразилось в снижении посевных площадей, поголовья скота и тому подобных явлениях в крестьянском хозяйстве, вызванных незаинтересованностью крестьянства в эффективном производстве и его расширении. Продразверстка стала одним из факторов, приведших к голоду и крестьянским волнениям 1918–1922 годов»¹⁷. Помимо этого она отмечает вынужденность введения продовольственной разверстки как средство сохранения промышленности, армии и даже Советской власти.

В определенную категорию следует выделить авторов, которые рассматривали повинности как одну из причин различных выступлений в крестьянской среде. Так интересную концепцию приводит В.П. Данилов, он указывает на важнейшую роль крестьянства в победе большевистской революции и следующим образом характеризует развитие Крестьянской революции в годы гражданской войны: «Стихийная революционность крестьянства и революционно-преобразующие устремления большевизма имели разнонаправленные векторы и стали резко расходиться с весны 1918 г., когда угроза катастрофического голода потребовала хлеб от деревни. Создание системы принудительного изъятия продовольствия в деревне на основе разверстки (к чему двигались уже и царское правительство в 1916 г. и Временное правительство в 1917 г. породили новый фронт ожесточенной борьбы и новую форму государственного насилия над крестьянством)»¹⁸. В докторской диссертации В.К. Абрамова, анализируются причины крестьянских восстаний в Поволжье в 1919–1920 гг. Автор указывает, что они были обусловлены «усилением экономических тягот», диктатурой большевиков к социально-политической сфере, злоупотреблениями при сборе чрезвычайного налога. Он называет их крестьянской борьбой против «военного коммунизма» за либерализацию экономической политики. По его оценке, крестьянские восстания в регионе в 1920 г. по лозунгам и составу участников, в основном, продолжали крестьянские выступления зимы-весны 1919 г., но отличались большим упорством, уровнем организации и преодолением уездной и даже губернской локализации»¹⁹. Продолжает тему борьбы крестьян А.В. Посадский. В своей диссертации автор указывает, что недовольство крестьян было вызвано земельной политикой, налоговой и продовольственной разверсткой. Он отмечает, что данная политика носила антикрестьянский характер, с чем трудно не согласиться²⁰.

Огромную работу по изучению причин различных крестьянских движений в Поволжье проделал В.В. Кондрашин. В своей работе «Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 годах» он наиболее полно рассматривает историографию крестьянских движений с 20-х годов по настоящее время, как отечественных авторов, так и зарубежных. В главе «Причины крестьянского движения» он делит период с 1918 по 1922 гг. на четыре этапа, в каждом характеризуя причины крестьянского движения. Также В.В. Кондрашин делает вполне логичный вывод: «лозунги и программные документы крестьянского движения в Поволжье в указанный период и само движение скорее можно рассматривать как проявление антигосударственной позиции, которая обуславливалась объективными условиями гражданской войны и конкретной аграрной политикой Советского государства. Главной его целью была ликвидация разорявшей крестьянские хозяйства военно-коммунистической политики Советской власти. Крестьянское движение в Поволжье в рассматриваемый период завершилось не в результате чисто силового давления государственной власти, хотя оно и было основным средством борьбы с ним. Оно прекратилось в связи с исчезновением его главной причины – военно-коммунистической политики Советского государства, принятием им новой политики, в полной мере отвечающей интересам крестьянства. Крестьянин наконец-то получил право свободного хозяйствования на своей земле, добившись тем самым главной своей цели, ради которой он поднимался на ожесточенную борьбу с государством в предшествующий период»²¹.

В 2009 г. выходит книга В.В. Кондрашина «Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма», представляющая огромный научный интерес. Автор вновь обращается к проблеме крестьянских движений в Поволжье, акцентируя внимание на противодействии крестьян той политике, которую проводило государство в продовольствии, а также рассматривает недовольство крестьян мобилизациями в армию: «Важнейшей причиной срыва планов по продразверстке было недовольство ее безэквивалентным характером. Противодействие мобилизации в армию была вторая по значимости причина крестьянского протеста. Постоянным фактором, оказывающим влияние на интенсивность крестьянских выступлений в регионе в 1918–1920 гг., было дезертирство. В эти годы оно вылилось в такую массовую форму крестьянского движения как «зеленое движение» Дезертиры – постоянно действующие персонажи всех крупных крестьянских восстаний в Поволжье»²². Автор приходит к тем выводам, которые действительно отражали обстановку в стране в период военного коммунизма, и которые следует рассмотреть наиболее подробно: «Крестьянство выступало самостоятельной силой в противостоянии с государственной властью. Элементы организованности, проявившиеся в создании повстанческих органов власти и выпуске многочисленных воззваний, явились, прежде всего, результатом крестьянской самодеятельности, а не партийного руководства эсеров или других сил. В ходе крестьянского движения в Поволжье в полной мере проявился крестьянский прагматизм и смысл. События 1918–1921 гг. в Поволжье показали, что политика реквизиций и принудительных государственных повинностей в полной мере коснулась всех категорий крестьянства: кулаков, середняков, бедняков. Масштабы крестьянского протеста, численность участников восстаний опровергают «кулацкий характер» крестьянского движения. И сильные, и слабые, выступали единым фронтом в защиту общекрестьянских интересов. Крестьянское движение в Поволжье в годы Гражданской войны было органической частью общероссийского крестьянского протеста против политики большевиков. В рассматриваемый период крестьянские выступления против политики советской власти происходили во всех национальных районах Среднего и Нижнего Поволжья. В ходе многочисленных восстаний между повстанцами различных национальностей не было вражды, крестьяне не выдвигали националистические лозунги, и в целом само крестьянское движение было свободно от идей национализма. И это было вполне закономерно, поскольку крестьянское недовольство имело в своей основе социальные, а не национальные проблемы. Предпринятые Советским правительством меры борьбы с крестьянским движением в По-

волжье не дали крестьянам шансов выстоять перед натиском репрессивной машины государства, особенно после поражения белого движения в 1920 г.²³. Можно сделать вывод, что работа В.В. Кондрашина одна из немногих рассматривающих в целом недовольство всего крестьянства вызванного повинностями. Кроме того, автор проводит интересную связь зарождения насильственной политики в годы Гражданской войны советами, которая впоследствии выльется в сталинскую диктатуру.

Таким образом, оценка повинностей в историографии неоднозначна, некоторые авторы действия правительства оправдывают, делая акцент на том, что страна была поглощена экономической разрухой, многие предприятия были закрыты, шло распыление рабочего класса, армия из-за гражданской войны нуждалась в людях, лошадях как основного транспорта в то время и продовольствии. Чтобы страна не ушла еще больше в хаос, не осталась с разрушенной промышленностью и не впала в анархию, нужны были экстренные меры. Этими мерами было введение повинностей, налогов и продовольственной разверстке. И как считают многие авторы, этим была спасена страна. Другие напротив, не оправдывают правительство, считая, что эти крайние меры привели к массовому протесту населения, авторитет советов стремительно упал, различные волнения пронесли практически во всех регионах страны. Наблюдалось огромное количество дезертиров, население отказывалось от исполнения трудовой и гужевой повинностей, протестовало вплоть до вооруженного столкновения с продовольственными отрядами. В целом по проблеме проведения в жизнь продовольственной разверстки, других повинностей и отношении к ним населения рассматриваемых в совокупности недостаточно. Авторы в основном рассматривают продовольственную разверстку и как следствие этого протесты населения, не уделяя должного внимания другим повинностям. В советской историографии эта тема не могла быть объективно изучена по цензурным и идеологическим мотивам. Повышенное внимание к этой теме проявилось только в постперестроечные годы. Малое количество таких трудов, которые посвящены полностью повинностям, позволяют сделать вывод, что данная тема в историографии еще недостаточно освещена.

Примечания

1. Берхин И.Б. Так что же такое «военный коммунизм» //История СССР. № 3. 1990. С. 135.
2. Киселев А. Ф. Профсоюзы и советское государство. М., 1991.
3. Сомов А.Г. Политика и экономика «военного коммунизма»: современные оценки Великий Октябрь и современная Россия. Нижний Новгород, 1997. С. 83-85.
4. Борисова Л.В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001.
5. Камардин И.Н. Трудовые конфликты в Среднем Поволжье 1918–1929гг. //Дисс... кан. ист. наук. Пенза, 2001. С. 37.
6. Теленкова О.В. Трудовая повинность в годы гражданской войны (октябрь 1917 – март 1921 гг.) //Дис. кан. ист. наук. Смоленск, 2004. С. 193, 196.
7. Там же.
8. Цысь В.В. Трудовые армии в условиях Гражданской войны и перехода к новой экономической политики //Дисс... док. ист. наук. Тюмень, 2009. С. 94, 114.
9. Там же.
10. Ствольгин К.В. Политика освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям в Советском государстве (1918–1939 гг.) //Автореф. дисс... кан. ист. наук. Минск, 1997. С. 12-13.
11. Поляков Р.Ю. Военно-мобилизационная работа местных органов военного управления в 1918 – нач. 1919 гг. (по матер.Пензенской губернии) //Дисс... кан. ист. наук. Пенза, 2003. С. 112.
12. Дементьев Н.Е. К оценке земельной и продовольственной политики Советской власти в 1917–1918 гг. //Вопросы истории. № 4-5. 1991.
13. Доброноженко Г.Ф. ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства 1921–1927 гг. (по материалам информационных сводок ЧК-ОГПУ). Сыктывкар. 1995. С. 5.
14. Власть и общество в условиях гражданской войны /Под ред. В.В. Журавлева. Отечественная история. № 3. 1998.

15. Винокуров Г.Ф. Пензенская деревня в условиях продразверстки в 1919–1920 гг. //Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: Межвуз. сб. науч. тр. /ЛГПИ им. В.Г. Белинского. Пенза, 1992.
16. Васильев А.А. Продовольственная политика Советского государства в 1918–1920 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) //Дисс... кан. ист. наук. Саратов, 2002. С. 213, 216.
17. Тишкина А.В. Продовольственная политика Советской власти в 1917–1921 гг. (на матер. Среднего Поволжья). Пенза, 2004. С. 179, 184.
18. Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство России (1861–1994 гг.) //Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. С. 10.
19. Абрамов В.К. Социально-политическая история мордовского народа //Дисс... док. ист. наук. Саранск, 1997.
20. Посадский А.В. Социально-политические интересы крестьянства и их проявления в 1914–1921 гг. (на материалах Саратовского Поволжья) //Дисс. канд. ист. наук. Саратов, 1997.
21. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001. С. 355-357.
22. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 168.
23. Там же. С. 337-340.

КАК СОЮЗНИКИ СТАНОВЯТСЯ СОПЕРНИКАМИ? ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ О ПРИЧИНАХ ОСЛОЖНЕНИЯ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ЭВОЛЮЦИИ АНТАНТЫ В 1920-Е ГОДЫ

© И. Э. МАГАДЕЕВ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки,
e-mail: iskander2017@yandex.ru

История о том, как бывшие союзники превращаются в соперников, а подчас и врагов – классический сюжет исследования, как в истории, так и в теории международных отношений (далее – МО). Тема англо-французских отношений после Первой мировой войны занимает в данном отношении важное место и является, по словам известного британского исследователя данного сюжета Ф. Белла, «предметом нескончаемого интереса для историков»¹. Уже в заголовках целого ряда исторических исследований верно выделяются те два полюса, между которыми развивались отношения Великобритании и Франции как в 1920-е гг., так и шире – на протяжении всего XX в., а именно – сотрудничество и противоборство². Какие факторы, с точки зрения историков и политологов, осложняли или улучшали отношения между указанными государствами в 1920-е гг., какую эволюцию они пережили, что за феномен представляла собой Антанта и как развивалась в обозначенный период – именно на эти вопросы предлагается ответ в данной статье.

Сторонники доминирующей парадигмы теории МО – политического реализма – считают, что «обычно общий интерес (государств) носит негативный характер – страх перед другими государствами»³. Наличие общего противника и угрозы толкает государства к сотрудничеству, его исчезновение быстро возвращает их на привычные (для реалистов) «рельсы» соперничества и конкуренции. Подобную картину взаимоотношений Великобритании и Франции в 1920-е гг. рисуют многие исследователи. Как пишет британский историк Д. Уотсон, с поражением Германии в Первой мировой войне, «не было ничего, что заставляло бы Великобританию и Францию действовать в качестве союзников в международных делах»⁴. Мэтр французских исследований МО П. Ренувен также подчеркивал,

что правительства европейских держав-победительниц, демонстрируя свою солидарность до подписания мира с Германией, с момента получения ее подписи, «не колеблясь, заявили о своих разногласиях». При этом автор констатирует, что эта солидарность начала расширяться уже с момента капитуляции проигравших держав⁵. Показательна в этом отношении и любовь исследователей к цитированию разговора Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джорджа в июне 1921 г. Бывший французский премьер, приехавший в Оксфорд за получением почетной степени и встретившийся с Ллойд Джорджем, сказал ему, что сразу после заключения перемирия с Германией он нашел в нем врага Франции. Ллойд Джордж не растерялся и ответил: «Разве не это было нашей традиционной политикой?»⁶.

В классический реалистский ответ на причины англо-французских противоречий в первой половине 1920-х гг. вписывается тезис о том, что государственные интересы и стратегии двух государств вступали друг с другом в конфликт. Такой тезис был сформулирован достаточно рано. Еще в 1940 г. американский политолог А. Уолферс писал о «конфликтующих стратегиях мира» Великобритании и Франции и о том, что «на протяжении почти двадцати лет подход Франции и Великобритании к европейским делам, их цели, их интересы, и их политические курсы фундаментально расходились»⁷. Чуть позже, в 1943 г., анализируя англо-французские отношения в межвоенный период, член британского Королевского института МО В.М. Джордан подчеркивал, что «главное расхождение заключалось в том, что один политический курс (Великобритании – И.М.) основывался на соглашениях (с Германией – И.М.), а другой (Франции – И.М.) полагал в основу европейского мира принуждение»⁸.

В этом контексте французская политика часто описывалась как направленная на максимальное ослабление Германии, в то время как британская политика интерпретировалась в терминах классического «баланса сил». «С 1920 года, – пишет маститый французский исследователь Ж.-Б. Дюрозель в своей классической «Истории МО» – наблюдаются первые столкновения французской политики, главную роль в которой играла забота о безопасности, и английской политики, заботившейся о европейском равновесии»⁹. В условиях ослабления Германии в 1920-е гг. британская политика «баланса сил», по мнению ряда авторов, означала не что иное, как недопущение французской гегемонии на европейском континенте, что явно не способствовало улучшению отношений между двумя государствами¹⁰. В эту же рубрику причин, можно отнести идеи историков о том, что два государства имели различные стратегии в области обеспечения безопасности: Франция полагалась на поддержание своего военного превосходства и «тыловые союзы», требуя новых гарантий безопасности от Великобритании на случай германской агрессии, в то время как последняя стремилась избежать чрезмерного втягивания в дела на континенте и рассматривала французскую политику как поиск европейской гегемонии¹¹. Seriously различалось отношение двух государств и к проблеме эволюции международного порядка, закрепленного в мирных договорах 1919–1920 гг. Американский историк Д. Джекобсон суммирует идеи различных авторов так: «французы хотели статичной системы постоянных гарантий против восстановления Германии, англо-американцы одобряли курс на мирное изменение (договоров – И.М.) и реинтеграцию Германии»¹². Британский исследователь Д. Кейгер удачно подметил и роль такого фактора напряженности в англо-французских отношениях как нежелание Франции признать их асимметрию: Великобритания была нужна ей намного больше, нежели она сама своему «соседу по Ла-Маншу»¹³.

Один из распространенных тезисов о причинах англо-французских противоречий в 1920-е гг. заключается в том, что два государства, объединенные задачей воплощения мирных договоров на практике, расходились в своих подходах к ее решению¹⁴. Однако степень и характер расхождения позиций Великобритании и Франции интерпретируется по-разному. В изложении одних исследователей англо-французские противоречия являются своего рода трагическим примером непонимания друг друга государствами, у которых было так много общего. Э. Клейтон выражает эту точку зрения в следующих словах:

«англо-французские военно-морские отношения были микрокосмом более широких англо-французских отношений как в данное время (1918–1939 гг.), так и после. Способность двух великих держав, имеющих по существу общие интересы, неверно понимать друг друга представляется бесконечной». Свое согласие с этими словами выражает и Белл¹⁵. Трагизм англо-французских расхождений в отношении Германии в 1918–1936 гг. признает и Джордан. Однако из его подробного анализа причин противоречий в отношениях двух государств далеко не очевиден вывод о том, что их можно описать лишь как «неправильное понимание друг друга»¹⁶. Наконец, для третьей группы исследователей англо-французский антагонизм имеет глубинные причины, избежать его, с их точки зрения, было крайне сложно. К данной группе можно отнести Р. Бойса из Лондонской школы экономики, а также американскую исследовательницу С. Маркс, которая, говоря о подходах Франции и Великобритании к реализации Версальского договора, заключает, что «неизбежно возникло тупиковое положение и возможность для побежденных государств для маневра»¹⁷.

В особую группу можно выделить авторов, делающих акцент на интерпретации англо-французских противоречий не с помощью параметров системного характера («баланс сил», «дилемма безопасности»), а на основе «внутренних» характеристик каждого из государств. Так, для австралийского автора Э. Вебстера, изучающего вопросы взаимодействия Великобритании и Франции в сфере разоружения, ключевым является геополитическое положение каждого из государств. Различные подходы Великобритании и Франции к проблеме разоружения проистекают, по его мнению, из соперничества концепций, одна, из которых принадлежала «морской державе», а другая – «сухопутной»¹⁸. Российский историк А.М. Фомин в одной из своих ранних работ сделал акцент на таком факторе, как экономическое и геополитическое положение двух государств, объясняя англо-французский антагонизм тем, что «Великобритания была державой торгово-промышленной и колониальной, Франция – державой континентальной и “ростовщической”»¹⁹. В дальнейшем он же говорил о том, что за различием политических линий двух государств в отношении Турции стояло расхождение двух интересов – «военно-стратегического интереса Великобритании и финансово-экономического интереса Франции»²⁰. Р.М. Илюхина, изучая взаимодействие Великобритании и Франции в рамках Лиги Наций, считала скрепляющим фактором политики двух государств антисоветизм, в то время как «изменение соотношения сил» способствовало расхождению их позиций²¹. Уолферс помимо вышеуказанных причин подчеркивал также роль внутривнутриполитических факторов. По его мнению, англо-французские отношения в период 1920–1936 гг. развивались «прямо пропорционально» смене правительств во Франции. Приход к власти левых партий, к которым помимо социалистов он относил радикал-социалистов, сопровождался «потеплением» отношений Великобритании и Франции; правые правительства проводили более жесткий внешнеполитический курс, что вызвало «охлаждение» в контактах двух государств²².

Ряд историков в 1990–2000-е гг. стремились расширить традиционный круг причин и факторов, используемых при описании отношений Великобритании и Франции в первое послевоенное десятилетие. Они дополнили его такими элементами как представления руководящих элит двух государств друг о друге, их национальные стереотипы и социально-психологические предрассудки, роль личностей в англо-французских отношениях, наконец, фактор случайности и хитрости. Так, британские авторы М. Александер и У. Филпотт тщательно рассмотрели, как взаимные оценки относительной мощи соседа «по ту сторону Ла-Манша» влияли на формирование политических курсов Великобритании и Франции²³. Бойс продолжил тему, начатую американским историком Д. Кейрнсом в 1970-е гг.²⁴, и продемонстрировал существенную роль национальных и расовых (учитывая специфическое понимание термина «раса» в межвоенный период²⁵) стереотипов в англо-французских отношениях²⁶. Канадский историк А. Кассельс, исследуя характер

англо-французской Антанты, сделал особый акцент на личностях Э. Эррио и Р. Макдональда и роли имевшихся у них концепций МО²⁷. Наконец, британец Э. Лентин выдвинул гипотезу о том, что случайность (невнимательность Клемансо при прочтении и подписании текста англо-французского договора 27 июня 1919 г., в который Ллойд Джордж сознательно вставил дополнительное слово) оказала огромное влияние на весь ход англо-французских отношений в 1920-е гг.²⁸ В недавних работах по теме, видимо, под общим влиянием конструктивизма на изучение истории и теории МО в Европе и США, при анализе причин англо-французского соперничества привычными стали отсылки к роли различий между двумя странами в области языка, культуры и психологии²⁹.

Свои расхождения в понимании причин осложнения англо-французских отношений существуют между историками, занимающихся непосредственно данным сюжетом и теми, кто исследуют его в рамках более широких проблем. Первые из них в согласии с современниками (прежде всего, французскими политиками 1920-х гг.) рассматривают отношения двух стран как ключевой фактор в послевоенном урегулировании и стабилизации в Европе. Джордан пишет о том, что «расхождения в политике Франции и Англии по отношению к Германии явились *основной причиной неудачи* всех попыток установить в Европе условия, действительно необходимые для надлежащего ее развития»³⁰. В схожем ключе британский историк Н. Уэйтс считал, что «серьезно ослабленные войной, Великобритания и Франция остались все же самими могущественными державами в мире»³¹. Российский автор Р.А. Сетов также поддерживает эту идею, отмечая, что «Версальская системная модель обрела форму динамичной и гибкой полицентричности... при доминировании *двухединого ядра* Великобритания – Франция»³². О том, что именно «отсутствие прочного англо-французского консенсуса» сделало решение послевоенных проблем «более неустойчивым», пишет британский историк А. Шарп³³. Ранее на этом же настаивали его коллеги М. Докрилл и Д. Гулд³⁴. В целом, в рамках данного направления исследователей, именно Великобритания и Франция предстают как ключевые игроки на международной арене. Их противоречия и невозможность согласования их политики предстают как ключевое препятствие для стабилизации обстановки в Европе.

Однако другие исследователи подчеркивают слабые стороны данной позиции. Как отмечает Маркс, «устаревшая европейская идея о том, что Европа представляет собой цивилизованный мир и что европейские ссоры – вот, что имеет значение, были распространены по всему континенту»³⁵. В недавней работе П. О'Корс из Йельского университета выступил с фундированной критикой европоцентричного подхода к истории МО 1920-х гг., считая ключевым фактором их эволюции становление т.н. трансатлантического порядка, основанного на взаимодействии США и Великобритании (термин употреблялся еще в 1970-е гг. французским историком Д. Арто). В рамках этой идеи французская политика безопасности и англо-французская Антанта предстают лишь второстепенными феноменами, не способными стать основой послевоенной стабилизации. Как пишет исследователь, «система французских восточных союзов, основанная, главным образом, на пактах с Польшей и Чехословакией, была очень неадекватной компенсацией неудавшегося англо-американского союза или, что более важно, менее конфронтационного курса по отношению к Германии. Наконец, было мало возможностей для реконструкции англо-французской Антанты на руинах, оставленных решением США уйти из Европы»³⁶. Для О'Корса причины противоречий между Великобританией и Францией по большому счету не так уж и важны, в любом случае двум странам не хватало ни ресурсов, ни мощи для обеспечения мирного урегулирования в послевоенной Европе.

Помимо указанных выше факторов, большинство историков, так или иначе, упоминают среди причин, влиявших на отношения Великобритании и Франции исторический опыт «общения» двух государств, а также различный масштаб, с которым главы двух государств подходили к решению мировых политических проблем: Франция была сосре-

доточена на европейских вопросах, в то время как Великобритания, являвшаяся центром Британской империи, имела глобальный взгляд на МО³⁷.

Как можно заметить, список рассмотренных в историографии причин, влиявших на осложнение англо-французских отношений в 1920-е гг., достаточно велик и обширен. Однако большинство авторов упоминают их в связи с исследованием отдельных сюжетов, редкими остаются попытки выстроить их в целостную картину, выявить их взаимосвязь и рассмотреть относительное влияние. Чаще встречается перечисление отдельных факторов, хотя и с выделением доминирующего(их) среди них³⁸.

Другое критическое замечание, относящееся ко многим работам, касается выделения критериев эволюции отношений Великобритании и Франции, анализируемых в рамках понятия «Антанта». Что такое Антанта и каковы основные этапы в ее развитии в 1920-е гг. – единства в ответе на эти вопросы среди историков не найти.

Можно выделить три основные точки зрения. В работах одних авторов Антанта изображается как один из полюсов в англо-французских отношениях, противоположный «предательству», своеобразный маркер «взлета» отношений, отличный от падения³⁹. Вопрос о выделении этапов эволюции Антанты в данном случае сводится к анализу периодов «потепления» и «охлаждения» отношений Великобритании и Франции. Американский историк Х. Холл считает, по последние шансы на оживление Антанты исчезли после неудачи переговоров по англо-французскому пакту на Каннской конференции января 1922 г. и прихода к власти во Франции Р. Пуанкаре⁴⁰. Большинство историков этой группы пишет в том, что разрыв Антанты знаменовал собой Рурский кризис 1923 г. Характерны в этом отношении слова Шарпа, описывающего период 1920–1923 гг. как эволюцию от «сердечного согласия» к «сердечному несогласию», завершившуюся разрывом Антанты (*rupture cordiale*) в ходе Рурского кризиса⁴¹. Однако в ответе на вопрос о том, какой именно этап кризиса стал решающим, единства уже не наблюдается. Британский историк Д. Джонсон склонен полагать, что Антанта «была уничтожена» уже в его начале – в январе 1923 г.⁴². Аналогичной точки зрения в своих мемуарах придерживался польский общественно-политический деятель, журналист С. Мацкевич, который отмечал, что «в январе 1923 г. Антанте приходит конец». Ввод французских и бельгийских войск в Рур, в его интерпретации, привел «к разрыву с английской политикой»⁴³. Молодой российский исследователь Н.Д. Соколов, исследующий британскую политику накануне Рурского кризиса, придерживается несколько иной позиции. Подчеркивая сложность дипломатической ситуации, в которую Великобритания попала в январе 1923 г., он отмечает, что «Лондон не мог открыто выступить против планов своего стратегического союзника по Антанте. Выходом из положения стало принятие тактики нейтралитета, который, все же, сложно было назвать “благожелательным”»⁴⁴. Для О.А. Аршинцевой из Алтайского государственного университета решающее значение имеет нота Д. Керзона от 20 апреля 1923 г., обозначившая «переход британской политики от нейтралитета к вмешательству». Цель этой политики, как считает исследовательница, заключалась в том, «чтобы добиться от Германии приемлемого для всех проекта репарационных выплат на условиях, что Франция признает поражение своей политики в Руре»⁴⁵ – позиция, с трудом вписывающаяся в логику политики Антанты. Трансформацию «сердечного согласия» в «сердечное несогласие» Фомин отодвигает к лету 1923 г.⁴⁶. Близок к этой точке зрения, по всей видимости, был Ллойд Джордж, красочно писавший в августе 1923 г.: «Без всякого намерения сокол [выпущенный Пуанкаре] заклевал Антанту. Она еще не мертва, но едва может летать»⁴⁷. Наконец, еще одна подгруппа историков отодвигает кризис Антанты к осени 1923 г. – периоду дипломатического урегулирования Рурского кризиса. Канадская исследовательница Э. Эрмон и Шарп, которых можно отнести к этой подгруппе, склонны подчеркивать осторожность политики Великобритании на протяжении всего 1923 г., не шедшей на прямой разрыв с Францией и даже оказывавшей ей небольшое содействие в оккупации Рура⁴⁸. В чем-то близкую точку зрения в ноябре 1923 г. высказывал и тогдаш-

ний председатель Совета министров Франции Пуанкаре. Подчеркивая опасности, связанные с возможными последствиями единоличных санкций Франции против Германии без поддержки союзников, он отмечал: «Я не хочу употреблять громких слов, но это возможный разрыв Антанты»⁴⁹. Кассельс отодвигает «упадок англо-французской Антанты» к зиме 1923–1924 гг.⁵⁰. При этом в отличие от других Эрмон считает, что Антанта все-таки пережила кризис, продолжая существовать и после ноября 1923 г. Возможно, так же считал британский исследователь Д. Уильямсон, однако, он употреблял термин столь широко, что понять из его слов, распалась ли Антанта или нет, и когда это произошло, достаточно сложно⁵¹.

Вторая крупная группа исследователей смотрит на эволюцию Антанты после Первой мировой войны иначе. Для них Антанта это, прежде всего, военно-политический союз. Большинство авторов из данной группы датируют его распад периодом от 1918 г. (Компьенское перемирие) до 1920 г. (ратификация Германией Версальского договора), что обуславливается исчезновением фактора, объединявшего Великобританию и Францию в период Первой мировой войны, а именно – германской угрозы. Однако здесь также есть свои нюансы. Как можно заметить из вышеприведенной цитаты Уотсона, он, по всей видимости, склонен полагать, что англо-французский союз распался фактически после ноября 1918 г. Как отмечал этот же исследователь в другом месте, «конфликт между политикой Великобритании и Франции начался сразу же после того, как немцы запросили о перемирии; он продолжился вплоть до предоставления делегации Германии пересмотренных условий мирного договора в июне 1919 г. и, конечно же, после»⁵². Близок к этой точке зрения и Бойс, который подчеркивает: «Отношения между Великобританией и Францией после Великой войны справедливо были описаны как сердечное несогласие (*mésentente cordiale*). В начале 1920-х гг. две державы радикально расходились по базовым вопросам европейской безопасности и места Германии в послевоенном мировом порядке. В конце 1920-х гг. отношения были ухудшены различиями в области торговой политики, механизма функционирования золотого стандарта, в вопросе о военных долгах, о разоружении и множестве других»⁵³. О сложностях в отношениях Великобритании и Франции, «начавшихся уже в Версале», пишет Уолферс⁵⁴. Схожая точка зрения была сформулирована в «Дипломатическом словаре» 1971 г.: «После разгрома Германии А[нтанта] фактически перестала существовать»⁵⁵. Наконец, подобной позиции не были чужды и некоторые современники. Как отметил в своем дневнике в декабре 1919 г. полковник Р. Мейнерцхаген, помощник главнокомандующего британскими силами на Ближнем Востоке фельдмаршала Э. Алленби, «эта жалкая Антанта, созданная для одной единственной цели – войны с Германией, теперь, когда мы полностью разбили «гуннов», потеряла всякую важность, и чем скорее мы бросим ее, тем лучше»⁵⁶. К январю 1920 г. отодвигал конец англо-французского союза Джордан, отмечая, что «формальные узы союза, хотя и сохранились номинально, поскольку шла война еще с Турцией, фактически были порваны ратификацией мира с главным противником – Германией»⁵⁷. О том, что с марта 1920 г. ««сердечное согласие» стало более невозможным» пишет французский историк М. Вайс, считая ключевым событием распада Антанты отказ США ратифицировать Версальский договор⁵⁸. Особую позицию в рамках данной группы историков занимает А.Г. Сенокосов, который доводит существование Антанты как военно-политического союза до 1923 г.⁵⁹. Позиция Кейгера остается не совсем ясной из-за особенностей употребления им терминов «союзники» и «союз». Так, подчеркивая, что «с окончанием войны две страны формально больше не были союзниками», он вместе с тем пишет о том, что лишь напряженно проходившие переговоры Пуанкаре и Керзона в сентябре 1922 г. в Париже «положили конец союзу двух государств»⁶⁰. Возможно, он различает формальное и фактическое завершение англо-французского союза, однако не проясняет этот вопрос до конца. Вообще стоит отметить, что к употреблению термина «союз» при изучении британской политики 1920-х гг. историкам стоит относиться внимательнее.

Так, к примеру, британская исследовательница Г. Джонсон пишет о том, что «кризис в Греции и французская позиция по плебисциту в Верхней Силезии летом 1921 г. подтолкнули Ллойд Джорджа к выводу о необходимости *военного союза* с Францией в том или ином виде»⁶¹. Однако, на начальном этапе официальных переговоров по англо-французскому пакту в январе 1922 г. Ллойд Джордж ясно писал о том, что Великобритания не готова заключить «наступательный или оборонительный союз»⁶². Возможно, Джонсон считает, что в промежуток между летом 1921 и зимой 1922 гг. в позиции британского премьера произошел поворот, однако вполне можно предполагать, что о *военном союзе* с Францией в полном смысле слова он никогда и не думал.

Третья крупная точка зрения в отношении эволюции англо-французской Антанты была распространена в советской историографии и частично сохраняется в современной российской. В соответствии с ней ключевую роль в распаде Антанты сыграл провал планов военного разгрома Советской России и победа большевиков в Гражданской войне вкупе с нарастанием противоречий Великобритании и Франции. Тем самым конец Антанты датируется промежутком 1920–1922 гг. Распространенность подобной интерпретации отражается в том, что она представлена в ряде энциклопедических изданий⁶³.

Мало разработанным остается вопрос о развитии Антанты после Рурского кризиса 1923 г. Однако замечание об отсутствии ясных критериев в анализе ее эволюции, о чем говорилось выше, применимо и здесь. Так, с точки зрения Шарпа, период 1923–1925 гг. – своего рода зеркальное отражение периода 1920–1923 гг.: «сердечное согласие» было частично восстановлено в Локарнских соглашениях октября 1925 г.⁶⁴. Однако с этой идеей не согласна Джонсон, полагая, что «сердечное согласие», несмотря на желания министров иностранных дел А. Бриана и О. Чемберлена, не функционировало в 1924–1928 гг.⁶⁵ Джекобсон, напротив, считает, что после Лондонской конференции 1924 г. Антанта не только продолжила существование, но даже, в какой-то степени, укрепилась⁶⁶.

Еще один недостаток рассмотренных исторических исследований, который характерен и для более широкого круга историографии, был отмечен А.Д. Богатуровым: «и в западной, и в отечественной литературе сохраняется зримый разрыв между теоретическими работами аналитиков-глобалистов и книгами историков-страноведов и регионоведов, которые словно бы и не считают нужным хоть как-то соотносить свои конкретные наблюдения, констатации и выводы с общими гипотезами и концепциями коллег-теоретиков»⁶⁷. Действительно, ни в одной из рассмотренных работ нет ссылок или дискуссии с идеями по проблеме Антанты, сформулированными в работах по политологии и теории МО. А ведь такие работы имеются.

Американский политолог Р. Джервис считает, что Антанта 1919–1920 гг. – это вариант так называемой «системы концерта» в МО (существовавшей, по его мнению, также в 1815–1854 гг., 1945–1946 гг.), функционирующей по правилам, отличным от системы «баланса сил». «Системы концерта», считает исследователь, складываются после «больших войн» под влиянием сотрудничества между победителями в военное время и общей оценкой побежденного государства как угрозы. Условия для сотрудничества государств и их убеждение в том, что оно возможно и будет длиться определенное время, ведут к образованию факторов, смягчающих противоречия: увеличению выгод от взаимодействия, изменению т.н. баланса наступления и защиты, уменьшению опасений быть использованным другим государством с ущербом для самого себя. Особое внимание Джервис уделяет таким факторам как выработка общих процедурных норм в принятии международных решений и механизмы прозрачности в отношениях государств. В целом, его вывод заключается в том, что с течением времени условия для существования «систем концерта» исчезают, и система МО вновь начинает работать по правилам «баланса сил»⁶⁸. Хотя Е.В. Романова из Московского государственного университета и писала о дискуссионности точки зрения Джервиса о существовании «системы концерта» в 1919–1920 гг.⁶⁹, историкам Антанты стоит уделить мыслям американского политолога больше внимания⁷⁰.

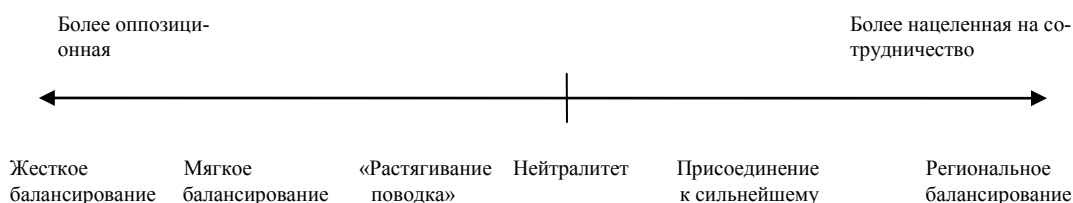

Подробно теоретическую сторону феномена антанты⁷¹ исследует М. Антолик из Манхэттенского колледжа. Антанта для него не просто конкретно-историческое явление в англо-французских отношениях XIX–XX вв., а особый тип политики, направленный на урегулирование спорных вопросов между государствами. Антанта, интерпретируемая как «дипломатическое взаимопонимание, нацеленное на ограничение конкуренции посредством политики самоограничения» отличается от союза. В то время как политика антанты направлена на разрядку (defusing) обстановки вражды, целью союза является устрашение противника. При этом антанта в отличие от союза не исключает другие государства от вхождения в собственный состав; от политики сближения (rapprochement), в свою очередь, она отличается тем, что антанта не предполагает урегулирования или разрешения конфликта – стороны сдерживают противоречия от проявления, но они, тем не менее, продолжают сохраняться. Один из парадоксов размышлений Антолика заключается в том, что ясно проводя различие между антантой и союзом с теоретической точки зрения, он отрицает его существование применительно к 1920-м гг., полагая, что «антанта стала послевоенным эвфемизмом для союза»⁷².

Наконец, любопытные идеи по поводу антанты высказывает политолог Р. Швеллер из университета Огайо. Для него данная форма политических отношений между государствами является одним из проявлений т.н. мягкого балансирования (soft balancing), возникающего тогда, «когда государства формируют антанты или договоренности ограниченного характера в области безопасности для балансирования угрожающего государства или возрастающей мощи. Мягкое балансирование часто основывается на ограниченном наращивании вооружений, совместных акциях по случаю, сотрудничестве в региональных или международных институтах; подобная политика может быть преобразована в жесткое балансирование, если и когда соперничество в сфере безопасности становится более интенсивным, и могущественные государства начинают выступать в качестве угрозы»⁷³. Идея Швеллера интересна, прежде всего, в двух отношениях. Во-первых, как и Джервис, он обращает внимание на институциональную основу антанты. Это заставляет задуматься о процессе конкретного взаимодействия Великобритании и Франции в 1920-е гг. в рамках таких институтов как Верховный совет Антанты, Конференция послов, Военный межсоюзнический совет в Версале и т.д. О подобной институциональной основе англо-французской Антанты историки пишут далеко не часто. Во-вторых, интерес представляет мысль Швеллера о связывании понятий антанты и мягкого балансирования. Прежде всего, она полезна тем, что помогает понять переходность феномена Антанты, его расположение между чем-то более «жестким» (военно-политическим союзом) и «мягким» (политикой нейтралитета). Вот, как представляет место политики мягкого балансирования американский политолог С. Уолт⁷⁴:

Схема 1.

Мягкое балансирование в контексте государственных стратегий по построению союзов

Данная схема демонстрирует то, что понятие антанты сложно понять без соотношения его со смежными явлениями: союзом, с одной стороны, политикой ограниченного наращивания мощи и нейтралитетом, с другой⁷⁵.

Таким образом, в современной отечественной и зарубежной историографии обрисован и раскрыт на конкретных источниках целый ряд факторов, повлиявших на англо-французские отношения в 1920-е гг. Помимо ставших уже традиционными отсылок на значение внутривосточных обстоятельств, различий в геополитическом положении Великобритании и Франции, противоречий их интересов и стратегий, оценок уровня и угроз безопасности, раскрыто влияние и таких относительно новых факторов как национальные стереотипы, роль личности и случайностей, различия в культуре и психологии. Однако в историографии есть и проблемы, которые требуют дальнейшего разрешения. Во-первых, больше внимания стоит уделить приведению идей о роли тех или иных факторов в единую систему, что неизбежно требует ясной методологии. К этому же выводу приводит анализ имеющейся разногласности во мнениях об эволюции Антанты в 1920-е гг., который заставляет задуматься о поиске более четких критериев при анализе данного процесса. Во-вторых, неслучайным представляется то, что в ряде своих оценок состояния англо-французских отношений, историки не так далеки от современников. Как показал в свое время Джекобсон применительно к истории МО 1920-х гг., часто споры в историографии напрямую перекликаются с политическими и общественными дискуссиями изучаемых историками эпох⁷⁶. В связи с этим полнее стоит проанализировать вопрос о том, насколько на работы историков влияют мнения, концепции и суждения, заложенные в используемых ими источниках⁷⁷. Наконец, в-третьих, стоит активнее привлекать при проведении исторических исследований опыт смежных дисциплин – теории МО, политологии, социологии. С ним не обязательно соглашаться или заимствовать, но сопоставление, сравнение полученных историками результатами с теми выводами, к которым другими путями пришли теоретики, обогатит и тех и других.

Примечания

1. Bell P.H.M. Preface //Anglo-French Defence Relations between the Wars /Ed. by M.S. Alexander, W.J. Philpott. Basingstoke, 2002. P. VII.
2. Белоусова З.С. Европейская политика Великобритании и Франции: противоречия и сотрудничество //Европа между миром и войной 1918–1939 /Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 1992. С. 57-101; Anglo-French Relations in the Twentieth Century: Rivalry and Cooperation /Ed. by A. Sharp and G. Stone. New York, 2000.
3. Waltz K.N. Theory of International Politics. New York, 1979. P. 166.
4. Watson D. Britain, France and the Russian Civil War, 1918–1920 //Anglo-French Relations. P. 100.
5. Renouvin P. Histoire des relations internationales. Tome III (1957). Paris, 1994. P. 411, 464.
6. Watson D. The Making of the Treaty of Versailles //Troubled Neighbours: Franco-British Relations in the Twentieth Century /Ed. by N. Waites. London, 1971. P. 67; Sharp A., Jeffery K. 'Après la Guerre finit, Soldat anglais partit...': Anglo-French relations 1918-25 //Diplomacy & Statecraft (далее – DS). Vol. 14. No. 2. 2003. P. 120; Morgan K.O. Lloyd George and Clemenceau: Prima Donnas in Partnership //Britain, France and the Entente Cordiale since 1904 /Ed. by A. Capet. Basingstoke, 2006. P. 37.
7. Wolfers A. Britain and France between Two Wars: conflicting strategies of peace since Versailles. New York, 1940. P. 201.
8. Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. (1943). М., 1945. С. 6.
9. Duroselle J.-B. Histoire des relations internationales. Tome I. 12eme ed. Paris, 2001. P. 11.
10. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М., 1962. С. 37, 131, 139-142; Marks S. The Illusion of Peace: International Relations in Europe, 1918–1933. London, 1976. P. 11; Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939. М., 2004. С. 35.
11. Hall H. Lloyd George, Briand and the Failure of the Anglo-French Entente //The Journal of Modern History. Vol. 50. No. 2. 1978. P. 1138; Sharp A. Anglo-French relations from Versailles to Locarno, 1919-25: The quest for security //Anglo-French Relations. P. 120-138.
12. Jacobson J. Is There a New International History of the 1920s? //The American Historical Review (далее – AHR). Vol. 88. No. 3. 1983. P. 620.

13. Keiger J.F.V. 'Perfidious Albion?' French Perceptions of Britain as an Ally after the First World War //Intelligence and National Security (далее – INS). Vol. 13. No. 1. 1998. P. 37-52.
14. Sharp A. The Enforcement of the Treaty of Versailles. 1919–1923 //DS. Vol. 16. No. 3. 2005. P. 432.
15. Clayton A. Growing Respect: the Royal Navy and the Marine Nationale. 1918–1939 //Anglo-French Defence Relations. P. 43-4; Bell P.H.M. Preface. P. VII.
16. Джордан В.М. Указ. соч. С. 6, 143, 154, 164 и др.
17. Boyce R. Behind the façade of the Entente Cordiale after the Great War //Britain, France and the Entente Cordiale. P. 41-63; Marks S. The Illusion of Peace. P. 34. (*Курсив мой*).
18. Webster A. An Argument without End: Britain, France and the Disarmament Process. 1925-34 //Anglo-French Defence Relations. P. 49.
19. Фомин А.М. Англо-французские отношения в 1921–1922 годах и европейская инициатива Бриана. М., 2001. Депонирована в ИНИОН РАН 24 декабря 2001 г. № 56894. С. 46.
20. Его же. Проблемы Ближнего Востока в англо-французских отношениях в 1918–1923 годах: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 152.
21. Илюхина Р.М. Лига Наций. 1919–1934. М., 1982. С. 11, 88.
22. Wolfers A. Op. cit. P. 88-89.
23. Alexander M.S., Philpott W.J. The Entente Cordiale and the Next War: Anglo-French views on Future Military Cooperation, 1928–1939 //INS. Vol. 13. No. 1. 1998. P. 53-84; Idem. The French and the British Field Force: Moral Support or Material Contribution? //The Journal of Military History. Vol. 71. No. 3. 2007. P. 743-772.
24. Cairns J.C. A Nation of Shopkeepers in Search of a Suitable France: 1919-40 //AHR. Vol. 79. No. 3. 1974. P. 710-743.
25. Акцент в нем делался на понимании расы как некоей совокупности людей, характеризующихся общими национальными чертами («славянская раса», «латинская раса») и происхождением (от французского «gacine» – корень, основа, начало).
26. Boyce R. Op. cit.
27. Cassels A. Repairing the Entente Cordiale and the New Diplomacy //The Historical Journal. Vol. 23. No. 1. 1980. P.133-153.
28. Lentin A. Lloyd George, Clemenceau and the elusive Anglo-French guarantee treaty, 1919: 'A disastrous episode'? //Anglo-French Relations. P. 104-119.
29. Alexander M.S., Philpott W.J. Introduction: Choppy Channel Waters – the Crests and Troughs of Anglo-French Defence Relations //Anglo-French Defence Relations. P. 16-17; Dutton D. Britain and France at war, 1914–1918 //Anglo-French Relations. P. 83; Jackson P. Pierre Bourdieu, the "Cultural Turn" and the Practice of International History //Review of International Studies. Vol. 34. No. 1. 2008. P. 155-181.
30. Джордан В.М. Указ. соч. С. 6. (*Курсив мой*).
31. Waites N. Introduction //Troubled Neighbours. P. 5.
32. Сетов Р.А. Современный миропорядок и государственные интересы России. М., 2010. С. 182.
33. Sharp A. Adapting to a New World? British Foreign Policy in the 1920 s. //Contemporary British History (Далее – СБН). Vol. 18. No. 3. 2004. P. 83; Также: Sharp A. The Enforcement of the Treaty. P. 424.
34. Dockrill M.L., Goold J.D. Peace Without Promise: Britain and the Peace Conferences 1919–1923. London, 1981. P. 86.
35. Marks S. The Illusion of Peace. P. 29.
36. O'Cohrs P. The Unfinished Peace after World War I: America, Britain and Stabilisation of Europe, 1919–1932. Cambridge, 2008. P. 69.
37. Borne D., Dubief H. La crise des années 30, 1929–1938. Paris, 1989. P. 50; Thomas M. At the Heart of Things? French Imperial Defense Planning in the Late 1930s. //French Historical Studies. Vol. 21. No. 2. 1998. P. 325; Sharp A., Stone G. Introduction //Anglo-French Relations. P. 1; Фомин А.М. Проблемы Ближнего Востока. .... С. 4, 244.
38. Wolfers A. Op. cit. P. 201-204; Sharp A., Stone G. Op. cit. P. 1.
39. Waites N. Op. cit. P. 3.
40. Hall H. Op. cit. P. 1121-1138.
41. Sharp A. Anglo-French relations. .... P. 120; Фомин А.М. Проблемы Ближнего Востока. .... С. 235.
42. Johnson D. The Locarno Treaties //Troubled Neighbours. P. 100.
43. Мацкевич С. Политика Бека [1964]. М., 2010. С. 22.

44. Соколов Н.Д. «Германская политика» Великобритании накануне Рурского кризиса 1923 года //Современные научные исследования и инновации. Июль, 2011. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/07/1244> (дата обращения – 15.08.2011).
45. Аршинцева О.А. Репарации в европейской политике Великобритании в период рурского кризиса 1923 г. //Известия Алтайского государственного университета. №2. 2006. С. 47-50.
46. Фомин А.М. Проблемы Ближнего Востока.... С. 235.
47. Ллойд Джордж Д. Мир ли это? Европейский кризис 1922–1923 годов. 2-е изд. М., 2009. С. 120.
48. Hermon E. La crise de l'Entente du mois de novembre 1923 à la lumière de documents italiens //Mélanges de l'Ecole française de Rome. Temps modernes. Vol. 92. No. 2. 1980. P. 663-690; Sharp A. Anglo-French relations. P. 129; Idem. Lord Curzon and British Policy towards the Franco-British occupation of the Ruhr in 1923. //DS. Vol. 8. No. 2. 1997. P. 83-96.
49. Extrait du Journal Officiel du 24 novembre 1923. //Documents Diplomatiques. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janvier 1919 – 7 décembre 1923) (далее – DD. Garanties). Paris, 1924. P. 261.
50. Cassels A. Op. cit. P. 136.
51. Williamson D.G. Great Britain and the Ruhr Crisis, 1923–1924 / British Journal of International Studies. Vol. 3. No. 1. 1977. P. 70-91.
52. Watson D. The Making of the Treaty of Versailles.... P. 67.
53. Boyce R. Op. cit. P. 41. (*Курсив мой*).
54. Wolfers A. Op. cit. P. 78.
55. Антанта //Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1971. С. 143-144.
56. Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010. С. 181-182.
57. Джордан В.М. Указ. соч. С. 74.
58. Vaïsse M. The 1920 s. //Cross Channel Currents: 100 Years of the Entente Cordiale /Ed. by R. Mayne, D. Johnson and R. Tombs. London, 2004. P. 72.
59. Сенокосов А.Г. Эволюция Антанты как военно-политического союза (1891–1923) //Вестник РГГУ. №14. 2009. С. 72-81.
60. Keiger J.F.V. Op. cit. P. 38, 40.
61. Johnson G. Curzon, Lloyd George and the Control of British Foreign Policy, 1919-22: A Reassessment //DS. Vol. 11. No. 3. 2000. P. 57.
62. Aide-mémoire of statement made by Lloyd George on behalf of the British Government to Briand, Cannes, 4 January, 1922 //DD. Garanties. P. 97.
63. Манфред А.З. Антанта //Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 600; Антанта //Военная энциклопедия. Т. 1. М., 1997. С. 179-180; Серова О.В. Антанта //Большая Российская энциклопедия. Т. 2. М., 2006. С. 23.
64. Sharp A. Anglo-French relations. P. 120.
65. Johnson G. Austen Chamberlain and Britain's Relations with France, 1924–1929. //DS. Vol. 17. No. 4. 2006. P. 766; Idem. Sir Austen Chamberlain, the Marquess of Crewe and Anglo-French Relations, 1924–1928 //CBH. Vol. 25. No. 1. 2011. P. 60.
66. Jacobson J. Op. cit. P. 642.
67. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. С. 13.
68. Jervis R. From Balance to Concert: A Study of International Security Cooperation //World Politics (далее – WP). Vol. 38. No. 1. 1985. P. 58-79.
69. Романова Е.В. Структурные факторы системной стабильности //Основы общей теории международных отношений /Под ред. А.С. Манькина. М., 2009. С. 524.
70. Показательно, к примеру, что, хотя А. Шарп и К. Фишер пишут о том, что ситуация, сложившаяся после 1815 г. не повторилась в Европе после 1918 г., что противоречит мнению Джервиса, на его работу они не ссылаются (Sharp A., Fischer C. The Versailles Settlement: Enforcement, Compliance, Contested Identities //DS. Vol. 16. No. 3. 2005. P. 421).
71. Будем использовать термин «Антанта» для обозначения конкретно-исторической формы взаимоотношений Великобритании и Франции, термин «антанта» – для аналитического понятия, отличного от «союза».
72. Antolik M. Rediscovering Entente as a Policy of Accomodation //DS. Vol. 1. No. 2. 1990. P. 137-155.
73. Nexon D.H. The Balancing of Power in the Balance //WP. Vol. 61. No. 2. 2009. P. 341-342.

74. Walt S.M. Alliances in Unipolar World //WP. Vol. 61. No. 1. 2009. P. 101. Под «растягиванием поводка» (leash-slipping) понимается усиление государством собственного вооруженного потенциала для увеличения возможностей по проведению независимой внешней политики. См.: Kaarbo J., Ray J. Global politics. 10th ed. Boston, 2010. P. 262.
75. Эта идея была учтена автором в: Магадеев И.Э. От военно-политического союза к «сердечному несогласию»: эволюция англо-французской Антанты в 1919–1923 годах. М., 2012. Депонирована в ИНИОН РАН 28.03.2012 № 61048. Там же изложена авторская позиция по всем затронутым в данной статье спорным вопросам в развитии англо-французских отношений в 1920-е гг.
76. Jacobson J. Op. cit. P. 637.
77. Блестящий анализ того, как работы самих политических деятелей эпохи влияют на последующие историографические концепции предпринят на примере Великобритании в: Edgerton D. Warfare State: Britain, 1920–1970. Cambridge, 2006.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ «ВОЗРОЖДЕНИЯ XII ВЕКА»

© Д. В. МАЗАРЧУК

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат исторических наук,
e-mail: flavius1@mail.ru

Отцом идеи Ренессанса (для простоты изложения мы разграничиваем понятия Ренессанса XIV–XV вв. и «Возрождения XII в.») является Франческо Петрарка. Он не только активно пропагандировал интерес к античному наследию, но и постулировал существование разрыва между двумя эпохами классицизма – античной и начинающейся в его время. Этот разрыв Петрарка охарактеризовал как «мрачные века», прерывающие ход истории. Современным ему «варварам»-схоластам с их «тщеславными диспутами» Петрарка противопоставил опытное познание человека и мира. Это познание должно черпать силы в античной языческой культуре. Младший современник Петрарки Флавио Бьондо в своих «Декадах» прочно зафиксировал период в 12 столетий (термин *medium aevum* он не употреблял), когда «у латинян было немного поэтов и совсем не было историков»¹. Представители Просвещения закрепили идею средневекового разрыва в истории человечества, тем самым окончательно придав Ренессансу образ истоков, откуда начинается современность. Вольтер, Д'Аламбер, Кондорсе усматривали в Ренессансе начало процесса возвышения человеческого разума, который в их время, как они надеялись, достиг своего апогея.

На основе подобных представлений в историографии стала утверждаться аксиома «взаимосвязи (*nexus*) между Ренессансом и современностью»². В классическом виде концепция Ренессанса, основанная на этой аксиоме, сформировалась в XIX в. благодаря усилиям прежде всего трех ученых. Жюль Мишле применительно к XVI столетию писал о перевороте в мировоззрении, совершившемся в «великий век» (*le grand siècle*). Суть переворота составляли две главные характеристики: «открытие мира» и «открытие человека»³. Соответственно, «обновление» эпохи Ренессанса заключалось не только в возрождении изучения античности, но и в разрушении оков, наложенных католической церковью. Как следствие, в этот период было предложено принципиально новое отношение человека к миру – современное (светское по своей природе). В работе Георга Фойгта гуманизм рассматривался в качестве важнейшего элемента культуры Ренессанса. Главной отличительной чертой этой эпохи Фойгт называл воскрешение и освоение античного наследия. Результатом укоренения гуманистической традиции, основанной на античности, явились индивидуализм и секуляризм как основные черты эпохи модерны⁴.

Работа базельского ученого Якоба Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» (1860 г.) завершила этап формирования концепции классического Ренессанса, придав этому явлению черты целостной эпохи в истории западноевропейской культуры. Эта эпоха принимает у Буркхардта значение своего рода «осевого времени»: Возрождение есть «высшая неизбежность мировой истории»⁵. Важнейшими специфическими чертами ренессансной культуры являются развитие индивидуализма и светский характер мышления, обусловленные, в том числе, глубоко воспринятым античным наследием.

Впервые понятие «ренессанс» по отношению к Средневековью применил французский историк Жан-Жак Ампер. Он постулировал существование не одной, а трех эпох Возрождения. Ампер писал: «Я утверждаю, что было три ренессанса: первый относится ко времени Карла Великого; второй, начавшийся в конце XI в., положил начало Средневековью; последний, это великий Ренессанс XV и XVI вв.»⁶. Идею Ампера подхватили другие медиевисты второй половины XIX – начала XX вв., которые акцентировали свое внимание на различных концептуальных моментах. Генрих Тоде и Эмиль Гебхард связывали ренессансные мотивы с духовностью Франциска Ассизского⁷. Александр Клерваль в диссертации, посвященной шартрской школе, отметил, что ее знаменитых схоластов – Бернарда и Тьерри – «можно отнести к возрождению XII в.»⁸. Шарль-Виктор Ланглуа в очерке «Средневековые университеты» подчеркивал, что «в XII в. было возрождение, которое в чем-то аналогично более знаменитому, более полному и более плодотворному движению, собственно Ренессансу»⁹.

Прочным фундаментом для борьбы медиевистов против классической концепции Ренессанса стало обращение к университету – институту, который имея, сугубо средневековые корни, задает контуры современному западноевропейскому культурному пространству. Среди представителей этого направления следует назвать англичанина Гастингса Рашделла. Его книга оказала прямое влияние на работу Ч.Г. Хаскинса, речь о которой пойдет ниже. В частности, следует выделить вторую главу, названную «Абеляр и Возрождение XII века». В ней Рашделл сконцентрировал внимание на переходе от монастырских школ Раннего Средневековья к соборным школам XI–XII вв. Последние дали начало университетам. Рашделл писал, что «перемены, которые стали происходить с французскими школами в XI в., и достигли кульминации в великом интеллектуальном Возрождении следующего столетия, были не единственным следствием великого восстановления человеческого духа, которое следует назвать фундаментальной эпохой в истории европейской цивилизации, не менее значительной, чем Реформация и Великая Французская революция»¹⁰. Для Рашделла интеллектуальный перелом XII в. начался, подобно итальянскому Ренессансу XV в., «...с возрождения интереса к литературе, которая никогда не подвергалась полному забвению»¹¹ – литературе античной.

К концу XIX в. идея «средневекового Возрождения» уже широко циркулировала в академических кругах Европы¹², а вскоре проникла за Атлантический океан. Не называя американских предшественников Чарльза Гомера Хаскинса (ниже мы частично коснемся этого вопроса), отметим, что именно ему наука обязана мировой популярности понятия «средневекового Возрождения». В своей книге «Возрождение XII столетия» гарвардский медиевист изложил концепцию общего подъема средневековой Европы в период между 1050 и 1250 гг. и, в частности, интеллектуального обновления, обусловленного восприятием гуманистических идей, пришедших из античности. Он писал, что «великий Ренессанс (в Италии XV века – Д. М.) не был столь уж уникальным или решающим, как то предполагалось»¹³. Одним из его предшественников Хаскинс назвал «Средневековый Ренессанс» XII в. В эту эпоху происходило подлинное возрождение классических штудий и рождение новой науки, восстанавливались традиции изучения римского права, формировались крупные центры учености (университеты), достигла своего расцвета романская архитектура и появилась готика, зародилась светская литература.

Один из принципиальных вопросов историографии «Возрождения XII века» касается

природы происходивших в ту эпоху изменений. Происходил ли общий подъем средневековой экономики и вызревание новых социальных отношений или же изменения затрагивали лишь сферу культуры, причем культуры элитной, письменной. Сам основоположник концепции предпочитал рассматривать «Возрождение XII века» сугубо с позиций историка культуры, сознательно не включая в это явление прочие перемены в жизни средневекового общества в соответствующую эпоху. Для него это был «латинский (римский) Ренессанс» – возрождение интереса к классической литературе и философии, изучение римского права, а также подъем поэзии и художественной прозы на латинском языке¹⁴.

С одной стороны, взгляды Хаскинса были диаметрально противоположны развенчиваемой им концепции апологетов итальянского Ренессанса XV в., таких как Мишле, Фойгт и Буркхардт. Последний, признавая определенную степень возрождения античной культуры в XII в., расценивал его проявления как единичные факты; только длительное развитие городской культуры в Италии могло подготовить «всеобщий переход итальянцев на сторону античности». Это случилось не ранее XIV в.¹⁵. Поэтому период до этого времени оставался для Буркхардта «средними веками» между двумя периодами доминирования латинской классической культуры. Хаскинс, по выражению Марши Колиш, «атаковал врага (Буркхардта – Д. М.) на его собственном поле»¹⁶. В XII в. он обнаружил характеристики, приписываемые «великому Ренессансу», а значит и черты современности. Постулируемый же гуманистами XIV–XV вв. разрыв между культурами средневековой и ренессансной был, по мнению гарвардского медиевиста, не столь уж глубоким¹⁷.

Однако, несмотря на подчеркнутую анти-Буркхардтовскую направленность книги Хаскинса, концепции обоих ученых опирались на общую предпосылку. Оба исследователя осознанно выписывали предысторию современного общества, проецируя черты Нового времени на ту или иную эпоху в прошлом. Что касается собственно Хаскинса, то его стремление отыскать в XII в. истоки современности было включено в рамки выполнения более широкой задачи по «американизации» европейской средневековой истории, т. е. введения ее в контекст истории (праистории) американских институтов¹⁸. Эту задачу Хаскинс со всей ясностью поставил в программной статье 1923 г.¹⁹

К 1960-м гг. противопоставление взглядов Хаскинса и Буркхардта в значительной степени утратило смысл, грозя превратиться в спор о хронологии. Причиной этому было то, что кардинально изменился самый взгляд на сущность ренессансных явлений. Постепенно выработалось новое их понимание, свободное от грубого телеологизма. Речь идет об изживании трехчастной схемы Античность–Средние века–Возрождение античности, и заложенной в ней идеи прерывности в европейской истории.

Надо отметить, что с самого начала Возрождение представлялось достаточно сложным феноменом. Хотя Петрарка воспевал «возвращение к чистому сиянию прошлого», однако и он, и другие представители гуманистической традиции XIV–XV вв. видели в современном им Ренессансе более комплексное явление, чем простое следование «дорогой древних». Эта комплексность проявлялась и в литературе – но не неолатинской, а на народном языке, – но прежде всего в живописи и прочих изобразительных искусствах. Боккаччо и Виллани в качестве главного отличительного признака новой эпохи развития живописи признавали новое открытие природы. Джорджо Вазари, первый историк ренессансного искусства, в прологе к «Жизнеописаниям» объединил две тенденции, составляющие *la rinascita*, которые можно обозначить двумя лозунгами: назад к классике! и назад к натуре²⁰! Таким образом, в ренессансной культуре инвенция не исключала следование прототипам; они рассматривались как части одного явления. Поэтому, пишет Э. Панофски, «самосознание Ренессанса необходимо воспринимать как объективное и отличительное «обновление»²¹.

Обновление понимания сущности ренессансных явлений было вызвано критикой исходной модели Мишле–Фойгта–Буркхардта, которая воздействовала по нескольким направлениям, в первую очередь по линии отказа от образа секулярного, антирелигиоз-

ного Ренессанса. Вместо этого подчеркивалось его значение как «религиозного обновления», смыкающего ренессансную культуру с «пышным цветением» веры в XIII в., с одной стороны, и с Реформацией XVI в. – с другой²². Следствием этого является признание континуитета между Средневековьем и Ренессансом, фактически – «медиевизация» последнего.

Далее, гуманизм – ключевое понятие в модели Буркхардта – зачастую стали рассматривать с позиций синтеза античного наследия с христианским вероучением (Дж. Тоффанин, Г. Вейзе, А. Шастель). Как пишет Кэрл Куиллен, «для «гуманистической» культурной программы считается доказанной определенная метафизическая составляющая (*certain metaphysics*), даже если ее сторонники считали метафизическое исследование неинтересным, скучным, «схоластическим»²³. С точки зрения нашего времени это был «христианский гуманизм».

Итак, между «гуманизмом» и «Ренессансом» снимался знак равенства, подчеркивалась разноплановость последнего понятия. Одним из самых ярких современных апологетов разведения данных понятий является Пауль Оскар Кристеллер. В течение многих десятилетий он последовательно выступает за сужение понятия «гуманизм» до сугубо «технического» значения комплекса литературоведческих дисциплин (*studia humanitatis*). Согласно Кристеллеру, радикальный, анти-средневековый и анти-христианский характер Ренессанса ранее преувеличивался за счет того, что не учитывалась преемственность философской традиции²⁴.

Под влиянием критики историография итальянского Ренессанса обратилась к рассмотрению данной эпохи *in sui generis*, сместив акцент с подчеркивания «осевого» значения этой эпохи в истории человечества (или европейской цивилизации) на признание за ней собственной ценности (школы Г. Барона и Э. Гарэна). Главным достижением здесь является выявление связи между социально-политическим развитием итальянских городских республик XIV–XV вв. и ренессансным мировоззрением. В этом представители указанных направлений продолжают традицию Буркхардта.

Новое осмысление концепции «Возрождения XII столетия», о котором речь пойдет далее, имеет параллели во времени еще до издания Ч.Г. Хаскинсом в 1927 г. своего труда. Речь идет о другом американском медиевисте – Дане Карлтоне Манро, который в своем выступлении на ежегодном отчете Американской исторической ассоциации в 1906 г. предложил три характеристики того явления, которое, по общему убеждению, уже тогда называли «Возрождением XII столетия» (таково название его доклада). Манро в определенной степени критиковал самое понятие, подчеркивая преемственность приписываемых ему черт с наследием прошлых веков и то, что эти черты в XII в. лишь достигли своей кульминации²⁵. Кроме того, использование термина «возрождение» неизбежно повлечет за собой семантическую путаницу²⁶ – то, что в наше время раз за разом указывается в качестве одной из основных проблем историографии «Возрождения XII века»! Несмотря на это Манро признавал существование этого исторического явления, и предложил для его характеристики следующие основные черты. Во-первых, «дух независимости», что можно понимать как уменьшение доверия к авторитетам и возрастание самосознания индивида. Во-вторых, развитие экспериментального научного знания, включая геометрию, географию и астрологию. Наконец, в третьих, это практическая направленность интеллектуального перелома данной эпохи – стремление «немедленно применить (на практике) все, что изучено»²⁷.

Наследие Манро, не будучи усвоенным в его время, парадоксальным образом возродилось в историографии второй половины XX в., после перелома в понимании сущности базовых понятий – «ренессанс» и «гуманизм». Соответственно переменам в историографии Ренессанса изменилось и восприятие изначальной концепции Ч.Г. Хаскинса. Новый взгляд на «Возрождение XII века» опирается на два тезиса. Во-первых, гуманизм рассматривается как синтез античного наследия с христианским вероучением. Большинство медиевистов, сторонников идеи «Возрождения XII века», уже не стремятся выявлять

черты современности в изучаемой ими эпохе – секуляризацию сознания, появление альтернатив клерикальной культуре, развитие модели светского управления. Вместо этого в их работах подчеркивается своеобразие эпохи, порожденное пересечением нескольких культурных традиций – христианской, классической, светской средневековой. Лучшее, по нашему мнению, выражение новый подход нашел в понятии «схоластического гуманизма», выработанном Ричардом Саузерном. Во избежание аберрации подчеркнем, что это понятие не включает в себя весь спектр социальных и культурных явлений «Возрождения XII века», а используется для объяснения лишь одной из его сторон.

Р. Саузерн продемонстрировал, что отождествление с гуманизмом вообще его секулярного варианта ошибочно. Средневековый гуманизм с его вниманием к естественнонаучному знанию и рационалистической эпистемологией вместе с тем не исключал из орбиты внимания сферу сверхъестественного. Более того, по словам глубокого знатока этого предмета, схоластический гуманизм «*нуждался* в сверхъестественном как необходимым завершении (картины) естественного мира»²⁸. В данном случае выход за пределы рационального не уменьшает значения последнего, а скорее придает новое измерение процессу познания Вселенной.

Согласно Р. Саузерну, в истории гуманизма можно выделить несколько этапов, среди которых особое место занимает схоластический гуманизм XII–XIII вв. Его главной особенностью было то, что интерес к античным предшественникам был вызван научными занятиями. Отсюда и определение «схоластический», буквально «ученый», данное средневековому гуманизму Р. Саузерном. В отличие от ренессансных гуманистов, внимание схоластиков к античной литературе было сугубо практическим. Они не чтили ее за художественные достоинства и не пытались найти в ней объект эстетического наслаждения. Схоластики выискивали в сочинениях своих предшественников знания. Они заполняли пробелы в собственном образе мира, рассчитывая в конечном итоге нарисовать целостное и всеобъемлющее полотно. Результатом этих занятий явились обширные компендиумы, подобные «Сентенциям» Петра, «Светильнику» Гонория, двум «Суммам» Фомы.

Характерным примером подобного усвоения античного наследия является комментарий к первым шести книгам «Энеиды» Вергилия, ранее приписываемый Бернарду Сильвестру (*Commentum quod dicitur Bernardi Silvestris super sex libros Eneidos Virgilii*). Внимание анонимного комментатора сконцентрировано на вскрытии аллегорического отображения в поэме периодов мировой истории. Никакого интереса к стилистическим и грамматическим изыскам, к сюжету и персонажам «Энеиды», к философским рассуждениям автора комментатор не испытывал. Его работа была рассчитана на узкий круг подготовленных лиц и имела сугубо практическое значение.

По мнению Р. Саузерна схоластическая программа, заложенная мыслителями первой половины XII в., заключалась в соединении в единую систему знания всех наук – спекулятивных, познающих естественный мир, систематического богословия и канонического права²⁹. Здесь схоластики отталкивались от тезиса Боэция (VI в.), который выделил три части умозрительного знания: естественную, математическую и теологическую (*Boeth. De Trin. II*). Первая попытка синтеза всех этих частей связана с гуманистическим направлением в средневековой теологии. Другими характерными чертами схоластического гуманизма были превознесение достоинства человека, тяга к познанию и самопознанию, культивирование дружбы и гуманности, стремление к систематическому объяснению мира. Во всем этом схоластический гуманизм смыкается с гуманизмом эпохи Возрождения. Вместе с тем он несет глубокий отпечаток схоластики, представляя собой побочный продукт богословских занятий. Позволим себе предположить, что без своей гуманистической составляющей ранняя схоластика XII в. не сумела бы дать старт тому взлету философской мысли, который произошел в следующем столетии. Гуманистический дух отражал попытки расширить сферу человеческого знания и открыть простор активности ученого.

Вторым тезисом в изменившейся свое содержание концепции Хаскинса является при-

знание решающего значения для богословия XII в. новой методологии, включающей в себя эмпирические и формально-логические методы. В чем ограниченность узкого взгляда на «Возрождение XII века» как на время возвращения в обиход ученой элиты классической культуры? Если следовать такому пониманию, то возрождение латинского классицизма в сочинениях западноевропейских авторов XII в. было всего лишь слабым подражанием Цицерону и Сенеке. Это подражание не достигало высоты античных предшественников; вокабулярный был постклассическим, равно как синтаксис и обороты речи³⁰. Результаты этих усилий представляли собой всего лишь бледную имитацию классической латинской словесности, не заслуживающую имени подлинного «возрождения античности». Вспомним хлесткую формулу В. Нитце: Ренессанс XV в. для него связан с воссозданием (re-creating), а XII в. – с возвращением (re-awakening) античной классики³¹. Такой взгляд, однако, грешит формализмом. Как показал П. Дронке, авторы XII в. не просто заимствовали у классических авторов языковые модели и темы, но использовали их в качестве опоры для собственного свободного творчества. Ярким доказательством является стремление к смешению жанров, интерес к сатире и иронии³².

По мнению Ч.Г. Хаскинса, в области философии и логики «Возрождение XII века» представляло собой не более чем простую рецепцию греческого наследия. Поэтому он завершал эту эпоху 1250 г., когда возможности такого пассивного заимствования были полностью исчерпаны³³. Часть исследователей по-прежнему видит в «Возрождении XII века» простую рецепцию чужого наследия³⁴, но большинство обнаруживает в нем устойчивую склонность к творческому использованию полученных из прошлого достижений. Представители этого «Возрождения» не подходили к решению стоящих перед ними проблем строго по классическим образцам, но подвергали оценке и критиковали своих античных предшественников, дополняли их другими возможными в Средневековье источниками и использовали как трамплин для рождения новых идей. Критика содержалась уже в самом процессе передачи, перевода, заимствования чужих идей, которое не было безусловным и автоматическим. Любой авторитет, кроме Священного Писания, являлся относительным.

Итак, современная историография уже не ограничивает «Возрождение XII века» «латинским ренессансом», что было характерно для исследовательских трудов конца XIX – начала XX в. Вместо этого во главу угла выносятся самобытный творческий характер интеллектуального климата той эпохи. Это было время, когда разум получил признание в качестве инструмента познания. Результатом явился прорыв в логике – новой форме философских занятий, которая в этот период развивалась со значительным отрывом от античных образцов (*logica modernorum*). Использование нового инструментария привело к подлинному прорыву в сфере знания. Безусловно, о каких-либо серьезных достижениях в области естественных наук говорить не приходится. Важно то, что эти науки начали выделяться в качестве отдельной и необходимой сферы знаний, без которой познание мира – задача ученого универсального профиля – останется незавершенным. Светские науки были поставлены на одну ступень с богословием и изучением канонического права, они свободно обогащали друг друга. Результатом этого явилось критическое отношение к авторитетам, стремление подвергать все области знания логической проверке, распространение творческого духа. По мнению М. Колиш, эти базовые условия отличали Запад от Византии и мусульманского мира, и даже заимствования у греко-арабской науки не сумели их переломить³⁵.

Добавим, что «Возрождение XII века» было длительным процессом изменений. Отдельные его проявления могли бросаться в глаза современникам, но вряд ли кто-либо осознавал радикальный характер и широту происходящих перемен³⁶. Длительный процесс изменений обретает форму цельного явления только с перспективы человека другого времени, по прошествии нескольких столетий. В этом смысле «Возрождение XII века» представляется таким же конструктом, как и итальянский Ренессанс XIV–XV вв. (даже в большей степени, поскольку толчок последнему во многом был дан саморефлексией).

«Возрождение XII столетия» – историографический, а не исторический факт. Этот образ отвечал определенному этапу развития исторической науки, но в наше время он может восприниматься лишь как условность.

Примечания

1. Hay D. Flavio Biondo and the Middle Ages //Hay D. Renaissance Essays. L., 1988. P. 54.
2. Molho A. The Italian Renaissance, Made in USA //Imagined Histories: American Historians Interpret the Past /Ed. by A. Molho, G. S. Wood. Princeton, 1998. P. 264; cp. 286.
3. Michelet J. Histoire de France au seizième siècle. Vol. 7. La Renaissance. P., 1856. P. 3.
4. Voigt G. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Bd. 1-2. B., 1859.
5. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996. С. 111.
6. Ampère J.-J. Histoire littéraire de la France avant le douzième siècle. Vol. 3. P., 1840. P. 33.
7. Thode H. Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien. B., 1885; Gebhard É. L'Italie Mystique: Histoire de le Renaissance Religieuse au Moyen Âge. P., 1890.
8. Clerval A. Les Écoles de Chartres au Moyen Âge, du Ve au XVIe siècle. P., 1895. P. 232.
9. Langlois Ch.-V. Les Universités du Moyen Âge //Questions d'Histoire et d'Enseignement. P., 1902. P. 13-14.
10. Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages. 2 vols. Oxford, 1895. P. 30.
11. Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages. 2 vols. Oxford, 1895. P. 61.
12. Novikoff A. The Renaissance of the Twelfth Century Before Haskins //Haskins Society Journal, 2006, vol. 16. P. 111.
13. Haskins Ch. H. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, Mass., 1927. P. 5.
14. Haskins Ch. H. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, Mass., 1927. P. 6, 29, 94, 98, 153.
15. Буркхардт Я. Указ. соч. С. 114.
16. Colish M. L. Haskins's Renaissance Seventy Years Later: Beyond Anti-Burckhardtianism //Haskins Society Journal, 2003, Vol. 11. P. 1.
17. Haskins Ch. H. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, Mass., 1927. P. 5-6.
18. Spiegel G. M. In the Mirror's Eye. The Writing of Medieval History in America //Imagined Histories: American Historians Interpret the Past /Ed. by A. Molho, G. S. Wood. Princeton, 1998. P. 243-244; Фридман П., Спигель Г. Иное Средневековье в новейшей американской медиевистике //Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. С. 130-131 и далее.
19. Haskins Ch. H. European History and American Scholarship //American Historical Review, 1923, Vol. 28. P. 215.
20. Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М., 1998. С. 20-22, 30-36.
- 21 Там же. С. 38.
22. Burdach K. Reformation, Renaissance, Humanismus. Berlin, 1918. S. 70.
23. Quillen C. E. Rereading the Renaissance: Petrarch, Augustine, and the Language of Humanism. Ann Arbor, 1998. P. 2.
24. Kristeller P. O. The Classics and Renaissance Thought. Cambridge, 1955. P. 74; Kristeller P. O. Humanism //Cambridge History of Renaissance Philosophy /Ed. by Ch. B. Schmitt, Q. Skinner. Cambridge, 1988. P. 137.
25. Haskins Ch. H. Report of the Proceedings of the Twenty-Second Annual Meeting of the American Historical Association //Annual Report of the American Historical Association for 1906. Vol. 1. Washington, 1908. P. 45.
26. Haskins Ch. H. Report of the Proceedings of the Twenty-Second Annual Meeting of the American Historical Association //Annual Report of the American Historical Association for 1906. Vol. 1. Washington, 1908. P. 45.
27. См. Haskins Ch. H. Report of the Proceedings of the Twenty-Second Annual Meeting of the American Historical Association //Annual Report of the American Historical Association for 1906. Vol. 1. Washington, 1908. P. 46-48.
28. Southern R. W. Scholastic Humanism and the Unification of Europe. Vol.1. Foundations. Oxford, 1995. P. 18, cp. 22.
29. Southern R. W. Scholastic Humanism and the Unification of Europe. Vol.1. Foundations. Oxford, 1995. P. 58.
30. Martin J. Classicism and Style in Latin Literature //Renaissance and Renewal in the Twelfth Century

- /Ed. by R. L. Benson, G. Constable, C. Lanham. Cambridge, MA, 1982. P. 537-568.
31. Nitze W. A. The So-Called Twelfth-Century Renaissance //Speculum, 1948, vol. 23. P. 464.
32. Dronke P. Medieval Latin and the Rise of European Love Lyric. 2nd ed. Oxford, 1968.
33. Haskins Ch. H. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, Mass., 1927. P. 10.
34. Например: Bolgar R. R. The Classical Tradition and Its Beneficiaries. Cambridge, 1958; Haren M. Medieval Thought: The Western Intellectual Tradition from Antiquity to the Thirteenth Century. 2nd ed. Toronto, 1993; Morrall J. B. Political Thought in Medieval Times. Toronto, 1980; Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. 3rd ed. Oxford, 1991.
35. Colish M. L. Haskins's Renaissance Seventy Years Later: Beyond Anti-Burckhardtianism //Haskins Society Journal, 2003, vol. 11. P. 8.
36. Jaeger C. S. Pessimism in the Twelfth Century Renaissance //Speculum, 2003, vol. 78. P. 115.

ШКОЛА А. КОББЕНА: МАЙКЛ САЙДЕНХЭМ И ЛЕГЕНДА О ЖИРОНДИСТСКОЙ ПАРТИИ

© Е. С. МЕЕР

Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, доцент кафедры всеобщей истории,
кандидат исторических наук,
e-mail: jenu13@yandex.ru

В 1940–1960-е гг. одной из школ в изучении истории Франции в Великобритании была школа известного английского историка А. Коббена. В рамках семинара по истории Франции в Институте исторического исследования при Лондонском университете он подготовил целый ряд диссертантов, в чьих работах разрабатывалась проблематика французской революции конца XVIII в.

Эта статья продолжает серию кратких очерков, посвященных анализу вклада учеников А. Коббена в изучение французской революции¹. На этот раз в центре нашего внимания находятся результаты деятельности в рамках лондонской школы А. Коббена канадского историка Майкла Сайденхэма.

Майкл Сайденхэм (1924–2003) – известный специалист по истории французской революции второй половины XX в., автор таких работ как «Французская революция» (1969), «Первая французская республика (1792–1804)» (1974), «Леонар Бурдон: карьера революционера, 1754–1807 гг.» (1999)². С 1968 по 1988 год он преподавал в Карлетонском университете, в Оттаве. Здесь он вел семинар по французской революции, всегда пользовавшийся особой популярностью у студентов.

Научная карьера М. Сайденхэма началась, когда в 1953 г. он защитил под руководством А. Коббена диссертационное исследование. В 1961 г. именно оно было опубликовано в виде монографии под названием «Жирондисты»³. Английский историк А. Гудвин емко оценил труд молодого специалиста как «первый научный отчет о жирондистах на английском языке» и как «одно из самых лучших изучений детальных проблем, поставленных их подъемом и свержением, в целом»⁴. В начале XXI в. эта книга занимает место отправной точки в изучении проблемы в англоязычной историографии⁵.

Научная связь А. Коббена и М. Сайденхэма в нашей историографии не привлекала внимание исследователей, анализировавших содержание «Жирондистов», будь то специалисты по этой теме⁶, кстати верно относившие М. Сайденхэма к историкам «ревизионистского» течения, или знатоки англо-американской историографии французской революции⁷. Между тем эта связь показательна как для характеристики исторического творчества по французской революции М. Сайденхэма, так и А. Коббена в 1950–1960-е годы.

Обратимся непосредственно к работе М. Сайденхэма. Его диссертацию отличал ревизионистский подход – стремление опровергать устоявшиеся мифы⁸. В данном случае сомнению подвергалась легенда о существовании жирондистской партии, которую многие историки принимали, хотя и не имели серьезных доказательств в пользу ее существования. Главная цель исследования заключалась в проверке наличия жирондистской партии и политики этой партии. На штурм легенды М. Сайденхэма подвигли размышления двух исследователей – Гюаде, племянника депутата департамента Жиронда в Конвенте, писавшего о жирондистах в XIX в., и биографа Верньо Линтилака, опубликовавшего свою книгу в 1920 г.⁹

Особенностью труда М. Сайденхэма является то, что он изучает проблему с конца. Он проверяет дискурсы (сам термин в 1950-е гг. разумеется, не применялся) действующих лиц истории и обнаруживает, что контрреволюционная жирондистская партия заговорщиков была сконструирована в результате пропаганды монтаньяр после восстания 31 мая-2 июня 1793 г. Сами же обвиненные не считали себя частью партии и настаивали, что действовали индивидуально. Они воспринимали себя как группу друзей и знакомых, разделявших общие принципы, характерные для большинства их коллег. Они отстаивали собственность, свободу и национальное единство, выступали как патриоты, преданные республике и Франции. Они защищали Конвент от парижских фанатиков, пытались заставить Парижскую Коммуну и монтаньяр признать власть большинства Конвента¹⁰.

М. Сайденхэм показывает, что состав жирондистской партии обычно определялся историками по проскрипционным спискам. Их ценность он отвергает как источника, созданного задним числом. 2 июня 1793 г. под арест было взято только 29 человек. В последующие месяцы численность виновных резко расширилась. М. Сайденхэм отмечает, что состав жирондистской партии по данным историков составил цифру от 160 до 200 депутатов Конвента. Но если человек был арестован после 2 июня, разве это доказывает, что он был членом жирондистской партии до этой даты? Многие депутаты попали под проскрипцию, ибо выступили с протестом против насилия над Собранием, олицетворявшим суверенитет народа. Соответственно проскрипция не является доказательством партийного членства. Целый ряд депутатов оказался исключенным по ряду причин, связанных с текущей ситуацией после 2 июня. Были сбежавшие, одни из которых хотели просветить департаменты по поводу событий 31 мая-2 июня, другие боялись за свою безопасность, третьи были роялистами. Некоторых арестовали за то, что они были из мятежных департаментов. Депутаты, которые были в департаментах с миссией, пострадали за то, что вовремя не вернулись в Конвент или были некомпетентны и т.д. Это была амальгама¹¹.

Что касается термина «жирондисты», увековеченного историками, то в 1793 г. оппоненты Горы, напоминает М. Сайденхэм, имели разные обозначения. Вот некоторые из них – «бриссотинцы», «государственные люди», «бриссотинцы, жирондисты и роландисты». После арестов – «арестованные депутаты», «федералистские депутаты», «фракция», «заговорщики», «интриганы». Сами арестованные называли себя и товарищей по несчастью «людьми доброй воли», «истинными якобинцами», «философами», «республиканцами». Термин «жирондисты» использовался для обобщения из-за репутации, которую приобрели депутаты Жиронды, но он был только одним из терминов. Более часто использовались обозначения, производные от персоналий (вплоть до таких «лягушек из болота» как бюзотинцы-петионисты, луветино-роландисты, бриссотино-верньодисты и т. д.)¹². По мнению М. Сайденхэма, «эта множественность имен предполагает, что монтаньярам было трудно определить своих оппонентов. Они сами пытались найти коллективный термин для своих наиболее очевидных врагов, среди которых ни одна персона, ни группа персон, вероятно, не были реально преобладающими»¹³.

С конца истории М. Сайденхэм возвращается в ее начало, чтобы рассмотреть события в законах их собственной логики, а не с перспективы конечного результата. И ника-

кой сильной спаянной политической силы, названной историками жирондистами, не находит. На глазах читателя жирондистская партия, насчитывавшая до 200 человек, испаряется под влиянием многообразных критик М. Сайденхэма.

Канадский историк напоминает, что партии не уважали как форму ассоциации в XVIII в., до революции у французов не было опыта их создания. Интеллектуальная атмосфера революции не одобряла наличие партийных интересов, единодушие было необходимо для выражения воли народа в национальных собраниях, конфликты в них воспринимались как искажение воли народа, как конфликт частных интересов с общим интересом¹⁴.

Как форму политической ассоциации времен революции М. Сайденхэм определяет личные связи. Он прослеживает эволюцию дружеских отношений среди оппонентов Горы, результатом которой было формирование переплетенных сетей ассоциации между Бриссо, Роланом, депутатами от Жиронды и Марселя, включавших во времена Конвента 36 депутатов и 4 министров. Во времена Законодательного собрания М. Сайденхэм различает бриссотинцев – семерых друзей-депутатов – Бриссо, Кондорсе, Жансонне, Гюаде, Иснара, Лазурса и Верньо – и министра Ролана. Им симпатизировали менее видные деятели, некоторые из которых имели дружеские связи также с Робеспьером. В Конвенте бриссотинцев было 15 или 16 человек (Барбару, Бриссо, Бюзо, Жансонне, Гюаде, Иснар, Лазурс, Луве, Петион, Саль, Верньо, Бойер-Фонфред, Кондорсе, Фоше, Ланжуинэ, Рабо Сент Этьен). 25 человек М. Сайденхэм добавляет как их постоянных сторонников¹⁵.

Для доказательства тезиса об отсутствии партии М. Сайденхэм использует анализ социального статуса депутатов. 200 будущих «жирондистов» в Конвенте не отличались в социальном плане ни от Горы, ни от остальных депутатов. Из них большинство были людьми закона и членами местных администраций. Канадский историк не находит очевидной корреляции между распределением депутатов – «жирондистов» по департаментам и географическим, экономическим развитием Франции. «Жирондисты» представляли как важные экономические департаменты, так и незначимые в экономическом плане¹⁶.

Философия также не служит для М. Сайденхэма критерием выделения партии. Большинство депутатов, утверждает он, были последователями Вольтера и энциклопедистов, антиклерикалами, смутными деистами, на фоне которых фигура Робеспьера как руссоиста, верящего в Провидение, является скорее исключением из правила, не считая некоторых его коллег¹⁷.

Важным аргументом в пользу отсутствия партии служат заключения М. Сайденхэма о политике «жирондистов». Анализ функционирования салона Верньо, Клуба объединения, салонов мадам Ролан, комитета Валаза, деятельности бриссотинцев в Собраниях приводит М. Сайденхэма к мысли, что они постоянно были независимыми в мысли и действии¹⁸.

В вопросах экономики, считает М. Сайденхэм, бриссотинцы были озадаченными политиками скорее, нежели доктринерами – экономистами. Экономическая свобода была предметом всеобщей веры в Собраниях, и поэтому жирондистская партия не может быть выделена на основе экономического вопроса. Экономическая ситуация использовалась как средство борьбы в Конвенте, и принятием максимума монтаньяры «купили» народную поддержку для революции, хотя для них это был вопрос обстоятельств, не принципа¹⁹.

Федерализм считался характерной чертой жирондистской партии. По мнению М. Сайденхэма, это был эмоциональный термин обличения для тех, кто обвинялся в восстании против революционного правительства Парижа. В буквальном смысле слова федерализм означал поддержку федерального управления, как в США, и имел своего сторонника только в лице Бюзо. К осени 1792 г. термин приобрел иное значение, как недоверия и ненависти к Парижу. Бриссотинцы считали, что Конвент представляет суверенитет всего французского народа, а Париж и его власти должны принять равенство с другими департаментами. Эта уверенность прослеживается в их политике, в мероприятиях от предложения создать департаментскую гвардию до идеи усиления местных властей в проекте конституции Кондорсе²⁰.

М. Сайденхэм считает, что «это федерализм в этом ограниченном смысле, который из всех различных характеристик, приписанных предполагаемой жирондистской партии, имеет самую большую правдоподобность»²¹. Впрочем, большинство Конвента относилось к Парижу так же как бриссотинцы, иначе бы восстание 31 мая-2 июня 1793 г. и не понадобилось бы²².

М. Сайденхэм приводит три примера голосования в Конвенте, доказывающих, что жирондистская партия не существовала. При решении судьбы короля и вопроса об импичменте Марату обнаруживается раскол среди бриссотинцев. Для канадского историка это означает, что никакого единого партийного центра у «жирондистов» не было. По вопросу о восстановлении комиссии 12 бриссотинцы были в целом едины. Но М. Сайденхэм видит здесь только согласие с мнением большинства в момент их падения. Историк считает, что, если бы большинство депутатов приняло бы упразднение комиссии и пошло бы на компромисс с Парижем, восстания 31 мая-2 июня 1793 г. можно было бы избежать²³.

Общая оценка бриссотинцев нелицеприятна у М. Сайденхэма. Они «показали себя алчными и безответственными в своем преследовании карьеры и власти» и были решительными только в попытке их удержать. Оправданием им разве что служит то, что они хотели власти не ради власти, а для приобретения социального положения, которого они не имели при Старом порядке²⁴. Их главная неудача – справиться с радикалами Парижа. М. Сайденхэм считает, что «конструктивные» государственные деятели могли бы «примирить народ Парижа с правлением собрания, законно избранного более консервативной сельской местностью», но бриссотинцы были способны только обострить отношения между Парижем и департаментами²⁵. М. Сайденхэм впрочем находит и положительные черты у бриссотинцев, но только в заключении работы, отчего они кажутся неожиданными. Так бриссотинцы стали олицетворять два принципа – правление закона и право индивидуума сопротивляться подавлению со стороны государства – правда, только в результате обстоятельств²⁶.

В отличие от своего ученика А. Коббен специализированно не занимался изучением жирондистов. В плане конкретных идей он мог быть полезен М. Сайденхэму, как показывает работа канадского историка, только своим изучением местного управления в период французской революции начала 1790-х гг., а конкретнее, данными по подъему и упадку федералистского движения, тенденциям децентрализации и централизации в ходе революции. Как мы помним, федерализм бриссотинцев станет важным вопросом в работе М. Сайденхэма. Как и его ученик, А. Коббен находил только одного убежденного федералиста в стане Бриссо-Бюзо. Федерализм Бриссо и его «фракции» он считал, как позже и М. Сайденхэм, «мерой самозащиты» против Горы. Подчеркнем, что в начале 1790-х гг. сам А. Коббен уверенно применял термины «лидеры жирондистской фракции», «жирондисты» и т. д.²⁷.

После проведенного М. Сайденхэмом исследования происходит явная эволюция в представлениях А. Коббена по проблеме жирондистов. Изменения можно выявить на страницах «Истории современной Франции» (Т. 1, 1955 г.). Анализ ее текста позволяет утверждать, что в целом ряде моментов интерпретационная подача данной проблемы у А. Коббена отражает основные заключения диссертационного исследования его ученика, М. Сайденхэма. «История современной Франции» была предназначена для широкого круга читателей и, вне сомнения, стала учебным пособием для студентов. Сноска книга не имела, так что А. Коббен в рамках нее занимался скорее скрытой реализацией достижений «Жирондистов».

В «Истории современной Франции» А. Коббен больше не принимает термин «жирондисты» и поэтому не применяет его вообще. Зато читатель может прочесть о бриссотинцах, иногда бриссотинцах и роландистах. А они, как пишет А. Коббен, подобно своему ученику, «не были партией... в лучшем случае были фракцией, объединенной вместе узами личной дружбы, общего несколько сентиментального идеализма и смутного республиканизма»²⁸. Суд над королем также, по мнению А. Коббена, «доказал, как мало они

формировали организованную партию с сформированной политикой, так как их позиции существенно различались»²⁹. Только в момент падения бриссотинцев А. Коббен вспоминает о легенде жирондистской партии, но лишь для того, чтобы тут же предать ее забвению. Как и М. Сайденхэм, он напоминает, что «многие депутаты подписали протесты, которые были позже использованы, чтобы оправдать многие аресты и построить легенду о великой и угрожающей жирондистской партии»³⁰.

А. Коббен, как и М. Сайденхэм, не находит важных различий между бриссотинцами и Горой, за исключением только их отношения к проблемам населения Парижа, агитаторам и департаментам. Как и его ученик, он уверяет читателя, что компромисс Горы с народом Парижа был вопросом целесообразности, не принципа, бриссотинцы же искали поддержки департаментов в политической борьбе против Горы, за что позже и поплатились ярлыком федералистов³¹.

Описание мотивов бриссотинцев также не отличается от данного в работе М. Сайденхэма. «Чего бриссотинцы хотели, кроме власти, не легко сказать. В своей попытке достичь ее, однако, они оказались более беспринципными, хотя менее жестокими, чем их враги из Горы оказались позже»³².

Открытой пропагандой идей М. Сайденхэма А. Коббен занимался в «Социальной интерпретации французской революции» (1964), когда диссертационное исследование было уже опубликовано в виде монографии. Но здесь мы видим не просто рекламирование новых взглядов. Труд М. Сайденхэма используется для полемики по буржуазному характеру французской революции, а конкретнее, для критики взглядов марксиста А. Собуля по «жирондистской буржуазии» и предполагаемому классовому конфликту между Жирондой и Горой (сам М. Сайденхэм труды А. Собуля в своей работе не использовал, за что его порой и критиковали). А. Коббен не видит разницы в социальном положении «жирондистов» и большинства Конвента, как не видит различия в их социально-экономической политике, считая экономические меры Горы «временным отклонением»³³. Он уверен, что «целая легенда жирондистской буржуазии – это типичный пример того, как игнорируются самые элементарные техники социальной науки», как буржуазная партия идентифицируется по социальному составу за счет отдельных примеров, без соотношения с составом Собраний, без изучения положения на местах³⁴.

Таким образом, в 1950–1960-е гг. научный союз А. Коббена–М. Сайденхэма произвел ревизию проблемы жирондистов в англоязычной историографии. Имеющиеся материалы позволяют определить потоки влияния взглядов М. Сайденхэма на А. Коббена, в значительно меньшей степени обратное влияние. Показательна сама готовность к перемене взглядов у А. Коббена и сам факт того, что столь критическое исследование было сделано в рамках его школы еще до того, как он получил в историографии ярлык ревизиониста социальной интерпретации французской революции.

Примечания

1. Меер Е.С. Школа А. Коббена: Дж. Макдональд о связи политической теории Ж.–Ж. Руссо с французской революцией конца XVIII века //История мировых цивилизаций: культурные события как отражение общественных процессов. Красноярск, 2012. С. 79-91.
2. Sydenham M.J. The French Revolution. London, 1969; Idem. The First French Republic (1792–1804). London, 1974; Idem. Leonard Bourdon: The Career of a Revolutionary, 1754–1807. Waterloo; Ontario, 1999.
3. Hutt M.M. J. Sydenham: The Girondins //The English Historical Review. Vol. LXXVII. №305. 1962. P. 788; Sydenham M.J. The Girondins. London, 1961. P. VIII.
4. Goodwin A.M. J. Sydenham: The Girondins //History. Vol. XLVII. №160. 1962. P. 202.
5. Reilly B. Girondins //Encyclopedia of the Age of Political Revolutions and New Ideologies, 1760–1815. Ed. by G. Fremont–Barnes. Westport, 2007. P. 309.
6. Гусейнов Э.Е. Исследования и споры о жирондистах в современной зарубежной историографии //Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985. С. 21-23; Карп С.Я. Путь Бриссо. К вопросу о методологии познания

социальных закономерностей революционного процесса //URL: <http://vive-liberta.narod.ru/journal/carp-brissot2.pdf>

7. Кондрашова Е.М. Основные направления современной английской и американской буржуазной историографии Великой французской революции конца XVIII в. //Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Томск, 1985. С. 62-64.
8. Sydenham M.J. The Girondins ..... P. 207.
9. Ibid. P. 1-19.
10. Ibid. P. 20-38.
11. Ibid. P. 39-58.
12. Ibid. P. 59-60.
13. Ibid. P. 61.
14. Ibid. P. 180-182.
15. Ibid. P. 61-73, 120, 202-204, 208.
16. Ibid. P. 182 -184.
17. Ibid. P. 190-192.
18. Ibid. P. 98, 204, 207.
19. Ibid. P. 185-190.
20. Ibid. P. 192-198.
21. Ibid. P. 198.
22. Ibid. P. 205-206.
23. Ibid. P. 142-143,165, 175-176.
24. Ibid. P. 208-209.
25. Ibid. P. 210-211.
26. Gershoy L.M. J. Sydenham: The Girondins //The Journal of Modern History. Vol. XXXIV. № 3. 1962. P. 339; Sydenham M.J. The Girondins..... P. 210-212.
27. Cobban A. Local Government during the French Revolution //Cobban A. Aspects of the French Revolution. New York, 1968. P. 123-124; Sydenham M. J. The Girondins..... P. 151, 193.
28. Cobban A.A History of Modern France. Vol. 1. Harmondsworth; Middlesex, 1957. P. 181.
29. Ibid. P. 205.
30. Ibid. P. 212.
31. Ibid. P. 209, 217-218.
32. Ibid. P. 182.
33. Ibid. P. 63-66; Hutt M.M. J. Sydenham: The Girondins.... P. 789.
34. Cobban A.A History of Modern France ... P.64.

МЕТОДОЛОГИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ ПРОГРАММЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. А. СТОЛЫПИНА)

© С. И. МИНЬКО

Дзержинский районный исполнительный комитет,
ведущий специалист отдела идеологической работы,
магистр исторических наук,
e-mail: sergio_san@tut.by

Экономический кризис начала XX в., начало русской революции 1905 г. и поражение в русско-японской войне свидетельствовали о глубочайшем общенациональном кризисе, который переживала Россия более ста лет назад. Множество вариантов выхода из кризиса, предложенные новой политической элитой не охватывали всего комплекса проблем накопившихся в России. Яркую попытку разрешить системный кризис в стране более ста лет назад предпринял Петр Аркадьевич Столыпин – российский государственный деятель.

Он, органически сочетая в себе природный интеллект и сильную волю, масштабный государственный ум и патриотизм, глубоко укорененные морально-нравственные и эти-

ческие принципы, смог уловить ведущие тенденции пореформенной модернизации, придать им новый импульс и предложить обществу программу преобразования России.

Исторический портрет: Столыпин Петр Аркадьевич (2(14).4.1862 – 5(18).9.1911) – российский государственный деятель. Окончил Петербургский университет. С 1884 г. служил в министерствах внутренних дел и государственных имуществ. С 1899 г. поветовый, а затем губернский маршалок на Ковенщине. В период с июня 1902 по март 1903 г. являлся губернатором Гродненской губернии. По его инициативе в Гродно были открыты ремесленное училище, женское приходское, еврейское двухклассное, а также основана именная стипендия для лучших учеников Гродненской мужской гимназии. С 1903 по 1906 г. был губернатором Саратовской губернии. Широкую известность получил после подавления крестьянского движения в Саратовской губернии. С апреля 1906 г. становится министром внутренних дел России, а с июня – одновременно занимает пост председателя Совета Министров. Один из руководителей подавления революционного движения 1905–1907 гг., использования военно-полевых судов и смертной казни. Возглавляемое им правительство 3 июня 1907 г. распустило II Государственную Думу. Тем самым был осуществлен государственный переворот, которым и закончилась первая русская революция 1905–1907 гг.¹.

Говоря о Столыпине, большинство исследователей акцентируют внимание на аграрной реформе и аграрных преобразованиях проводимых премьером в России начала XX в. Выявляют ее положительные стороны, а также тенденции к их постепенному «свертыванию». Однако последние историографические исследования позволяют говорить о том, что системному кризису П.А. Столыпин противопоставил системную программу преобразования России. В ней, кроме аграрного, присутствовали рабочий и национальный вопросы, затрагивались проблемы местного управления и самоуправления, развития права и свобод личности, модернизации экономики, совершенствования образования, науки и культуры. Столыпинская программа включала в себя совокупность проектов законодательных и нормативных актов, разработанных министерствами и ведомствами в нач. XX в. Данные проекты были взаимосвязаны, ибо в их основе лежало целостное мировоззренческое представление П.А. Столыпина о том, какой должна быть в перспективе Россия.

П.А. Столыпин, осознавая масштабность переживаемой Россией в нач. XX в. трансформации, давал ей адекватные определения: «эпоха перемен», «великий перелом», «перестройка и брожение», «период перестройки», «великий исторический перелом»². В представлении политика Россия вступила в стадию крупномасштабного переходного периода, переживая процесс «новоскладающейся государственной жизни», формирования нового типа системы общественно-политических отношений. Премьер-министр вполне реалистически определял хронологические рамки трансформационного процесса в России. Так, в интервью саратовской газете «Волга» 1 октября 1909 г. он заявил: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего. И вы не узнаете нынешней России!»³.

П.А. Столыпин понимал, что для вывода российского общества из состояния конфронтации необходимо было предложить такую программу, которая бы не только четко и определенно обозначала конечную цель преобразований, но и наметила реальные пути их осуществления. Общество, в свою очередь, должно было сделать выбор: либо поддержать, либо отвергнуть предложенную модель модернизации страны. На пути построения России как мировой державы у Столыпина стояли две взаимосвязанные задачи. Первая состояла в том, чтобы оперативно подавить революцию и вывести страну из состояния деструкции, сохранив при этом ее единство и территориальную целостность. Как известно с данной задачей премьер-министр справился, что обеспечило 10-летнюю паузу между революцией 1905–1907 гг. и революцией 1917 г.

Вторая задача заключалась в проведении системных реформ, которые, затрагивая все сферы жизнедеятельности государства, должны были создать условия и предпосылки

для динамичного роста экономики страны и, в конечном счете, улучшить материальное положение народа.

«Реформы, – писал П.А. Столыпин, – во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину... Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признак бессилия правящей власти»⁴. Для подавления первой российской революции П.А. Столыпин приложил максимум усилий. Он был убежден в том, что любого рода «злодеяния должны пресекаться без колебаний». А «бездействие власти ведет к анархии», поэтому «для лиц, стоящих у власти... нет... греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности»⁵.

В связи с этим весьма интересным для исследователей являются представления П.А. Столыпина о правительстве. Так, он считал, что «святая обязанность» правительства состоит в том, чтобы «оградить спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ»⁶. Премьер считал, что правительство должно «идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой истинной свободе»⁷. Главное в этом то, что правительство должно объединяться идеей. Ибо «можно убить отдельное лицо (члена правительства – авт.), но нельзя убить идею, которой воодушевленно правительство»⁸. То есть потеря одного человека (члена правительства) не должна служить причиной смены курса либо отмены идеи, поставленной задачи.

Правительство, по мнению П.А. Столыпина, должно было выполнять не только охранительные функции, но и быть ведущим «маховиком» трансформации. Оно должно назначаться монархом и действовать под его личным контролем. Особенно велика роль правительства в переходный период. Оно должно быть сильным, ответственным и всегда действовать в рамках Основных законов, призвано осуществлять общенациональную политику и во всех своих действиях руководствоваться исключительно общегосударственными интересами. П.А. Столыпин указывал, что в такой сложный период правительство не сможет справиться со всей совокупностью проблем в одиночку. Поэтому он предлагал правительству взять на себя всю тяжесть ответственности за судьбы страны и создать стройный и эффективный центральный и региональный аппарат управления. Правительство, тем самым, должно иметь в регионах «исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти»⁹.

Создание и укрепление вертикали исполнительной власти сможет гарантировать, что и «при новом строе Россия не развалится, не расчленилась на части, а окрепнет и познает себя», а на всем ее пространстве будет установлен «стройный правовой строй»¹⁰.

Премьер-министр России считал, что правительство должно вести выверенную рациональную политику, реализовывать в своей программе идею преобразования России «не в направлении радикального, но постепенного прогресса и закономерности»¹¹. По его словам, «надо не разрушать историческое здание России, а пересоздавать, переустроить его»¹².

Таким образом, П.А. Столыпин выдвинул идею эволюционного развития России, которая была рассчитана на здравый смысл, на выявление и мобилизацию здоровых общественных сил. Данная идея ориентировалась на «общее благо» для всех граждан страны, а при наличии конфликтов – не на радикальное их решение, а путем постепенного «развязывания». В условиях системного кризиса, предложенная Столыпиным идея, имела многофакторное значение. Во-первых, она выступила, в качестве альтернативы леволиберальной, социалистической модели радикальной трансформации России. Во-вторых, она дава-

ла возможность большинству населения страны, уставшему от политической нестабильности, адаптироваться к намеченным преобразованиям¹³. А внутривластная стабильность и благоприятная международная обстановка являлись, по мнению П.А. Столыпина главными факторами, обеспечивающими эффективность трансформационных процессов на протяжении всего переходного периода.

П.А. Столыпин был приверженцем идеи следования «своим, русским, национальным путем». Она и легла в основу разработок всех трансформационных изменений, предложенных премьер-министром.

Весьма интересным для исследователей является воззрение П.А. Столыпина на роль государства, ведь одной из задач, которую ставил премьер, являлось укрепление государственного единства и целостности России. Так, в качестве «исторического ядра» государственности рассматривались русский народ и православие. А само российское государство Столыпин характеризует в терминах «монархическое», «русское», «православное». Именно русский народ, православная церковь, монархия, должны были выполнить на этапе переходного периода роль «скреп» в «новостроящейся» России. Отвергая обвинения в «национализме и шовинизме» в свой адрес, П.А. Столыпин подчеркивал, что выделение им двух составляющих – русского народа и православной церкви – ни в коей мере не означает ущемление и, тем более, автоматическое поглощение других многочисленных этносов и конфессий. В его понимании речь шла о сохранении и упрочении «русского ствола», выполнявшего «цементирующую роль» в многовековой истории России¹⁴.

П.А. Столыпин, путем реформ стремился создать единое правовое, политическое, экономическое и социокультурное пространство в масштабах всей Российской империи, предлагая с этой целью осуществить законодательную, административную унификацию, постепенно снять этнические и конфессиональные ограничения с личности. В целом, это привело бы к более динамичному развитию страны, с активным участием в этом процессе политических и полиэтноконфессиональных групп.

Также П.А. Столыпин давал характеристику двум типам государства – европейского, где конституционный и парламентский режимы уже давно стали фактом, и русского, где «обновленному» после Манифеста 17 октября 1905 г. политическому строю еще предстоит трансформация в направлении к правовому государству¹⁵.

Первый тип государства, европейский, Столыпин характеризовал «как совокупность отдельных лиц, племен, народностей, соединенных общим законодательством, общей администрацией», который «как амальгама, блюдет и охраняет существующее соотношение сил». Второй тип государства, П.А. Столыпин представлял как некую силу, союз, проводящий народные исторические начала. Такое государство, «осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого. Таким целым я почитаю, – говорил П.А. Столыпин, – Россию»¹⁶.

В общем и целом понимание природы и функций государства в русской истории П.А. Столыпиным вполне укладывалось в славянофильскую концепцию. Очередное подтверждение этому находим в его программной речи 16 ноября 1907 г. в III Государственную Думу: «Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная царская власть». Подчеркивая мысль об органическом росте русской государственности, П.А. Столыпин считал вместе с тем неприемлемым «прививку» к ней западноевропейского парламентаризма. Здесь у премьера наблюдается преемственность с идеями русского мыслителя XIX в. Николая Яковлевича Данилевского, который в книге «Россия и Европа» (1871 г.) высказался против бездумного копирования западноевропейского опыта, образа жизни, политической системы. Одним словом, П.А. Столыпин, вслед за Данилевским высказался против «европейничанья». «Нельзя к нашим русским корням, – заявил он, – к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чуже-

странный цветок. Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной власти и дарованного ею нового представительного строя»¹⁷.

По мнению П.А. Столыпина Манифестом 17 октября 1905 г. в России был установлен «представительный строй», который был дарован «самодержавным монархом». В процессе дальнейшей эволюции политической системы «по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое»¹⁸.

Суммируя совокупность высказываний П.А. Столыпина о роли верховной власти в истории России, необходимо выделить следующие положения: 1). «Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой его силу и цельность». 2). «Историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана в минуту потрясений и опасности для государства принять меры к спасению России». 3). Все изменения политического строя в России произошли именно «сверху», по инициативе и воле монарха, установившего «правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию»¹⁹.

Таким образом, видно, что П.А. Столыпин по своим исходным политическим представлениям являлся последовательным сторонником монархического принципа, продолжавшего оставаться системообразующим элементом политической системы и после 17 октября 1905 г.

Подчеркивая огромную роль государства в истории России, П.А. Столыпин выделил и актуализировал проблему полного и окончательного раскрепощения личности. По его мнению, понятие «свободы человека и человеческого труда» несовместимо с каким-либо формами закрепощения личности: гражданским неполноправием, зависимостью от общины, ограничениями по этническим и конфессиональным признакам, законодательной неотрегулированностью политических прав и свобод. Государство должно создать предпосылки и условия для всестороннего раскрытия потенциальных возможностей человека, заложенных природой. Идея органического соединения, с одной стороны, мощи правового государства, а с другой – творческой энергии свободной личности, по мнению Столыпина, должна была стимулировать формирование реального гражданского общества в России и реального правового государства. Гражданское общество, сформированное из независимых и свободолюбивых, целеустремленных и творчески активных личностей, способно, по мысли премьер-министра, создать и полноценные общественные институты и структуры (политические партии и законодательные учреждения, способные артикулировать и транслировать общественные интересы). Вместе с тем, любая свободная творческая личность должна осознавать свою ответственность перед обществом и государством, перед потомками и будущим своей страны.

По мнению П.А. Столыпина, ключевая роль в процессе трансформации страны принадлежала формирующемуся среднему классу, который должен «сцементировать» расколотое и конфликтующее российское общество, «стянуть» его маргинальные фланги, стать основой гражданского общества, прочной социальной базой для правового государства и одновременно «мотором» создания современной рыночной экономики. А по мере упрочения своего экономического, социального, правового положения, по мнению П.А. Столыпина, средний класс должен был поставлять кадры для всей вертикали исполнительной и представительной ветвей власти, вытесняя постепенно из них представителей старых страт, привыкших к традиционным формам управления страной.

Для разрешения глобальной общей задачи – формирование в России гражданского общества и правового государства, П.А. Столыпин предложил два вектора сотрудничества: государство – общество (человек); исполнительная власть (правительство) – представительная власть (Дума). Данная идея красной нитью проходила через всю программу

системных реформ, предложенных П.А. Столыпиным. Это означало то, что одной общественной силе никогда не вывести страну из системного кризиса. Необходимо было совместное усилие всех заинтересованных сторон – власти, общества, человека.

Таким образом, П.А. Столыпин, высказавшийся за диалог между государством и обществом от имени исполнительной власти предложил обществу совместно решать стоящие перед Россией проблемы. Причем сам Столыпин выступил в роли публичного политика, который в свободной дискуссии с депутатами Государственной Думы и членами Государственного Совета четко и ясно обозначал политику правительства. В его лице общество впервые увидело, как работает правительство, какие цели и задачи оно решает.

П.А. Столыпин, налаживая сотрудничество между исполнительной и представительной ветвями власти, неоднократно подчеркивал, что Дума является важнейшим фактором «воссоздания государственных устоев порядка», что обеим ветвям власти важно найти «тот язык, который был бы одинаково понятен». Таким «языком», по его мнению, должно было стать сходное понимание правительством и «молодым народным представительством» общенациональных задач, что, в конечном счете, должно было привести «к успокоению и возрождению нашей великой страны»²⁰.

«Правительство, – подчеркивал П.А. Столыпин, – готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной Думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие»²¹.

Важно подчеркнуть личную роль П.А. Столыпина в сотрудничестве между правительством и представительной ветвями власти. Так, с одной стороны он умело и гибко использовал, как официальные, так и личные каналы связи с председателями Государственной Думы и Государственного Совета, лидерами ведущих думских партийных фракций. С другой стороны, для выхода из кризисных ситуаций премьер лично участвовал в наиболее важных заседаниях Государственной Думы и Государственного Совета, в работе их комиссий и комитетов. Так, он 48 раз поднимался на трибуну в Таврическом и Мариинском дворцах, выступая с тщательно подготовленными речами концептуального характера, укрепляя авторитет исполнительной власти. Причем нередко, премьеру приходилось выслушивать критику в свой адрес и адрес правительства.

Так, Эдвард Войнилович, избранный депутатом от Минской губернии в 1906 г. в состав Государственного Совета вспоминал: «А когда в конце моего заседания в Государственном Совете по поручению нашей группы я должен был выступить в Думе против доклада Столыпина, касающегося проекта выборов в Государственный Совет в Западном крае, Столыпин, сидя в министерской ложе, лихорадочно конспектировал. Я ожидал острой реплики в ответ, но он не выступил, а в перерыве пожал мне руку и сказал: «То, что Вы сказали, хотя и было направлено против меня, но это было так правильно и так спокойно сказано, что я даже не смог протестовать»²².

В отличие от многих своих предшественников и современников, П.А. Столыпин для достижения поставленных задач, не чурался пользоваться активно развивающимися средствами массовой информации. Так, в своих интервью русским и иностранным газетам он емко и убедительно излагал свои взгляды, способствуя формированию общественного мнения на решение тех или иных проблем российского общества. Следует отметить, что сейчас данные материалы способствуют реконструкции мировоззренческих взглядов П.А. Столыпина, помогают осмыслить теоретическую базу его системных реформ.

Так или иначе, но на протяжении пяти лет своей деятельности, П.А. Столыпин показал себя одним из наиболее глубоких, государственно мыслящих деятелей России, для которого общенациональные интересы страны являлись основными и определяющими. Впервые перед российским обществом предстал политик общенационального масштаба, который защищал не узковедомственные корпоративные или групповые, а именно обще-

государственные интересы. П.А. Столыпин, являясь пламенным патриотом своего Отечества, для реализации поставленных задач не жалел ни сил, ни времени, ни здоровья²³.

В силу целого комплекса объективных и субъективных причин исполнительная и представительная ветви власти так и не смогли найти «общего языка». В результате П.А. Столыпину дважды пришлось принять участие в роспуске I и II Государственной Думы и согласиться на весьма непопулярную в обществе меру – изменить в одностороннем порядке избирательный закон. Это должно было обеспечить решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, избрать работоспособную Думу и, во-вторых, сформировать в ней большинство, готовое к конструктивной работе с правительством в деле реализации программы системных реформ. В результате избранная III Государственная Дума по своему партийно-фракционному составу «вписалась» в контекст обновленной дуалистической политической системы. Третьеиюньская политическая система позволила разграничить сферы влияния исполнительной и представительной власти, что в представлении премьера было принципиально необходимым. В результате сложились более или менее приемлемые взаимоотношения между двумя ветвями власти, а их ролевые функции становились более прозрачными и понятными для электората²⁴.

Основным критерием разработки идеологии и методологии программы системных реформ, П.А. Столыпин считал «благо государства», что на деле означало выделение из множества общественных интересов некоего общего для всех интереса. Таким «общим» интересом для всех, по мнению Столыпина, были общегосударственные и общенациональные интересы России. Однако их также еще предстояло сформулировать.

Премьер неоднократно подчеркивал, что отношение к программе реформ должно быть не догматическим, а творческим. Это означало, что в проекты преобразований следует «вносить все изменения, требуемые жизнью». Более того, законопроекты, «согласно выявившейся жизненной правде», могут и должны быть подвергнуты переработке, как по инициативе правительства, так и по инициативе думских депутатов²⁵.

Формулируя методологические принципы реформ, П.А. Столыпин указывал на необходимость «связать все отдельные правительственные предложения одной общей мыслью, мысль эту выяснить и положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте»²⁶. При этом премьер подчеркивал, что все проекты должны пройти стадию «естественного созревания» и одновременно быть «усвоены общественным сознанием». Сами же реформы должны стать стимулом для пробуждения творческой инициативы большинства, привести к качественным и позитивным переменам во всех сферах жизни общества.

П.А. Столыпин прекрасно представлял себе вектор трансформационных изменений и конечную цель всего переходного периода: создание в России правового государства и формирование гражданского общества. Кроме того, в ходе реформ должен был быть решен целый комплекс задач как текущего, так и стратегического характера: реформирование политической системы, реальное обеспечение прав и свобод граждан, создание среднего класса и эффективной экономики; обеспечение социальных гарантий населения; повышение образовательного и культурного уровня, упрочение международного статуса. Приоритетная роль в реализации системных реформ отводилась Столыпинным государству, которое сочетая в себе разновекторные интересы, путем диалога и обсуждения, должно было найти нечто среднее между ними («общее благо»), предельно снизив тем самым «порог напряженности» между представителями различных групп и интересов.

Следует отметить, что реализация системных реформ, разработанных под руководством П.А. Столыпина, проходила с большими трудностями и напряжением, встречала торможение со всех сторон, как «справа», так и «слева». Он рассчитывал утвердить в политическом сознании понимание того, что «общее благо» должно стать единственным ценностным критерием в деле преобразования России. Однако сопротивление системным реформам как со стороны традиционных, так и новых социальных страт было в то

время велико. Так, традиционная, правая часть политического спектра прямо усматривала в них покушение на ее вековые властные функции, попытку передела сфер влияния в пользу новых социальных страт. Новые социальные страты и политические силы не были удовлетворены умеренностью и постепенностью преобразований, а предлагали собственные альтернативные и радикальные модели. Причем видели они в Столыпине «крепостника-помещика», «махрового националиста», «душителя» всего прогрессивного²⁷.

К сожалению, П.А. Столыпин, ратующий за сохранение единства и целостности империи, не был услышан и понят лидерами национальных движений, уже в то время взявших курс на отделение от России. Также он не был понят и поддержан общероссийскими либеральными и социалистическими партиями. Если первые настаивали на идеях автономии и децентрализации, то вторые выставляли лозунг национального самоуправления вплоть до отделения от России и образования самостоятельных государств.

Весьма трудной была борьба между исполнительной и представительной ветвями власти. П.А. Столыпину, чтобы не оказаться в изоляции, приходилось маневрировать, соглашаться на изъятие ряда важных проектов из Думы и Государственного Совета, а также на их переработку. Осознавая при этом, что если в первоначально задуманном виде реформу провести невозможно, то он прилагал максимум усилий к тому, чтобы сохранить их базовые составляющие. Причем если бы определенная часть законопроектов не проводилась по 87 ст. Основных законов, а дожидалась их прохождения через законодательные учреждения, то результаты реформ были бы менее эффективными. Благодаря усилиям, настойчивости и твердой воли П.А. Столыпина правительственная программа реформ внедрялась в практику и приносила свои реальные результаты²⁸. К примеру, можно вспомнить критикуемую Столыпинскую аграрную реформу. Так, многие крестьяне, получившие право выхода из общины участвовали в великом переселении и освоении районов Сибири и Дальнего Востока. В период с 1906 по 1916 гг. из европейской части России за Урал переселилось 3134,8 тыс. чел. В том числе с 5 западных белорусских губерний – 335,4 тыс. чел²⁹. И пусть данная реформа, как и многие другие не была доведена до конца, в том числе и в силу смерти премьера, она способствовала качественному преобразованию России в своей основе. По сути Столыпинские реформы проложили грань между старой и новой Россией, открыли перед ней новые горизонты и перспективы.

Таким образом, выработанная и предложенная обществу П.А. Столыпиным логически взаимосвязанная программа системных реформ по преобразованию России была рассчитана на длительный переходный период, и представляла собой самостоятельный тип модернизации страны. Столыпинская идея «общего блага» пронизывала всю его программу системных реформ и являлась стержнем проводимой им политики.

Предложенный Столыпиным тип модернизации страны можно охарактеризовать как консервативно-либеральный. Ведь он базировался на сохранении исторических традиций и вместе с тем не отрицал инновационных явлений и процессов новой исторической эпохи, пытаясь соединить то и другое в единое целое. Подобного рода амбивалентность характерна для политических лидеров, вынужденных действовать в условиях переходных периодов, когда трансформационные процессы в обществе еще не получили своего завершения.

Подводя итог, следует отметить, что П.А. Столыпин оставил потомкам богатое наследие. Он предложил российскому обществу начала XX в. четкую, структурированную национальную идеологию, основными компонентами которой являлись: законность и правовой порядок, раскрепощение личности, единое и неделимое государство, сильная исполнительная власть, частная собственность и свободный труд, патриотизм и внешнеполитический авторитет великой державы. Вместе с тем он определил технологию реализации своей программы системных реформ. Причем все противоборствующие стороны он призывал встать на путь цивилизованного разрешения имеющихся сословных и корпоративных конфликтов, найти общий интеграл, который бы не разъединял, а сближал общество, нацеливал его на совместное достижение позитивных результатов, что позво-

лило бы в итоге разорвать порочный круг борьбы «всех против всех». А российское общество рано или поздно должно измениться и стать конструктивным.

Масштаб, фигуру российского премьера начала XX в. оценивали многие современники и последователи, а также его политические и идеологические противники. Однако идеи преобразования России, предложенные П.А. Столыпиным более ста лет назад, остаются актуальными и сейчас, в начале XXI столетия, что требует дальнейшего их изучения и применения положительного опыта.

«Безусловно, это была незаурядная личность (П.А. Столыпин – авт.), – вспоминал Эдвард Войнилович, – строго следующая по пути своих четко обозначенных убеждений, не обращающая внимания на условия, в которых ей приходится этот путь прокладывать, и без колебаний устраняющая все препятствия на своем пути. Он поднял растаптываемую на улице власть и вдохнул в нее жизнь, а бюрократическую систему, наверное, в последний раз употребил в качестве двигателя в государственной работе... Если бы его не любимый и постоянно повторяемый принцип «вначале порядок, а затем реформы», то, возможно, он достиг бы своей цели, и не было бы такого трагического конца»³⁰.

Примечания

1. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6-ти т. Т. 6. Кн.1. Мн, 2001. С. 398.
2. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. М., 1991. С. 50, 51.
3. Столыпин П.А.: Грани таланта политика. М., 2006. С. 488.
4. Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 675.
5. Столыпин П.А. Мысли о России. М., 2006. С. 114.
6. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... С. 41.
7. Столыпин П.А. Программа реформ: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 1. М., 2003. С. 30.
8. Там же. С. 29.
9. Столыпин П.А. Мысли о России... С. 103.
10. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... С. 148, 304.
11. Там же. С. 350.
12. Там же. С. 76.
13. Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М., 2007. С. 27.
14. Там же. С. 22.
15. Там же. С. 19.
16. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... С. 340.
17. Там же. С. 107.
18. Столыпин П.А. Мысли о России... С. 51, 53.
19. Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России... С. 23.
20. Там же. С. 28.
21. Столыпин П.А. Мысли о России... С. 117-118.
22. Эдвард Войнилович. Воспоминания. Мн., 2007. С. 169.
23. Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России... С. 231.
24. Там же. С. 29-30.
25. Там же. С. 31.
26. Столыпин П.А. Мысли о России... С. 94-95.
27. Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России... С. 234.
28. Там же. С. 236.
29. Энциклапедыя гісторыі Беларусі... С. 399-400.
30. Эдвард Войнилович. Указ. соч. С. 160.

ПЕТР I В ОЦЕНКЕ М. П. ПОГОДИНА

© А. В. ПОЧИВАЛОВА

Пензенский государственный университет,
доцент кафедры истории, права и методики правового обучения, кандидат исторических наук,
e-mail: 58.penza@mail.ru

Петр I Великий – одна из наиболее ярких и противоречивых фигур в российской истории. Выдающийся государственный деятель, реформировавший практически все сферы жизни страны; талантливый полководец, дипломат, создатель регулярной армии и флота; сторонник развития науки и образования, выступивший инициатором создания многих учебных заведений и первого в России крупного научного центра – Академии наук. Ставя на первое место интересы государства, Петр I проводил реформы жестко, напористо, не считаясь с личными интересами подданных, «огнем и мечом» создавал великую империю. Преобразования, осуществленные Петром I, были настолько масштабны и грандиозны по своим последствиям, что дают основание говорить о целой «петровской эпохе», о России «до Петра» и России «после Петра».

Не удивительно, что личность и деятельность первого российского императора составили предмет многочисленных исторических исследований. К изучению эпохи Петра Великого неоднократно обращался и известный историк XIX в. М.П. Погодин. Михаил Петрович – автор ряда научных статей и монографии, освещающей детские и юношеские годы Петра I¹. Помимо этого, Погодин активно занимался публикацией документов петровской эпохи (в частности, он ввел в научный оборот «Книгу о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова). Незаурядная личность Петра привлекала внимание Погодина не только как историка, но и как драматурга. Его перу принадлежит трагедия «Петр Великий».

Петр I относился к числу тех государей, которыми восхищался Погодин. Великий реформатор, необыкновенно сильная и талантливая личность, одним словом, «гений, которому мало подобных представляет история»². Тем не менее, Погодина нельзя назвать безоговорочным апологетом Петра I. Историк отмечал мстительность и чрезмерную жестокость Петра, жестокость по отношению, в том числе, и к собственному сыну – царевичу Алексею³. Погодин признавал, что «есть ужасные страницы в истории Петра Великого», при чтении которых «волосы часто становились у меня дыбом», «есть возмутительные злоупотребления силы, не знающие никаких границ своему произволу»⁴.

Еще в юности, увидев русское правительство с дурной стороны и познакомившись с европейскими порядками, Петр поставил перед собой цель. Двигаясь к этой цели, он сметал все на своем пути, не пощадив ни сестры, ни жены, ни сына. Все препятствия должны были пасть перед его железной волей. Да, Петр не был разборчив в средствах. Но мог ли он действовать иначе? В духе своего времени Петр жестокостью отвечал на жестокость. В оправдание монарха историк замечает: «насилие при Петре только продолжалось, а не началось... он только что приложил эту систему пошире, подальше и сильнее, соответственно целям, при множестве своих дел и предприятий»⁵. Не менее существенным Погодину представляется и то обстоятельство, что Петром двигало страстное желание превратить Россию в великую державу, и все его усилия были подчинены одной цели – служению Отечеству.

Отмеченные историком негативные стороны личности Петра I ни в коей мере не повлияли на его оценку петровских преобразований. Скорее наоборот, Погодин рассматривал личность Петра сквозь призму его деяний.

В целом, Погодин довольно высоко оценивает деятельность первого императора. Историк подчеркивает всеобъемлющий характер петровских реформ. Вся современная Россия есть «произведение» Петра Великого. Погодин писал: «какое бы явление не стали

бы мы рассматривать, о каком учреждении не стали бы рассуждать, все подробные исследования доводятся именно до Петра». «Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, Табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академии – суть памятники его неутомимой деятельности и его гения. Он видел все, обо всем думал и приложил руку ко всему, всему дал движение, или направление, или самую жизнь»⁶. Таким образом, обширнейшее в Европе государство «преобразовалось» по желанию одного человека – Петра Великого.

Большое значение, по мнению историка, имели военные реформы Петра I. Для обеспечения безопасности и решения других внешнеполитических задач России требовались сильная боеспособная армия и военно-морской флот. В свою очередь, содержание армии и флота требовало определенных изменений в социальной и экономической сферах (в частности, введения подушной подати, строительства мануфактур, развития торговли и т. д.). Эти преобразования рассматриваются Погодиным как вторичные.

Далеко идущие последствия имели реформы в области культуры и образования. Например, изменения, произошедшие в русском языке. В начале XVIII в., по словам Погодина, он был «обезображен» многочисленными иностранными заимствованиями. Но именно на этой основе развился русский литературный язык XIX столетия. Погодин отмечал, что русская культура с петровских времен получает светский характер. Петровские реформы историк сопоставлял с реформацией в государствах Европы. Дав «насильно нам мирские книги в руки» Петр I противопоставил «древнему духовному новое светское...»⁷.

Развитие образования на Руси изначально имело свои особенности. Оно было непосредственно связано с принятием христианства. Погодин выделял «образование восточное» и «образование западное». Первое, «начавшись книгами священными», в большей степени способствует развитию внутреннего мира человека. Западное образование преимущественно формирует склонность к исследованию. Петр I, по мнению Погодина, не препятствовал развитию «домашнего» образования, прививая западное только к высшим сословиям. Но этой попытке «освятить западную пытливость восточную верою» заключается всемирно-историческое значение деятельности Петра I.

Одним из важнейших результатов деятельности Петра I явилась европеизация России. Погодин довольно критично относился к стремлению Петра, во что бы то ни стало «переделать нас на иностранный манер». Однако, резких, категоричных суждений у историка на этот счет нет. Вместе с тем, краеугольным камнем исторической концепции Погодина являлся тезис об уникальности, самобытности исторического пути России.

По мнению современного исследователя Н.И. Павленко, Погодин, обосновав взгляд на самобытность древнего периода русской истории, переходя к изложению событий более позднего времени, забывает об этой особенности. Наиболее ярко это несоответствие проявилось в оценке Погодиным петровских преобразований, освещая которые, историк «вступает в вопиющее противоречие с собственным толкованием начального периода истории Руси»⁸. В поисках истоков этого парадокса Павленко приходит к следующему выводу: еще на школьной скамье усвоив представление об огромном значении петровских реформ, Погодин оказался не в состоянии изменить свои взгляды в зрелом возрасте.

Историк Н.М. Карамзин, который одним из первых в отечественной историографии поставил вопрос о необходимости поиска самобытных начал русского государства, отдавая должное петровским преобразованиям, осуждал реформатора за его стремление «сделать Россию Голландией»⁹.

Идеи особого пути развития России придерживались и славянофилы. По мнению славянофилов, идеализировавших допетровские порядки, Петр I нарушил «естествен-

ный» ход развития России. Европеизация России, начатая Петром, принесла тяжкие плоды. Она стала главной причиной разрушения самостоятельного русского мира, обладающего своими традициями, культурой, духовными ценностями. Отсюда – отрицательное, и даже враждебное отношение представителей славянофильского направления к Петру и его преобразованиям.

Так почему же Погодин столь высоко оценивает петровские реформы? Почему ученого, отстаивавшего теорию самобытности России, не смутил тот факт, что Петр I проводил свои преобразования, руководствуясь западными образцами, стремился перестроить всю русскую жизнь на иностранный манер?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратить внимание на следующие аспекты исторической концепции Погодина. Во-первых, следует рассмотреть общую постановку вопроса о роли личности в истории в трудах Погодина. По мнению историка, появление великих исторических личностей зависит не только от личных качеств человека, его воли, ума и т. д., но и от окружающих условий. Поэтому Погодин называет таких людей «счастливыми», т. е. «многие достойнейшие при противоположных обстоятельствах не получают и половины их успехов»¹⁰. Обратив внимание на обусловленность появления великих исторических личностей сложившимися историческими условиями, Погодин одним из первых в отечественной исторической науке сделал вывод о том, что оценивать их деятельность можно только исходя из конкретных исторических обстоятельств. Оценивая реформы Петра I, историку, прежде всего, требуется ответить на вопрос: были ли они закономерны, необходимы для страны?

Погодин проанализировал объективную необходимость петровских преобразований. Рассмотрев «время, в которое Петр жил, обстоятельства, в которых действовал, обстоятельства, в которых Россия находилась в отношении к Европе» историк делает вывод: реформаторская деятельность Петра, его нововведения имели глубокие корни на русской почве¹¹.

Итак, по мнению Погодина, «реформа в России началась задолго до Петра». Обращаясь к истории XVII в., исследователь отмечал предвестники петровских преобразований. Ликвидации патриаршества Петром I предшествовало низложение патриарха Никона царем Алексеем Михайловичем. Введению принципа личной служебной выслуги, зафиксированному в «Табели о рангах», предшествовала отмена местничества в 1682 г. Отмену местничества Погодин относил к числу наиболее значительных реформ в истории XVII столетия. Царь Федор Алексеевич, сжегший разрядные книги, осуществил переворот, разрыв с традицией. «Ясно ли, что наступила пора преобразований и никакого действия насильственнее, смелее, радикальнее отыскать в истории нельзя... Здесь уже слышится, чувствуется Петр», – писал Погодин¹². Особое значение Погодин придавал учреждению в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии в Москве. С открытием этого учебного заведения, по мнению историка, началось активное проникновение западноевропейских элементов в русскую науку и образование.

Петр I явился «деятельным совершителем предприятия», задуманного его предками, и в области внешней политики. Речь идет о завоевании Россией выхода к Балтийскому морю. Необходимость выхода России к морским берегам, согласно Погодину, диктовалась, прежде всего, потребностью обеспечить безопасность Российского государства, оградить русские земли от посягательств иностранных держав. «Не только вопрос: Польше, Швеции или России принадлежит господство на севере, но быть или не быть России в ту пору, зависел от того, кто на русском престоле будет встречать эту грозу, несущуюся с запада, в конце XVII и начале XVIII столетия». В этом плане Петр I стал не только «основателем русской европейской державы, но и спасителем древней»¹³.

Таким образом, по мнению Погодина, деяния Петра Великого имели под собой объективную основу и объективные потребности страны. «Петр I был во многих случаях только великим исполнителем, довершителем, который в своей душе, в своем уме, нашел запросы, содержащиеся в его народе и естественных отношениях его государства к прочим»¹⁴.

Во-вторых, ставя во главу угла уникальность исторического пути Российского государства, Погодин полагал, что Россия – это часть единой европейской цивилизации и должна участвовать в общеевропейском движении на пути к прогрессу. Россия могла и должна была заимствовать достижения европейских стран. От нововведений нельзя было отказываться, «как мы не отказались от пороха, от огнестрельного оружия, иначе были бы побиты в первом сражении»¹⁵.

С другой стороны, «преобразование Петрово не отрицало Древнюю Русь в том, что она заключало в себе существенного, непреложного, неизменного, а отрицало ее только в тех внешних формах, которые препятствовали развитию сущности ее духа»¹⁶. Реформы Петра I позволили России в короткое время догнать Европу, занять почетное место в политической системе Европейских государств, не затронув при этом самобытных основ Российского государства. Самобытность России трактовалась Погодиным в духе теории «официальной народности». Введя абсолютное единодержавие, Петр I укрепил основы монархической власти. Церковь в России, как и в Византии, откуда и была принята «особая часть веры», изначально подчинялась государям. Поэтому петровские реформы не внесли значительных изменений во взаимоотношения духовенства и светской власти. И тем более, никак не отразились на присущей русскому человеку глубокой религиозности. Основы народности (в понимании Погодина – добровольный союз царя и народа) также были заложены в начальный период русской истории. Этот союз государя и народа, скрепленный православной верой, рассматривался Погодиным как нечто неизменное, вечное.

Согласно историку, с правлением Петра I связано начало нового Европейского периода (1689–1825) в истории России. В течение этого периода семена, брошенные Петром в тучную русскую почву, проросли и дали обильные плоды. Россия сильна и могущественна. «Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелает?»¹⁷.

Обращаясь к настоящему, Погодин отмечает, что «период петров» заканчивается. Восшествие на престол императора Николая I, по мнению Погодина, открывает национально-самобытный период российской истории. Время показало, что «не все чуждое прекрасно», что на Западе обнаружили «многие существенные недостатки», что «старых опытов повторять не нужно»¹⁸. Но эпоха безусловного поклонения Западу миновала. И теперь «мы начинаем пользоваться европейским опытом, наукой, искусством с рассуждением, откидывая ненужное для себя, неприличное, несвойственное, покушаемся выражать свою национальность в слове, в мысли, в душе, в жизни»¹⁹.

Таким образом, петровское время занимает особое место в концепции Погодина. Россия, благодаря деятельности Петра, сделала своеобразный виток в своем развитии. На время Петр дал иное направление всей русской жизни. Это была необходимая мера, подготовленная предшествующим ходом исторического развития страны. Заслуга Петра Великого – в том, что он смог осознать необходимость преобразований. Он выявил и успешно решил стоявшие перед Российским государством задачи. Россия приобщилась к европейским научным, культурным, техническим и военным достижениям; превратилась в одно из сильнейших государств на мировой арене. В итоге, по мнению историка, петровские преобразования позволили России вернуться на собственную самобытную стезю уже на новом, более высоком уровне.

В целом, наиболее существенный результат научных изысканий Погодина по данной тематике состоит в том, что он попытался установить «связь времен», доказать, что реформы Петра I имели глубокие предпосылки в прошлом страны. Проводя мысль о преемственности между петровскими преобразованиями и предшествовавшим столетием, Погодин пришел к выводу о том, что реформы Петра являлись объективной необходимостью, были вызваны к жизни теми задачами, без решения которых дальнейшее поступательное развитие страны стало бы невозможно.

Примечания

1. Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689. М., 1875. 167 с.
2. Погодин М.П. Петр Великий //Погодин М.П. Историко-критические отрывки: В 2-х кн. Кн. 1. М., 1846. С. 356.
3. Погодин М.П. Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого. М., 1860. 110 с.
4. Погодин М.П. Петр I и национальное органическое развитие. М., 1863. С. 1.
5. Там же. С. 21.
6. Погодин М.П. Петр Великий //Погодин М.П. Историко-критические отрывки..... С. 335, 343.
7. Погодин М.П. Очерк русской истории //Погодин М.П. Историко-критические отрывки... С. 32.
8. Павленко Н.И. М.П. Погодин. М., 2003. С. 131.
9. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 32, 35.
10. Погодин М.П. Исторические афоризмы. М., 1836. С. 37.
11. Погодин М.П. Петр I и национальное органическое развитие. М., 1863. С. 3, 18.
12. Там же. С. 13.
13. Там же. С. 15.
14. Погодин М.П. Петр Великий //Погодин М.П. Историко-критические отрывки .....С. 355.
15. Там же. С. 345.
16. Погодин М.П. Петр I и национальное органическое развитие. М., 1863. С. 22.
17. Погодин М.П. Взгляд на русскую историю //Погодин М.П. Историко-критические отрывки.... С. 3.
18. Погодин М.П. За русскую старину //Погодин М.П. Историко-критические отрывки..... С. 444.
19. Погодин М.П. Петр Великий //Погодин М.П. Историко-критические отрывки..... С. 359.

Научное издание

Актуальные проблемы исторической науки

Выпуск 9

Сборник научных трудов

*Компьютерная верстка, макет Н. В. Белорыбкина
Электронный вариант А. Ю. Соколов*

План историко-филологического факультета 2012 г. (поз. 56)

Подписано в печать 24.12.2012. Заказ № 50/12

Формат 60х90/8.

Уч.-изд. л. 15,9.

Тираж 100 экз.

Изд. № 49

Пензенский государственный университет
440026, Пенза, ул. Лермонтова, д. 37

Адрес редакции: 440026, Пенза, ул. К. Маркса, д. 4

Телефоны: 8 (8412) 688866, 688822

E-mail: yagovdom@mail.ru

WWW: <http://www.ist.spu-penza.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Тугушева С. Ю.
440600, г. Пенза, ул. Московская, 74, комн. № 220. Тел.: 8 (8412) 563716